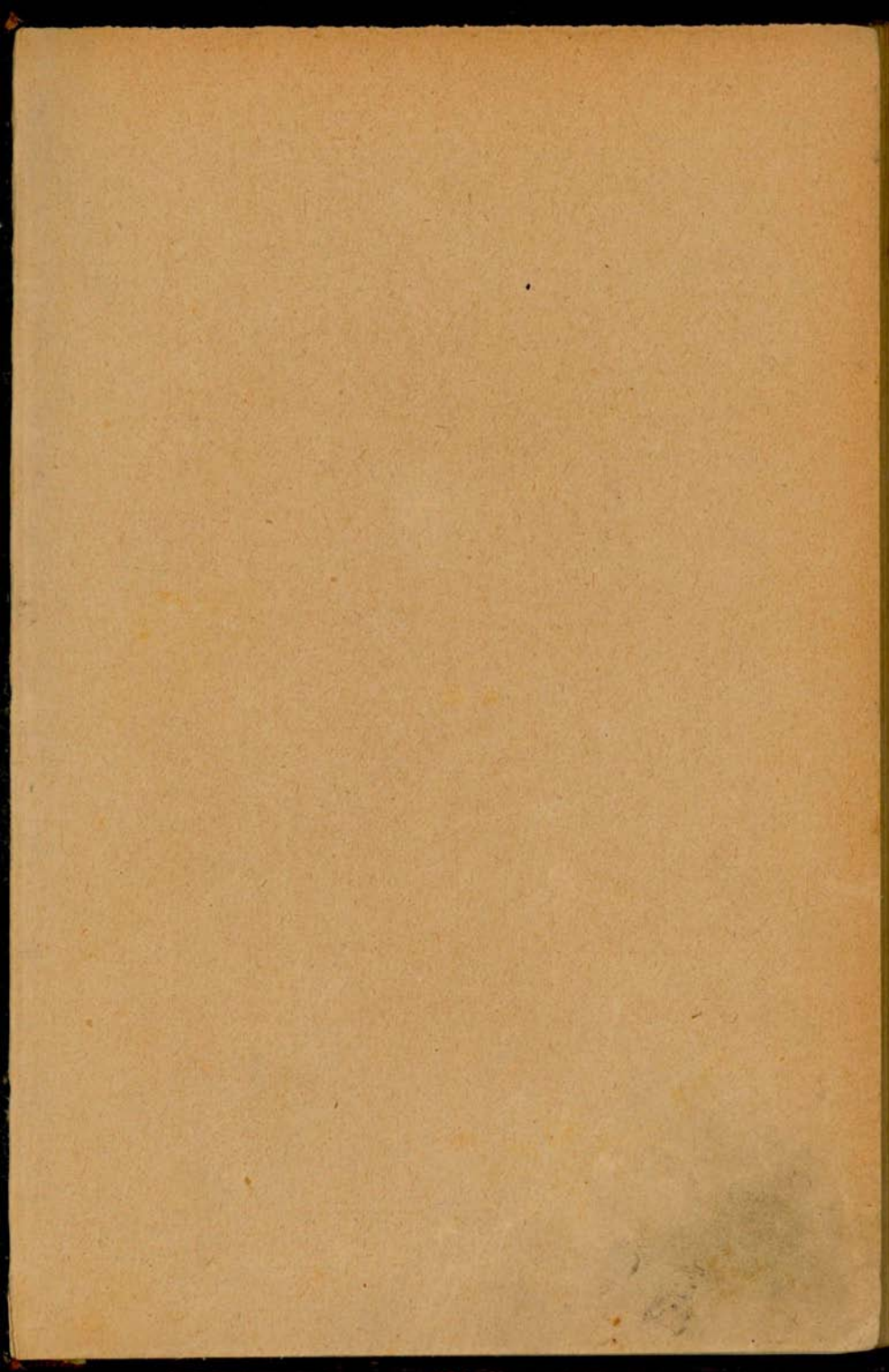
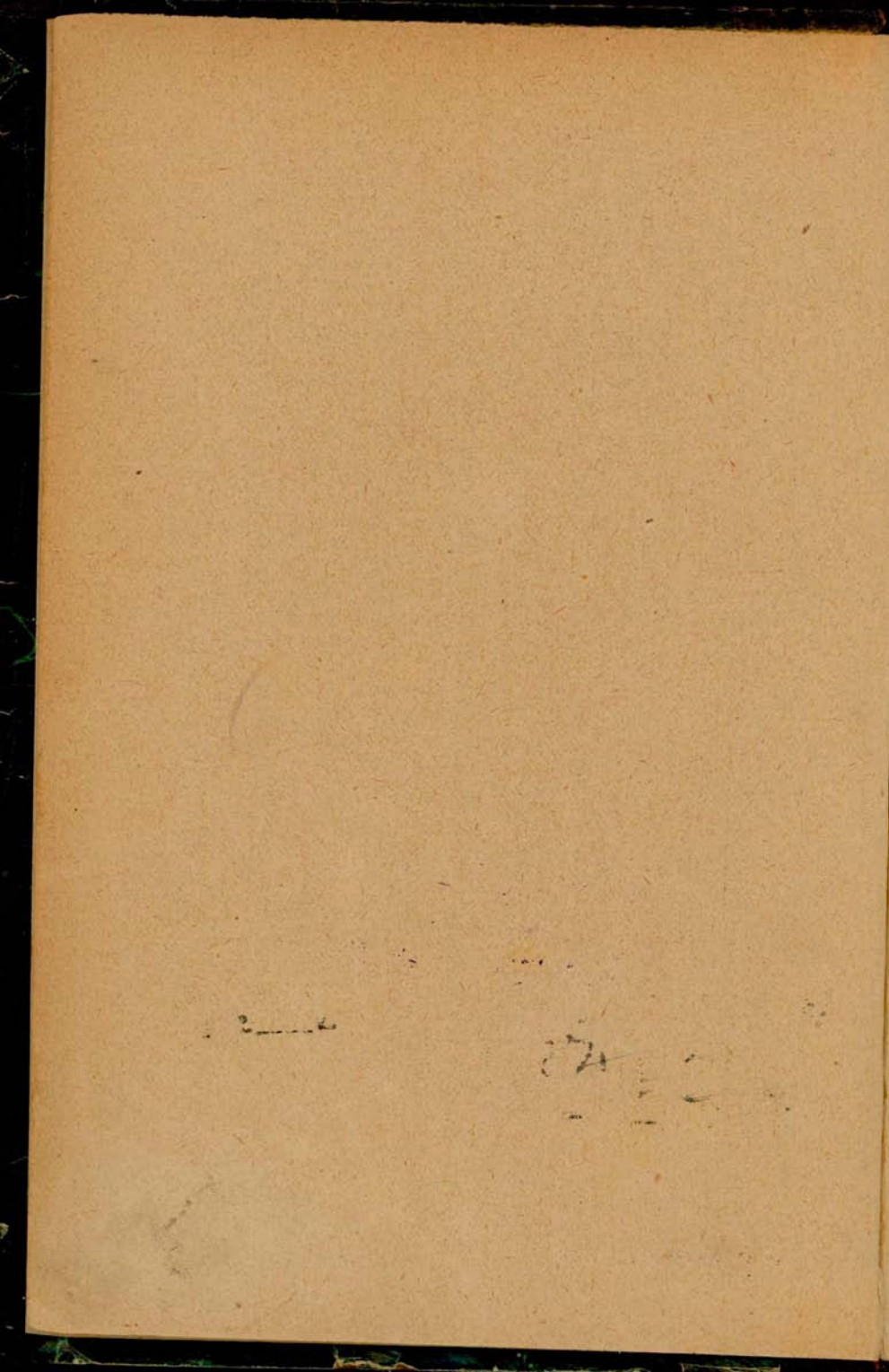

N. 789. x. 3

53326

K-789 x.3.

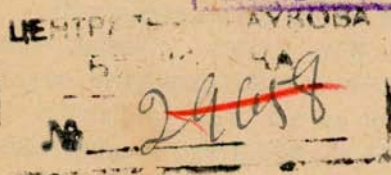
ХАТА ЗА ОКОЛИЦЕЙ.

as

ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

І. КРАШЕВСКАГО.

№ 53326 ✓
1920 / 3 чр.
/ уи.

58

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К*», Фонтанка 95.

1900.

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1900 года.

Часть первая.

I.

На границѣ Волыни и Подоліи есть селеніе, расположенное въ долинь, у крутого склона горы. Въ долинь стелются широкою равниною золотистыя нивы, кой-гдѣ пересѣченныя небольшими, темными рощами. По селенію протекаетъ ручей, съ довольно обширнымъ прудомъ. Весело бѣлѣются хаты въ зеленыхъ группахъ деревьевъ, прислоненныхъ къ склону горы, и еще веселѣе отражаются въ чистыхъ водахъ пруда. Тихо, прохладно, спокойно, уютно въ этомъ уголкѣ; всему тамъ приволье—и деревьямъ, и хатамъ, и людямъ. Небо надъ нимъ всегда ясно, а вѣтеръ если и заходитъ въ долину, то развѣ только для того, чтобы освѣжить воздухъ; бури проходятъ всегда стороною. Одну только грустную черту въ этой свѣтлой картинѣ составляетъ кладбище, расположенное на высокомъ холмѣ и господствующее надъ селеніемъ вѣстами.

Присматривались ли вы когда-либо, читатель, къ кладбищу многолюднаго селенія, гдѣ дорога каждая пядь земли? Какъ скупно отмѣривается тамъ мѣсто для мертвыхъ, какъ имъ тѣсно и душно! Сосѣди, боясь, чтобы кладбище не отняло у нихъ собственность, которую не хочется уступить для общей пользы, не пожалѣли труда и тщательно обнесли его рвомъ и валомъ, чтобы ни одинъ лишній покойникъ не могъ быть похороненъ на ихъ участкѣ. Только и видишь на такомъ кладбищѣ, что ровъ, валъ, узенькія ворота да кресты. Никому въ голову не придетъ насадить деревьевъ. А не дурно было-бы, если-бъ они шумѣли надъ

прахомъ умершихъ; все-таки среди царства смерти хоть что-нибудь напоминало бы о жизни; кресты прятались бы въ чащѣ вѣтвей и не такъ грустно было бы смотрѣть на страшное для многихъ мѣсто вѣчнаго покоя. Есть, правда, и здѣсь кой-какая растительность; но что это за растительность, и гдѣ же ея нѣтъ?.. Такой хоть бы и совѣмъ не видѣть! Торчатъ кой-гдѣ засохшіе стволы чертополоха, мѣстами разрослась крапива, изрѣдка кое-гдѣ на прошлогодней могилѣ синѣютъ колокольчики или блестятъ золотыя головки одуванчиковъ.

Печально и сумрачно стоятъ ряды крестовъ. Много думъ наводятъ они, и часто можно прочесть по нимъ жизнь покоящихся подъ ними... Вотъ надъ богачемъ стоитъ дубовый, окрашенный крестъ, крѣпкій и большой, на самомъ видномъ, почетномъ мѣстѣ; бѣднякъ пріютилъ свой крестъ въ уголкѣ, сколотилъ и поставилъ его небрежно, ненадолго: первый сильный порывъ вѣтра сломить его и унести съ кладбища, и нѣсколько лѣтъ обратятъ въ прахъ эту послѣднюю память объ усопшемъ.

Мѣстами желтѣютъ свѣжія могилы, неуспѣвшія еще зарости травой; здѣсь могильныя насыпи давно исчезли и вмѣсто нихъ образовались ямы. На валу, вмѣсто воротъ, стоитъ только полусгнившая деревянная рама, съ небольшимъ крестикомъ наверху; доски, бывшія когда-то на воротахъ, давно оборвались съ ржавыхъ петель и положены черезъ ровъ, вмѣсто мостика. Тѣсенъ входъ на кладбище, но для покойника довольно въ немъ простора, между крестами разгуливаетъ вѣтеръ, и дикою, печальною своею пѣсней нарушаетъ крѣпкій сонъ мертвыхъ. И душно, и страшно, и грустно на кладбищѣ.

Не знаю, какъ люди, привыкшіе къ просторнымъ, веселымъ избамъ, могутъ спать въ такомъ печальномъ мѣстѣ! Вѣроятно, многимъ, съ миромъ отошедшимъ, не нравилась новая обитель и не одинъ изъ нихъ, по ночамъ, посѣщалъ упыремъ прежнее свое жилище. По крайней мѣрѣ, въ селеніи много рассказываютъ о подобныхъ посѣщеніяхъ, приписывая ихъ непривычѣ покойниковъ къ сырой и душной могилѣ.

Если покойникамъ не нравится кладбище, то что же сказать о живыхъ? А между тѣмъ, не далѣе какъ въ пяти шагахъ отъ него, черезъ дорогу, стоитъ — изба не изба, даже не мазанка, а скорѣе шалашъ или что-то такое, чему и названія

не приищешь, хотя оно, очевидно, служить жилищемъ человѣку. Одной стороною оно обращено къ кладбищу, а другой упирается въ утесъ. Трудно представить себѣ что нибудь подобное. Въ безлѣсномъ краю бѣдному человѣку негдѣ взять лѣсъ на избѣ. Но чего онъ не придумаетъ, живя самъ-другъ съ нуждою! Обрывъ горы замѣнилъ двѣ стѣны, заднюю и боковую; двѣ другія примкнуты къ нему, словно птичье гнѣздо. Онѣ сложены или, вѣрнѣе, слѣплены изъ обрубковъ дерева, Богъ вѣсть откуда принесенныхъ, изъ хвороста, соломы, глины; все это смазано и держится какимъ-то непонятнымъ образомъ, точно ласточкино гнѣздо. Изъ такихъ же матеріаловъ, насланныхъ дерномъ, составила крыша. Воля и нужда сдѣлали что могли; остальное окончилъ Богъ. Онъ украсилъ крышу зеленью и крѣпко связалъ ея корнями разнородный матеріалъ. На избѣ шумитъ цѣлая плантація куколя и другихъ травъ, а изъ-за нихъ боязливо выглядываетъ сплетенная изъ хворосту и смазанная глиною, труба. Чтобы стѣны не обвалились,—а довѣрять имъ было опасно,—зодчій обсыпалъ ихъ завалиной и подперъ двумя кривыми столбиками. Несмотря на эти предосторожности, хата все-таки смотреть въ землю,—такъ вотъ и кажется, что она сейчасъ присядетъ или приляжетъ. Окнами ей служили два неправильно прорубленные отверстія, въ которыя вставлено безъ рамъ нѣсколько кусковъ стекла. Какъ ни мало пропускали они свѣта, все-таки въ хатѣ было видно, въ особенности при солнцѣ; стало быть, они довольно хорошо соотвѣтствовали своему назначенію и строитель наполовину достигъ своей цѣли.

Въ постройкѣ двери нужда опять оказалась великимъ художникомъ, творящимъ все изъ ничего. Дверь вышла чудомъ въ своемъ родѣ. Посмотрѣть издали — она какъ-будто ушла подъ самую крышу и манила прохожаго, обѣщая свободный входъ; а подойдешь ближе — она оказывается не выше пояса. Однимъ словомъ, все въ этой несчастной мазанкѣ — дверь, окна, труба, все было пародіей на обыкновенныя людскія жилища. Но какъ ни была мала эта дверь, а много пошло на нее труда. Въ безлѣсной странѣ за одно «спасибо» никто не дастъ и полѣна, а строившій хату за селомъ никакой другой награды предложить не могъ. Зато эту дверь можно было хоть въ комитетъ ученыхъ, которые прочли бы въ этомъ безмолвномъ, но тѣмъ не менѣе

выразительномъ памятникѣ, всѣ вздохи, сокрушавшіе грудь трудившагося надъ нею. Сколько тутъ было сколочено кусковъ и кусочковъ разнаго дерева, сколько дырокъ заклепано колышками, сколько жердочекъ превращено слабой рукой и топоромъ въ дощечки, сколько родовъ дерева сошлось тутъ, въ непривычномъ имъ сочетаніи: сосна, дубъ, яворъ, даже гордый грабъ соединились, безъ чиновъ, для общей пользы. Много бѣдняга приложилъ тутъ стараній, но ихъ теперь не видать, потому что вѣтеръ и дождь давно уже затянули чуждыхъ сосѣдей одною сплошной поволокой, за которою едва можно разсмотрѣть различіе ихъ породъ.

Представьте себѣ такую хату или мазанку, или лучше такое безыменное убѣжище, прилѣпите его къ крутому обрыву горы, противъ кладбища, и вы навѣрное спросите: кто же построилъ его? кто могъ жить въ немъ? Тотъ, кто обыкновенно живетъ въ подобныхъ убѣжищахъ — нищій. Не страшно было ему сосѣдство кладбища, не страшна смерть нуждающемуся: ибо смерть—его успокоеніе и ему не изъ-за чего дорожить своей жизнью.

Селеніе, описанное нами, называется Стависками. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него нестрѣтъ усадьба, утопающая въ роскошныхъ нивахъ. Господскій домъ возвышается надъ окрестностью; изъ него можно видѣть все, чѣмъ Господь украсилъ эту мѣстность — воды, горы, избы, церковь, даже спящія вдали лѣса; не видать только кладбища.

Кто жилъ въ этой усадьбѣ, узнаемъ послѣ; а теперь приступимъ къ разсказу.

II.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ тѣмъ, какъ выстроилась усадьба эта и англійскіе сады замѣнили скромные огороды, въ село Стависки прикочевалъ таборъ цыганъ. Начальникъ его, какъ водится, занимался кузнечнымъ дѣломъ: родичи его были ему помощниками, а женщины ворожили и воровали. Въ то время уже рѣже начинали появляться эти загодочные бродяги, происхожденіе которыхъ и языкъ покрыты непроницаемой

тайной. Приходъ ихъ въ Стависки былъ необыкновеннымъ происшествіемъ. Все селеніе выбѣжало поглазѣть на пришельцевъ, сохранившихъ, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, столь яркіе еще признаки своего не европейскаго происхожденія и изгнанничества. Даже бабы, мѣсившія хлѣбъ, вышли изъ избъ съ засученными по локоть рукавами, крѣпко держа за руки своихъ трусливыхъ ребятишекъ, чтобы цыгане не похитили ихъ.

Парни и дѣвушки тоже высыпали навстрѣчу незваннымъ гостямъ, а возвращавшіеся съ полевыхъ работъ остановились съ плугами посреди улицы. Таборъ состоялъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ и медленно подвигался къ корчмѣ. Сильный, атлетическаго сложенія мужчина правилъ повозкою, изъ которой выглядывали запыленный кузнечій мѣхъ, сложенная палатка, наковальня, разные приборы и лохмотья. Среди хлама сидѣла, поджавшись, женщина среднихъ лѣтъ, съ ребенкомъ у груди. Она казалась настоящей вѣдьмой. Черные волосы въ безпорядкѣ спускались по обѣимъ сторонамъ смуглаго лица, украшеннаго блестящими глазами и коралловыми губами. Огромный платокъ прикрывалъ ее почти всю. На колѣняхъ ея лежалъ младенецъ, совершенно нагой, прильнувъ ртомъ къ материнской груди. На лицѣ этой женщины замѣтны были слѣды страданій, тоски и усталости. Взоръ ея ни на минуту не отрывался отъ дитяти. Мужчина отличался огромнымъ ростомъ, широкими плечами и суровымъ выраженіемъ лица. Его грудь была совершенно обнажена; дырявая, засаленная рубашка и изорванные штаны едва прикрывали его смуглое тѣло; голова была также непокрыта, только густые, вьющіеся волосы защищали ее отъ дождя, вѣтра и жгучаго солнца. Онъ шелъ босикомъ, но такой гордою поступью, что съ перваго взгляда въ немъ можно было узнать предводителя Ромовъ, какъ называютъ себя цыгане.

Вокругъ него тащилась остальная ватага: трое нагихъ дѣтей, отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, двадцатилѣтній юноша, дѣвушка лѣтъ семнадцати, поразительной красоты, стройная, смуглая, одѣтая нѣсколько опрятнѣе другихъ, уродливая старуха, пожилой мужчина, коренастый, приземистый, съ высокимъ лбомъ, подталкивавшій сзади повозку, да еще двѣ или три женщины, въ полосатыхъ платкахъ, тащившихся по землѣ.

Весь этотъ сбродъ лѣниво подвигался къ корчмѣ; по вре-

менамъ всѣ посматривали на начальника, какъ бы съ нетерпѣніемъ ожидая приказаній. Къ общей радости, повозка, поравнявшись съ корчмой, остановилась; предводитель поднялъ голову и проницательнымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ окружающихъ.

Въ то же время изъ корчмы высыпало нѣсколько крестьянъ подъ предводительствомъ войта, на головѣ котораго гордо сидѣла высокая баранья шапка. Мужики въ глубокомъ молчаніи посматривали на пришельцевъ. Они не рѣшались начать разговоръ, чтобы не уронить своего достоинства, и выжидали, чтобы гости сами повели рѣчь. Окинувъ всѣхъ взглядомъ, предводитель цыганъ подошелъ къ войту, узнавъ въ немъ по чутью, а можетъ-быть и по новой высокой шапкѣ, первое лицо въ селевіи, кивнулъ ему головой и ломанымъ, но полнымъ какой-то особенной звучности, языкомъ отозвался:

— Здравствуй, пане господарь; я думаю, ты здѣсь старшой?..

— Положимъ—я; ну, такъ что-жъ?..—гордо произнесъ Максимъ Ляхъ.

— Если такъ,—отвѣчалъ цыганъ, лѣниво отирая съ лица потъ кускомъ изорванного рукава,—я просилъ-бы твою милость позволить мнѣ переночевать въ деревнѣ.

— Ого-го! чтобы къ утру не досчитаться парочки-другой коней!—смѣло сказалъ войтъ, упершись руками въ бока.

— Зачѣмъ попусту тратить слова!—со вздохомъ и полуулыбкой отвѣчалъ цыганъ. — Есть-ли еще у тебя кони-то, батюшка? Мы не изъ тѣхъ цыганъ, что на чужое добро засматриваются: своими руками хлѣбъ зарабатываемъ и воровъ между нами нѣтъ.

— А откуда ты знаешь, что у меня нѣтъ коней?—вскричалъ изумленный Максимъ Ляхъ.

— Вѣстимо, знаю, батюшка... цыганъ все знаетъ!—двусмысленно проворчалъ Апрашъ.

— То-то и бѣда,—продолжалъ смущенный войтъ, краснѣя и поглядывая на своихъ,—вы много знаете, зато съ вами какъ разъ грѣха наживешь; меньше бы знали, меньше бы и лиха было съ вами. Вишь знахарь какой! Въ деревнѣ никогда не бывалъ, а ужъ знаетъ, у кого есть кони, у кого нѣтъ!

Давно ужъ мы не видали вашей братьи—и милости просимъ!—пожаловали,—съ пронической улыбкой прибавилъ войтъ.

— Какой тутъ знахарь!—возразилъ цыганъ, слегка пожимая плечами.—Рано, панъ войтъ, изволишь жаловать меня въ знахари. Знаю я, что у тебя нѣтъ коней не потому, что знахарь, а просто по чужимъ словамъ. Вотъ послушай, такъ и не станешь удивляться. Мы стояли въ Пятковцахъ, всего въ пяти верстахъ отсюда. Слава Богу, никто тамъ слова дурного не скажетъ про Апраша; много перебывало у насъ работы и мы угодили громадѣ (обществу). Вотъ какъ стали мы сниматься, намъ и указали дорогу въ Стависки; зашла рѣчь про тебя, какъ войта, а тутъ старикъ Вуренецъ и сказалъ, что у тебя-де коней ковать не придется, потому что у тебя ихъ нѣтъ. Вотъ тебѣ и все мое знахарство.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, усталые цыгане растянулись на землѣ, гдѣ кто стоялъ. Старики понурили головы; молодежь поводила кругомъ глазами, стараясь осмотрѣть селеніе; дѣвушки не спускали своихъ черныхъ глазъ съ разговаривавшихъ, какъ-бы желая смягчить суровыя, ничего добраго не предвѣщающія лица крестьянъ.

— Разсказывай себѣ,—подхватилъ Максимъ Ляхъ,—такъ-ли, не такъ-ли, а вы убирайтесь по добру, по здорову, да подальше!

— Позволь только переночевать; завтра чуть свѣтъ мы уберемся.

— Солнышко, слава Богу, еще не зашло; успѣете добраться до другой деревни, а у насъ цыганъ не бывало и мы проживемъ безъ нихъ.

Цыганъ вздохнулъ и замолчалъ; опершись на кнутовище, онъ, повидимому, размышлялъ. Къ войту подошла дѣвушка.

— Скажите, чего вамъ бояться цыганъ? — сказала она смѣло, выразительно и довольно чистымъ языкомъ. — Васъ такъ много, а насъ одна горсть; стыдно бояться, Богъ вѣсть чего!.. Въ Пятковцахъ мы стояли цѣлую недѣлю и не сбѣжали оттуда; насъ проводили съ почетомъ и просили приходить въ другой разъ.

— Молчи Азаора,—перервалъ Апрашъ, топнувъ ногою,—не суйся не въ свое дѣло, ступай къ бабамъ!

Онъ помолчалъ и потомъ обратился къ войту:

— Не гони насъ, пане войтъ, авось и мы пригодимся. Разсуди самъ, пора рабочая, къ кузнецу надо ѣздить за десять верстъ; вѣдь кому изъ васъ не жалко тратить цѣлый день изъ-за починки какого-нибудь лемеха или сошника? Позволь намъ остаться—и намъ будетъ кусокъ хлѣба, да и для васъ выгодно. Вотъ,—прибавилъ онъ, указывая рукой,—отведи намъ только конецъ этого выгона, только бы разбить палатку да поставить котелъ, и намъ больше ничего не надо.

Видно крестьяне нуждались въ кузнецѣ! При послѣднихъ словахъ Апраша, они начали переглядываться между собой, качая головами. Самъ войтъ почесалъ въ затылкѣ, поправилъ шапку и въ молчаніи посматривалъ то на одного, то на другого изъ своихъ, какъ-бы вызывая на подачу голоса.

Апрашъ замѣтилъ, что успѣхъ на его сторонѣ, и на загорѣломъ лицѣ его заиграла улыбка. Пословица — «куй желѣзо пока горячо» — была ему хорошо извѣстна; и онъ, примѣняя ее къ своему положенію, не переставалъ представлять имъ выгоды отъ его присутствія въ Ставискахъ. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что, несмотря на нерасположеніе мужичковъ къ цыганамъ, ему было позволено разбить шатеръ на пустомъ, нѣсколько возвышенномъ берегу пруда. Цыгане только этого и ждали. Всѣ ихъ желанія ограничивались мѣстомъ для шатра и видами на небольшой заработокъ. Они не разсыпались съ перваго же дня по деревнѣ, какъ это они дѣлали обыкновенно; женщины не таскались по избамъ; Апрашъ ничего не выпрашивалъ въ долгъ: вся его дѣятельность была сосредоточена на кузницѣ. Зато она явилась скоро—словно изъ-подъ земли, и къ вечеру была подкована лошадь одного крестьянина за незначительную плату, въ составъ которой входилъ черствый каравай хлѣба, кормъ для лошади и худая, давно уже безъ проку клохтавшая курица.

На другой день работа повалила къ цыгану, а на третій, если-бъ онъ захотѣлъ снять свой шатеръ, то крестьяне не отпустили бы его, ибо всѣ нуждались въ кузнецѣ. Работа у Апраша не переводилась въ Ставискахъ. Правда, онъ былъ мастеръ на все; зналъ отлично кузнечное дѣло, удачно лѣчилъ скоть, охотно пускался въ разговоры, не жалѣлъ совѣтовъ и

зналъ съ кѣмъ, о чемъ и какъ повести рѣчь. Извѣстно, что для того, чтобы пріобрѣсть общее уваженіе и довѣріе, въ деревнѣ, какъ и вездѣ, нужно умѣть показать себя; Апрашъ же въ этомъ отношеніи не уступалъ никому.

— Смотри,—говорилъ онъ парню, разинувшему ротъ отъ удивленія,—смотри, что за подкова! Ты съ роду такой не видывалъ. Даромъ, что у твоей лошаденки копыто хрупкое, а подкова вишь какъ пристала, словно приросла! Теперь ужъ не захромаетъ твоя лошадка, не бойся, я не закую; поѣзжай по какой хочешь дорогѣ, подковы не скинетъ на другой день, не то, что послѣ вашихъ кузнецовъ. Всѣ вы будете поминать цыгана Апраша и скажете ему спасибо.

Скоро Апрашъ отбилъ работу у всѣхъ сосѣднихъ кузнецовъ; въ одну недѣлю онъ прослылъ самымъ искуснымъ мастеромъ, и не разъ мужички съ сожалѣніемъ поговаривали:

— Что мы станемъ дѣлать, когда Апраша не будетъ?

Не знаю, хотѣли ль цыгане задобрить поселянъ или отблагодарить ихъ за позволеніе жить на ихъ землѣ, только поведеніе ихъ было безупречно: въ деревнѣ не пропало ни иголки; цыганки по цѣлымъ днямъ сидѣли у своей повозки и нигдѣ ихъ не было ни видно, ни слышно. Деревенскія бабы сами приходили къ нимъ: одной нужно было погадать, другой полѣчиться; но трудно было выпросить что-нибудь у смуглыхъ цыганокъ: онѣ были робки, боязливы и осторожны.

III.

Черезъ недѣлю Апрашъ хотѣлъ двинуться далѣе и началъ уже укладывать пожитки въ повозку. Но не тутъ-то было. Нашлось еще много изломанныхъ лемеховъ, неподкованныхъ лошадей и разнаго рода работы. Самъ войти его удерживалъ.

Цыгане жили въ Ставискахъ, и наконецъ такъ хорошо ожились, что Апрашъ приказалъ выкопать яму, обилъ ее дерномъ и подъ шатромъ образовалась землянка. Никто на это не сказалъ ни слова; напротивъ, всѣ радовались, что въ деревнѣ завелся свой кузнецъ: даже изъ другихъ селеній стали приходить съ сошниками и топорами.

Вся семья цыгана, какъ мы уже сказали, состояла изъ него самого, женщины съ младенцемъ, называвшейся его женою, трехъ подростковъ, двадцатилѣтняго парня и семнадцатилѣтней красавицы, инстинктивно сознававшей свою красоту, изъ старухи, работника, своимъ безобразіемъ напоминавшаго Калибана, и еще трехъ женщинъ, о которыхъ трудно было сказать, въ какомъ родѣ онѣ принадлежали къ семьѣ.

Впрочемъ, семья ли это? Кто у нихъ былъ отецъ, кто мать, сестра, братъ, жена, мужъ—трудно было опредѣлить. Всѣ между собою назывались непонятными именами; власть одного деспотически управляла всѣми. Двое стариковъ пользовались приличнымъ ихъ лѣтамъ уваженіемъ; одни распоряжались какъ слугами, какъ дѣтьми, а другіе безпрекословно повиновались. Однако это былъ не обыкновенный цыганскій таборъ, а что-то болѣе благородное проглядывало на ихъ загорѣлыхъ лицахъ и въ ихъ черныхъ глазахъ замѣтно отражалась печаль изгнанія, тоска, сиротство и тяжкое бремя отверженія. Они не переходили беззаботно съ мѣста на мѣсто; въ ихъ пѣсняхъ не было дикаго разгула обыкновенныхъ цыганъ, да и пѣвались онѣ не такъ часто. Жена Апраша сидѣла по цѣлымъ днямъ, неподвижная, безмолвная какъ статуя, не спуская младенца съ колѣнъ, въ углу палатки; она рѣдко прикасалась къ пищѣ и ничѣмъ не занималась; ея глаза постоянно были уставлены въ противоположный уголъ. Мужъ иногда заговаривалъ съ нею, но слова его оставались безъ отвѣта. Если къ ней подходили ребятишки, то она даже не смотрѣла на нихъ; только плачь младенца, бывшаго у нея на рукахъ, на время выводилъ ее изъ апатіи: она сильнѣе прижимала его къ изсохшей груди, и двѣ глубокія морщины прорѣзывали ея лобъ. Ей прислуживала безобразная старуха. Дюжій Калибанъ, котораго цыгане звали „Цынокъ“, вертѣлся около кузницы. Три женщины варили кушанье и присматривали за дѣтьми. Молодой парень былъ вмѣстѣ съ Апрашемъ за наковальнею; онъ молча помогалъ ему и работалъ больше хозяина. Хотя въ чертахъ его лица, въ глазахъ и губахъ были несомнѣнные признаки цыганской крови, однако онъ многимъ отличался отъ своихъ братій, Ромовъ; въ немъ замѣтно было нѣчто чуждое этому племени; какія-то мысли, стремленія и

страсти волновали его грудь. Волоса его были не такъ черны и не такъ волнисты, какъ у Апраша; они падали болѣе прямыми прядями на его широкія плечи; лицо было бѣлѣе, чѣмъ у большей части цыганъ, губы меньше и тоньше, очертаніе глазъ было иное. Продолговатый видъ лица представлялъ русскій типъ, смѣшанный съ цыганскою кровью. Хотя онъ и исполнялъ приказаніе своего начальника, однако не такъ слѣпо покорялся ему, какъ другіе; часто на острое словцо онъ отвѣчалъ не менѣе ѣдкой остротой, а еще чаще мѣнялся съ Апрашемъ грозными взглядами. Не разъ хозяинъ судорожною рукою заносилъ молотъ и какъ-бы хотѣлъ ударить непокорнаго; глаза его наливались кровью, брови хмурились; слова жгучія, какъ искры, срывались съ его устъ; но черезъ мгновеніе какая-то невѣдомая сила обуздывала его ярость, и снова только одни удары молота нарушали молчаніе.

Послѣ цѣлаго дня трудной работы, молодой цыганъ не отдыхалъ въ шатрѣ съ товарищами и рѣдко садился къ ихъ трапезѣ; обыкновенно онъ взбирался съ ломтемъ черстваго хлѣба на вершину холма, садился въ раздумьи и тамъ заставляли его ночь и сонъ.

Упорное молчаніе жены и частые споры кузнеца съ помощникомъ не крылись отъ взоровъ крестьянъ, которые съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотрѣли на непонятную семейную тайну. Какъ ни мало привыкли они слѣдить и разгадывать, однако они не могли не понять, что въ узахъ, связывавшихъ эти немногія лица, скрывалась драма, полная кровавыхъ сценъ. Дѣйствительно, эта мать, жившая, повидимому, единственно своимъ ребенкомъ; этотъ помощникъ, отдававшій хозяину свой трудъ, но не душу и волю; старики, исполнявшіе, какъ воли, самыя трудныя обязанности, и дивная красавица, которая, казалось, повелѣвала всѣми, даже самимъ начальникомъ,—казались чрезвычайно странными и могли возбудить даже самое лѣнивое любопытство. Въ лицахъ Апраша и Азы рѣзче проявлялся цыганскій типъ, чѣмъ въ лицахъ остальныхъ ихъ товарищей. Аза, кромѣ прелести, обладала какою-то дикою, огненною красотою, подобіе которой можно видѣть въ индусскихъ статуяхъ и въ картинахъ, украшающихъ древнія индусскія поэмы. Черные глаза ея метали

огонь и каждый взгляд их пронизывалъ насквозь. Темно-желтый цвѣтъ лица, очаровательно изящная выпуклость носа и губъ превосходно гармонировали съ рамкою черныхъ, какъ смоль, волосъ, настолько гнутыхъ и длинныхъ, что они не только обрамляли голову и шею, но часть ихъ ниспадала роскошными прядями на плечи. На ея челѣ, въ глазахъ и въ цѣломъ образѣ какъ будто было написано: „ты будешь царицей міра“. И она съ полною увѣренностью въ себѣ шла къ своему назначенію; сознаніе своей силы неотразимо выглядывало изъ-подъ рубища ея бѣдности, а красота стана едва-ли не превосходила красоту лица: стройность и гибкость его поражали даже подъ лохмотьями. Казалось, что вся она была вылита изъ бронзы и могла служить прообразомъ человѣческой красоты; ея маленькой ножкѣ и смуглой, но дивно изящной ручкѣ, казалось, только бы покоиться на атласныхъ подушкахъ. На ея граціозно округленной груди, даже грубое цыганское покрывало казалось роскошнымъ и ложилось пышными складками, какъ самая тонкая восточная ткань.

Но красота этой дѣвушки была не всякому доступна и не каждый могъ понять ее. Чтобы постичь ее, требовалось глубокое влеченіе къ истинно прекрасному. Каждый крестьянинъ видѣлъ въ ней только гадкую цыганку, тогда какъ поэтъ готовъ бы былъ благоговѣть передъ нею, какъ передъ чуднымъ явленіемъ...

И какъ умѣла эта чародѣйка одѣваться! Кусокъ грубого полотна, пестрый платокъ, красный поясъ, нитка коралловъ, пучекъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣсколько блестящихъ побрякушекъ составляли все ея богатство; но изъ всего этого она умѣла создать истинно художественный нарядъ, и все было ей къ лицу. Бывало, она станетъ надъ водою, подумаетъ немного и обвѣситъ себя каждый разъ иначе своими уборами, потомъ цѣлый часъ любитъ сама на себя, и когда вернется подъ свой грязный шатеръ, въ немъ какъ-будто дѣлается свѣтлѣе; даже самъ Апрашъ не рѣдко отрывалъ свой взоръ отъ работы, и печальная улыбка скользила по его губамъ.

Только одинъ парень, который иногда осмѣливался спорить съ Апрашемъ, не смотрѣлъ на свою прелестную товарку, впрочемъ не изъ равнодушія, а вслѣдствіе какого-то твердо

принятаго намѣренія. Бывало, прислонившись къ шалашу въ тѣни и сверкая только своими огненными глазами, Аза пѣла или бросала нѣсколько рѣзкихъ словъ, пытаясь разсердить Тумра (такъ звали парня). Но слова ея были точно листья, падающіе въ рѣку, которые зарябятъ воду, уплывутъ, и снова только небо смотрится въ рѣку. Тумръ не слушалъ, не смотрѣлъ, не ствѣчалъ; иной разъ онъ хмурился или улыбался, но продолжалъ ковать желѣзо и ждалъ, пока сядетъ солнышко, огонь въ горнѣ погаснетъ, и онъ уйдетъ на пригорокъ отдохнуть.

Апрашъ и дѣвушка иногда цѣлый день досаждали ему выговорами, насмѣшками, бранью; но онъ терпѣлъ, и только изрѣдка возражалъ хозяину и отпускалъ неласковое словцо красавицѣ, но чаще сносилъ все и, дождавшись вечера, убѣгалъ отъ нихъ. Не разъ старикъ и Аза пытались удержать его, въ виду чего дѣвушка заводила пѣсню, а Апрашъ истощалъ свое краснорѣчіе въ длинныхъ наставленіяхъ и лестныхъ для него обѣщаніяхъ, но Тумръ былъ глухъ и нѣмъ попрежнему.

Все это и много другихъ сценъ видали не разъ крестьяне, когда приходили чинить свои сельско-хозяйственные орудія, но не могли понять, что дѣлалось у странствующаго кузнеца. Рѣзкій разговоръ пришельцевъ наводилъ на нѣкоторые предположенія, но никто не разумѣлъ ихъ языка и не могъ уловить даже его звуковъ.

Былъ, впрочемъ, въ селеніи одинъ человѣкъ, Лепюкъ, понимавшій нѣсколько ихъ языкъ, потому что самъ происходилъ изъ цыганъ. По прибытіи своихъ единоплеменниковъ, онъ было заперся въ избѣ, чтобы не видать ихъ; но какая-то непреодолимая сила тянула его послушать хоть издали звуки того языка, который онъ припоминалъ, какъ сонъ дѣтскихъ лѣтъ, и онъ началъ ходить по ночамъ къ шатру. Лежа по цѣлымъ часамъ на землѣ, онъ наслаждался родными звуками, отзывавшимися то въ пѣснѣ Азы, то въ брани женщины, то въ приказаніяхъ Апраша.

Лепюкъ дѣйствительно былъ родомъ цыганъ, но цыганство его сохранилось только въ одномъ воспоминаніи; долгое житіе среди другого племени изгладило всякіе слѣды его происхожденія, и только развѣ по лицу можно было угадать въ немъ яровъ Ромовъ. На селѣ рассказывали, что когда-то, очень давно,

на дорогѣ между Стависками и Рудней, въ жестокую стужу, проѣзжіе нашли на снѣгу два замерзлыхъ трупа: цыгана и цыганку. Надо полагать, что они, будучи застигнутыми среди поля мятелью и предвидя неизбѣжную смерть, заботились только о бывшемъ при нихъ ребенкѣ. Снявъ съ себя лохмотья, они завернули его, и окоченѣлые ихъ трупы защитили его отъ холода. Сострадательный поселянинъ, наткнувшись на ребенка, завернулъ его въ шубу, привезъ въ деревню и отогрѣлъ, а цыгана и цыганку похоронилъ на перекресткѣ дорогъ, навалилъ на могилѣ ихъ небольшой курганъ изъ булыжника и назвалъ это мѣсто: «цыганъ и цыганиха».

Найденышъ этотъ и былъ Лепюкъ. Онъ выросъ въ Ставискахъ, перенялъ крестьянскіе нравы и языкъ и, казалось, забылъ своихъ навсегда. Его воспитатель выдалъ за него единственную свою дочь и отдалъ ему все свое имущество и прозваніе. Лепюкъ имѣлъ дѣтей и жилъ припѣваючи, какъ на родинѣ.

Но странная сила воспоминаній и крови! Сколько разъ старый Лепюкъ ни проходилъ мимо могилы на перекресткѣ, всегда невольно останавливался, задумывался и вздыхалъ; а когда въ село пришли цыгане, онъ сталъ самъ не свой. Старое сердце такъ и рвалось въ его груди, словно хотѣло выскочить; онъ бросился въ свою хату и заперся въ ней; не спалъ по ночамъ, былъ боленъ, бѣгалъ отъ цыганъ и боялся встрѣчаться съ ними; ему все казалось, что они признаютъ въ немъ свою кровь.

Промучившись такъ нѣсколько дней и ночей, онъ, наконецъ, рѣшился ночью, какъ воръ, прокрасться къ шалашу Апраша, и плакалъ какъ ребенокъ, слушая пѣсню, которой сначала не понималъ. Этотъ языкъ дѣтства воскресъ въ памяти Лепюка; онъ глубоко тайлся въ душѣ, и стоило только забросить искру, чтобы онъ возсталъ совершенно живымъ. Сначала до него долетали только какіе-то непонятные, нераздѣльные звуки; но, мало-по-малу, слова становились все яснѣе и яснѣе, и вдругъ старикъ вспомнилъ пѣсню, убаюкивавшую его въ дѣтствѣ.

Горячія слезы выступили на его глазахъ: ему и стыдно было, и сладко, и больно, а на сердцѣ точно кошки скребли. Мило было прошлое, но страшно вернуться къ нему.

IV.

Итакъ, одинъ Лепюкъ могъ знать отчасти, что происходило въ шалашѣ цыганъ. Онъ видалъ, какъ оттуда уходилъ Тумръ, какъ красавица наблюдала за убѣгавшимъ и какъ кузнецъ посылалъ проклятья вслѣдъ своему непокорному помощнику. Среди тихой ночи не разъ слыхалъ онъ тихій, но оживленный говоръ и различалъ голоса Апраша и Азы.

Однажды Аза вышла изъ шалаша и устремила глаза на пригорокъ, на которомъ чернѣла фигура Тумра; цыганка погрозила пальцемъ и что-то произнесла, чего скрывавшійся за шатромъ Лепюкъ не могъ разслышать.

— Слушай, Аза,—сказалъ Апрашъ,— что тебѣ за охота заботиться о немъ. Пора намъ махнуть рукой на этого измѣнника; онъ не нашъ, въ немъ кровь *гаджо* (чужой)! Отецъ его былъ мнѣ братъ, но мать не изъ нашихъ, бѣлокурая—*гаджи*. Что ни дѣлай, напрасный трудъ! Стоитъ только примѣшать каплю ихъ крови къ нашей — и она пойдетъ въ ихъ родъ, а не въ нашъ. Такъ ужъ опредѣлилъ *Мроденъ-баро* (великій духъ), что племя Ромовъ сгинетъ навсегда, какъ только станетъ родниться съ чужими. Бросимъ его: пусть себѣ идетъ куда его тянетъ, пусть дѣлаетъ что хочетъ, только сперва заработалъ бы то, что онъ мнѣ долженъ за ученіе.

— Если будемъ гнать, то, извѣстно, уйдетъ! — отвѣчала дѣвушка, — не на стрѣлу птицу манять, а на зерно.

— А развѣ мы съ тобой мало его ласкали?

— Я... можетъ-быть, но ты не слишкомъ: ты всегда ненавидѣлъ его, какъ чужого.

— Не любить же мнѣ чужого! — съ горькою улыбкою возразилъ Апрашъ; — да и за что? Не за то ли, что изъ-за чужихъ у насъ нѣтъ ни земли, ни воды, ни тѣни, ни пріюта? Скажи, кто изъ нихъ пожелаетъ намъ добра, кто встрѣтитъ привѣтливымъ словомъ, кто назоветъ насъ братьями? Они насъ проклинаютъ и мы должны ихъ проклинать!

— Чѣмъ же виновать Тумръ, что родился отъ бѣлокурой матери?

— Виновать или нѣтъ, но каждый терпитъ за чужіе грѣхи; за наши грѣхи будутъ терпѣть внуки, а мы терпимъ за дѣдовскіе... Слушай, Аза, — продолжалъ онъ сквозь стиснутые зубы, — брось ты его ласкать, и такъ ужъ онъ забралъ себѣ въ голову, что безъ него мы жить не можемъ! Найдемъ тебѣ мужа лучше него, а онъ — пусть провалится къ *бынгу* (чорту)!

Улыбка скользнула по губамъ цыганки, раскрывъ два ряда бѣлыхъ блестящихъ зубовъ; но глаза ея не загорѣлись и губы не зашевелились: она промолчала.

Въ продолженіе этого разговора, цыганъ нѣсколько разъ посмотрѣлъ на женщину съ младенцемъ, а потомъ, приблизившись къ дѣвушкамъ, шепнулъ ей что-то и еще разъ помянулъ *бынга*.

— Вотъ и эта! Смотри, и въ ней кровь *гаджи*!.. Три года молчить и даже слезинки не проронить; бродить съ нами, а сердце Богъ вѣсть гдѣ! Нѣтъ, цыгану не слѣдъ брататься съ бѣлыми: наша доля — изгнаніе, нашъ удѣлъ — вѣчное скитанье, а они — улитки, приросшія къ раковинѣ: родятся, чтобы жить на одномъ мѣстѣ, и чуть что, — сейчасъ чахнутъ и умираютъ.

— Оставь ее въ покоѣ, — возразила Аза, — она уже выплакала всѣ слезы, выстонала всѣ стоны, и я знаю, что если отнять у нея ребенка, то она на мѣстѣ умретъ!

Апрашъ презрительно пожалъ плечами, выглянулъ за шатеръ, посмотрѣлъ на звѣзды и, какъ снопъ, повалился на землю.

Долго еще послѣ этого Аза сидѣла въ раздумьи и смотрѣла куда-то вдаль.

У.

Въ усадьбѣ Стависки жилъ въ это время молодой человѣкъ, только-что выпущенный въ свѣтъ. Имя его было — Адамъ, а фамилія... но что намъ въ его фамилію? На нѣжныхъ его губахъ и подбородкѣ едва пробивался пушокъ; ему не было еще двадцати лѣтъ, а онъ ужъ начиналъ тяготиться жизнью. Родятся же такіе несчастные, безъ силъ, безъ охоты къ жизни, безъ огня въ душѣ, безъ стремленій и безъ всякихъ желаній. Они лѣниво смотрятъ на безцвѣтный для нихъ міръ и ждутъ,

чтобы вѣчный сонъ опять сомкнулъ ихъ глаза: ничто ихъ не радуетъ и не согрѣваетъ, ничто не влечетъ на трудный путь жизни, надеждъ и дѣятельности. Смерть и жизнь для нихъ одно и то же, люди имъ чужды, а міръ — пустая и блѣдная декорація.

Въ такимъ молодымъ старикамъ принадлежалъ Адамъ. Онъ скучалъ ужасно и со скуки сердился; а брюзгливость стариковъ вѣдь не что иное, какъ слѣдствіе скуки, которую онъ вымещалъ на всѣхъ окружающихъ, какъ будто они были виноваты въ томъ, что онъ живой мертвецъ.

Иногда случалось ему видѣть, какъ другіе наслаждались своею скромною трудовой жизнью. Тогда онъ пробуждался на мгновенье и придумывалъ, что ему дѣлать. Но вслѣдъ затѣмъ утомленіе опять связывало ему руки, и всѣ помыслы кончались продолжительною зѣвотою, голова и руки опускались и наступало прежнее уныніе. Подчасъ сердце его начинало ныть болѣзненною тоскою, жаждою любви, сильныхъ ощущеній, борьбы; но это были только мимолетные порывы, за которыми всегда слѣдовалъ все тотъ же тяжелый сонъ. Адамъ не любилъ еще, хотя не одна ужъ женщина держала его въ своихъ объятіяхъ и обливала его лицемѣрными слезами, и не одно, можетъ быть, юное сердце билось дѣйствительною любовью къ нему. Но для него женщина была одной забавой; онъ не постигалъ, чтобы его сердце могло биться сильнѣе для нея и чтобы можно было ее любить. Пресыщенный и истощенный, онъ уже не искалъ любви, а скорѣе избѣгалъ ее, воображая, что испилъ уже до дна то блаженство, которое для многихъ другихъ кажется неисчерпаемымъ.

Тяжело и безцвѣтно тянулась его жизнь; часто день казался ему вѣкомъ, а минута годомъ; случалось, что онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на часовую стрѣлку и, казалось, не могъ дождаться, пока она сдвинется съ мѣста.

Однажды вечеромъ, послѣ продолжительной зѣвоты, Адамъ съ трудомъ поднялся съ дивана; осѣдланый конь былъ передъ крыльцемъ, собаки и пріатели давно ждали его. Но онъ не сѣлъ на коня и не отправился на охоту, а побрелъ одинъ, пѣшкомъ, самъ не зная куда.

Случай привелъ его къ палаткѣ цыганъ. Заходящее солнце

обливало западъ багровымъ свѣтомъ; косые лучи его ложились длинными полосами по травѣ, мѣстами уже окропленной серебристою росой. Природа при этомъ чудномъ освѣщеніи представляла собою что-то фантастическое. Величественная картина поразила даже равнодушные взоры Адама: онъ остановился и началъ смотрѣть вокругъ себя. Это было какъ разъ передъ палаткою Апраша, близъ которой сидѣла съ распущенными, черными какъ смоль волосами, красавица цыганка, полная огня и молодости; глаза ея пылали, какъ раскаленные уголья, и взоръ ея проникъ въ самое сердце Адама; онъ задрожалъ.

Аза замѣтила это, усмѣхнулась и между ея алыми губами показались два ряда бѣлыхъ зубовъ. Чародѣйка откинула назадъ голову, подняла глаза и выгнула свой стройный станъ, словно хотѣла похвалиться передъ нимъ своими семнадцатью годами. Адамъ стоялъ, смотрѣлъ и восхищался; сердце его билось и кровь въ его жилахъ потекла живѣе. Въ первый разъ въ жизни въ немъ зародилось желаніе любить, и онъ дѣйствительно полюбилъ. Не сходя съ мѣста, онъ мысленно рѣшилъ:

„Она должна быть и будетъ моею, хотя бы ее пришлось купить цѣною крови..“

Какъ только онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, Аза съ радостью и смѣхомъ побѣжала къ Апрашу.

— Слушай, *dodg* (отецъ),—сказала она,—брось ты свой молотъ и отдохни: дивное дѣло дѣлается: *раклори* (дѣвушка) поймала рыбку...

— Что, тебѣ опять пригрезилось?—рѣзко отвѣтилъ цыганъ.

— Нѣтъ, не пригрезилось!.. я знаю людей! Богъ далъ намъ чутье, какъ старому *джукалу* (псу), который отыскиваетъ себѣ цѣлебную траву; мы также чуемъ людей и читаемъ въ нихъ лучше, чѣмъ они въ своихъ книжкахъ. Сейчасъ здѣсь проходилъ здѣшній молодой *раи* (баринъ), тотъ, о которомъ рассказываютъ, что у него въ жилахъ вода, вмѣсто крови. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрѣть на него—такъ и кажется, что онъ не доживетъ до завтра. Однако мои глаза разожгли его: я посмотрѣла на него, онъ задрожалъ и завертѣлся, какъ змѣя подъ ногою... Лицо такъ и вспыхнуло, руки затряслись и онъ убѣжалъ отсюда, какъ шальной.

Цыганка дико захотала, хлопая въ ладоши.

— Теперь у Азаори будутъ богатые наряды, золото на головѣ и золото въ косахъ, красные пояса, и все, чего она ни захочетъ!..

— А ты продашь себя, *раклори*? — мрачно спросилъ цыганъ.

— Я? Навсегда — нѣтъ, на часъ — могу! Отчего же и не продать? На свѣтѣ все продается, разница только въ цѣнѣ: чего не купишь за грошъ, то купишь за миллионъ. Сердца не продамъ, а глаза, косу, холодныя руки отчего жъ не продать?

— Прелестница, — произнесъ сквозь зубы цыганъ, — прелестница! *Бынгескри очай* (чортова дочь)!

Аза отскочила, какъ-бы пораженная громомъ, и глаза ея за-сверкали.

— Слушай, старикъ! — грозно вскричала она, — ты не имѣешь права поносить меня и посылать къ *бынгу* (чорту)! Ты не знаешь, что у меня на умѣ. Я продамъ себя, но не на позоръ; за его деньги я дамъ ему только то, что даютъ каждому: улыбку, взглядъ, пѣсню! А ты думалъ, что я вѣкъ буду жить въ вашихъ лохмотьяхъ и грязи? Нѣтъ, нѣтъ! я презираю и васъ, и себя; я родилась на то, чтобы быть *рани* (барыней); мнѣ нужны наряды, золотыя украшенія, самоцвѣтные камни и власть!.. А послѣ, — прибавила она задумчиво, — когда пройдетъ молодость, когда увянетъ красота, вы одѣнете меня опять въ лохмотья, и я пойду за вашей повозкой, послушная, какъ *джукалъ*.

Кузнецъ только покачалъ головой, но клещи и молотъ дрожали въ рукахъ.

— Собачья душа! — проворчалъ онъ. — Не дается цыганъ, такъ надо ласкаться къ барину. Вишь, съ нами не живется! Охъ, молодость, молодость!..

— Ты никогда не былъ молодъ, — живо перебила Аза, — одни женщины умѣютъ быть молодыми, а мужчины рождаются стариками. Ваше дѣло работать, а наше — пѣть. А какъ тутъ пѣть при голодѣ и нуждѣ?!

— Вскружила себѣ головушку!

— Вскружила! — подхватила цыганка, танцуя въ тѣсной палаткѣ. — Посмотри, какъ я заживу! Буду веселиться, пѣть, плясать! Завтра я буду въ барскомъ домѣ и завтра же буду *рани*! Счастливо оставаться, старикъ!

VI.

Адамъ возвратился съ тяжелой душой домой. У крыльца его встрѣтили слуги и собаки, но онъ не наградила ихъ ни словомъ, ни взглядомъ, на его челѣ собрались тучи, глаза загорѣлись и кровь закипѣла желаніемъ любить.

Ему хотѣлось, не теряя ни минуты, воротиться назадъ, подать руку цыганкѣ и ввести ее въ свой домъ; но стыдъ передъ друзьями и слугами удержалъ его.

Онъ цѣлую ночь прометался въ бессонницѣ. Къ утру, когда онъ немножко успокоился, ему стало стыдно самого себя и онъ началъ смѣяться.

— Смѣшно, — разсуждалъ онъ про себя, — баринъ влюбился въ цыганку, въ черную грязную цыганку, когда стоитъ только съѣздить въ столицу и выбрать тамъ любую изъ сотенъ красавицъ! Нѣтъ, вздоръ; это невозможно и не должно быть.

Онъ старался прогнать мысль о цыганкѣ, но она, какъ пиявка, впиалась въ его сердце и терзала его безъ милости...

Онъ, такъ сказать, раздвоился, какъ это обыкновенно бываетъ, когда въ душу западетъ страсть сильнѣе разсудка и стыда.

Къ вечеру Адамомъ овладѣлъ страшный гнѣвъ. Онъ приказалъ созвать людей, чтобы узнать, кто позволилъ цыганамъ поселиться въ деревнѣ. Самъ онъ не рѣшался идти къ палаткѣ, а хотѣлъ, чтобы она пришла къ нему, и онъ велѣлъ позвать цыганъ.

Солнце уже было на закатѣ; Аза сидѣла передъ палаткою, разряженная, веселая и съ лукавою улыбкою. Апрашъ смѣялся надъ нею, когда изъ господскаго дома пришли посланные — войтъ и старшины. Аза радостно захлопала въ ладоши.

Старшины думали, что дѣвка съ ума сошла. Имъ страшнѣе былъ гнѣвъ барина, который ей одной былъ понятенъ и не пугалъ ее.

Апрашъ шелъ на господскій дворъ въ раздумьи, а Аза съ веселою, лукавою улыбкою, въ полномъ блескѣ красоты.

На крыльцѣ не было ни собакъ, ни людей; Адамъ сидѣлъ

одинъ, Аза смѣло подошла къ нему, съ полнымъ сознаниемъ своей силы и увѣренностію въ побѣдѣ.

Адамъ испугался ея черныхъ, блестящихъ глазъ, и вмѣсто гнѣва на лицѣ его мелькнула улыбка, какъ бы выпрашивающая состраданія.

— Кто позволилъ вамъ стоять здѣсь? Откуда вы пришли? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— Мой старикъ не умѣетъ хорошо говорить, — живо подхватила цыганка, — позволь мнѣ говорить за него. Молчи, Апрашъ! — прибавила она шопотомъ по-цыгански.

Съ этими словами она подошла къ самому крыльцу, наклонила голову на сторону, подперла ее рукой и, какъ змѣя, впившись взоромъ въ юношу, начала говорить съ нимъ въ полголоса какими-то непонятными словами. Адамъ съ минуту смотрѣлъ на нее; потомъ хотѣлъ отвернуться, чувствуя, что взглядъ цыганки пронизывалъ его до глубины души; но ужъ было поздно: красавица держала его въ своихъ рукахъ, и онъ безмолвно опустилъ голову.

VII.

На слѣдующій день Аза была въ господскомъ домѣ, а цыгане съ кузницею по-прежнему на выгонѣ. Но Азы нельзя было узнать. Черная цыганка была въ барскихъ покояхъ царевной съ береговъ Инда, видѣніемъ изъ древнихъ санскритскихъ поэмъ и ей недоставало только цвѣтка лотоса, чтобы представить собою Лакшми, родственницу Вишны и Браммы. Всѣ богатства, всѣ роскошные уборы, въ продолженіе многихъ лѣтъ накопленные предками Адама, были отданы въ полное распоряженіе цыганки. Самъ Адамъ сталъ ея послушнымъ рабомъ; забывъ вчерашнихъ друзей, собакъ и все на свѣтѣ, онъ лежалъ по цѣлымъ днямъ у ногъ чародѣйки, принимая съ восхищеніемъ малѣйшую ея милость, какою ей угодно было его наградить.

Такъ проходили дни за днями: она смотрѣла на него и говорила, а онъ слушалъ. Иногда она поражала его язвительной улыбкой, а иногда ласкала нѣжнымъ взглядомъ. Адамъ стра-

далъ, она смѣялась, была дерзка, непокорна и требовательна; и чѣмъ болѣе она встрѣчала въ своемъ обожателѣ покорной страсти, тѣмъ безжалостнѣе давила его. Аза жила своимъ торжествомъ; ей только и нужно было видѣть себя обожаемою красавицею и госпожею, испытать жизнь богатыхъ людей и потѣшиться, какъ дикому звѣрю, всѣмъ, что было въ ея власти.

Молодой человѣкъ, валявшійся у ея ногъ, измученный жаромъ безсильной страсти, не возбуждалъ въ ней даже состраданія. И понятно: цыганка привыкла видѣть мужчину крѣпкимъ, здоровымъ, сильнымъ, а Адамъ былъ въ ея глазахъ карликомъ, на котораго она смотрѣла съ любопытствомъ и презрѣніемъ; она смѣялась надъ нимъ, и только когда страсть совершенно обуревала безумца, бросала ему двусмысленную улыбку, какъ собакѣ бросаютъ обглоданную кость. Любовь въ несчастномъ шла объ руку съ гнѣвомъ, но въ обоихъ чувствахъ онъ былъ равно безсильнъ, и они только сжигали его.

Между тѣмъ Аза, переходя отъ одного предмета къ другому, забавлялась богатствомъ, которое было собрано въ старинномъ домѣ нѣсколькими поколѣніями. Каждый день она требовала новыхъ украшеній, новыхъ игрушекъ, и за все платила только обольстительною улыбкою и волшебнымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ. Адамъ не могъ добиться отъ нея даже самаго холоднаго поцѣлуя, ибо она хорошо понимала, что могущество ея заключалось въ порывахъ его неудовлетворенной страсти, которая могла угаснуть въ первомъ объятіи. Она раздувала искру взорами и улыбками и стремилась жить тою жизнью богатства, роскоши и власти, которыя могли съ минуты на минуту прерваться. Она хотѣла исчерпать все, что судьба давала ей, а когда она припоминала свои лохмотья, то дрожь пронимала ее, и она, какъ страусъ, закрывала глаза и прятала голову подъ крыло своихъ мыслей, чтобы не видѣть будущей нищеты.

УШ.

Казалось бы, такая жизнь не могла тянуться долго, но она тянулась не мало времени. Чародѣйка сжигала своими

черными глазами хилаго юношу до тла; ему тяжело было, но, почувствовавъ впервые жизнь, онъ не могъ отъ нея оторваться. Однако Аза начала уже помышлять о завтрашнемъ днѣ, о цыганскомъ шатрѣ, о лохмотьяхъ, о радостяхъ и лишеніяхъ цыганскаго житія подъ открытымъ небомъ. Въ душѣ ея происходила борьба. Съ одной стороны ее удерживалъ блескъ богатства, съ другой — манила цыганская свобода. Она чувствовала себя невольницею, хотя жила въ расписанныхъ стѣнахъ; она видѣла чрезъ окна все однѣ и тѣ же печальныя, темнозеленыя ели, не чувствовала порывовъ вѣтра, а только слышала его глухіе стоны въ трубѣ; она переходила безпрестанно къ новому, невѣдомому, и въ душѣ ея пробудилась тоска по прошлому и даже по бѣдности.

Кто разберетъ человѣка и кто разгадаетъ человѣческое сердце? Часто случается, что нами овладѣваютъ два стремленія, совершенно противоположныя, и оба намъ милы и дороги! Такъ было и съ Азой.

Въ домѣ Адама ее удерживали богатство и роскошь, а къ табору влекла тоска по безпредѣльной свободѣ.

Черезъ недѣлю цыганка уже плакала отъ скуки и хотѣла улетѣть, какъ птичка; ей казалось, что она умретъ въ этой неволѣ, но ей жаль было роскоши, которою она еще не успѣла насладиться. Блѣдный и хилый поклонникъ не могъ ее прельщать и она чувствовала къ нему только одно презрѣніе; она съ отвращеніемъ вытирала свою руку послѣ каждого его прикосновенія къ ней. А онъ сгоралъ любовью къ ней.

Однажды вечеромъ изъ-за деревьевъ показалась луна; вечерняя звѣзда загорѣлась на блѣдномъ небѣ. Аза съ трепетомъ бросилась къ окну, отворила его и высунулась, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Она устремила на небо свои задумчивые глаза. Серебристый свѣтъ воскресилъ въ душѣ ея воспоминанія о скитальческой жизни.

— Что съ тобою, Аза? — спросилъ Адамъ.

— Что? — произнесла она, съ язвительной улыбкой, едва оборачиваясь къ нему: — не понять тебѣ, если я и скажу! Мнѣ жаль бѣдности, холода, голода и бродячей жизни; мнѣ тошно на одномъ мѣстѣ, — недаромъ мы обречены на вѣчное скитаніе! Тебѣ и въ голову не придетъ, чтобы можно было тосковать о

черномъ хлѣбѣ, о жалкой долѣ, о бездомѣ! Наши старики рассказываютъ, что въ той землѣ, откуда мы изгнаны, почитаютъ одну птицу... которая и къ вамъ прилетаетъ... Смотри, вонъ на доревѣ ея гнѣздо... у васъ зовутъ ее аистомъ... Аистъ точно такъ же проклятъ, какъ и цыгане.

— И въ самомъ дѣлѣ, не понимаю, — зѣвая отвѣтилъ Адамъ.

— Погоди, можетъ - быть, поймешь. У аиста, какъ и у насъ, нѣтъ родной земли. Давно, очень давно — столько лѣтъ тому, сколько песчинокъ въ кучкѣ песку или сколько звѣздъ на небѣ въ зимнюю ночь — былъ большой моръ. Люди были тогда однимъ племенемъ, но они были нечестивы, и *Морденъ баро* (Господь) наслалъ на нихъ гибель. Одинъ только былъ между ними благочестивый старикъ; его избралъ Онъ къ возобновленію человѣческаго рода, велѣлъ ему построить большой ковчегъ, въ которомъ помѣстились бы по парѣ всѣхъ земныхъ тварей и нѣсколько избранныхъ людей. Когда небесныя хляби раскрылись и вода потокомъ хлынула на землю, всѣ твари стали входить на корабль и съ грустью прощаться съ матерью-землею. Не было глаза, который бы не прослезился, глядя въ послѣдній разъ на родимый край; одинъ только аистъ, съ лягушкой въ клювѣ, вошелъ въ ковчегъ, не оглянувшись на свое гнѣздо. *Мроденъ-баро* видѣлъ это и за такую безчувственность проклиналъ аиста и велѣлъ ему вѣчно тосковать. И вотъ, какъ сошла съ земли вода, аистъ вѣчно перелетаетъ изъ края въ край, все стонетъ и тоскуетъ объ одной далекой сторонѣ. Этотъ аистъ — тотъ же цыганъ, что и мы. Все тоскуемъ, все скитаемся съ мѣста на мѣсто, и нигдѣ намъ нѣтъ ни покоя, ни отдыха, ни родной страны.

Произнеся эту рѣчь, цыганка вздрогнула и бросилась къ дверямъ, какъ будто хотѣла бѣжать, но Адамъ остановилъ ее.

— Ты должна остаться со мною! — сказалъ онъ.

— А почему тебѣ не идти за мною? — гордо возразила цыганка. — Ты мнѣ не милъ и не нуженъ, а я тебѣ нужна! Но изъ-за чего я стану жертвовать собою ради тебя? Хоть бы я влила въ тебя всю мою молодость, то завтра же она застыла бы въ тебѣ, какъ во льду!

— Ты не уйдешь! — вскричалъ Адамъ въ отчаяніи.

не уйду, — холодно отвѣчала Аза. — Но какъ на-

ступить полный мѣсяцъ, *ціомуторо* *) и укажетъ дорогу — тогда непременно уйду.

IX.

Когда это происходило въ господскомъ домѣ, въ шалашѣ Апраша попрежнему стучалъ молотъ, сыпались искры, проклятія и брань. Жена попрежнему сидѣла неподвижно, прижавъ младенца къ груди; нагіе ребятишки бѣгали по выгону, Тумръ по вечерамъ уходилъ изъ шатра. Только одинъ Апрашъ грустилъ о черныхъ глазахъ Азы, объ ея пѣсняхъ, — то веселыхъ, то унылыхъ, — и объ ея насмѣшливыхъ рѣчахъ.

Бѣдный Лепюкъ, въ которомъ закипѣла кровь *Ромовъ*, попрежнему каждую ночь ходилъ къ шалашу прислушиваться къ звукамъ забытаго языка. А между тѣмъ передъ хатою старика, на завалинѣ, долго просиживала по вечерамъ, въ глубокомъ раздумьи, подперши голову рукою и устремивъ неподвижный взоръ за село, его молоденькая, пригожая дочь. Мотрунѣ было лѣтъ семнадцать; она вовсе не походила на прочихъ стависскихъ дѣвушекъ, и въ толпѣ ихъ, когда онѣ вмѣстѣ отправлялись къ обѣднѣ, тотчасъ можно было узнать ее, какъ зерно гречи въ кучѣ пшеницы. Лицо ея представляло смѣшеніе крови гонимаго племени съ кровью славянскаго народа, а въ сердцѣ ея соединялась кротость и нѣжность осѣдлаго племени, борясь съ вѣчной тревогой и тоской скитальцевъ. Она была хороша, какъ цыганка, и мила, какъ подолька; въ глазахъ горѣлъ блескъ юга, на устахъ играла свѣтлая и ясная жизнь сѣвера.

Дочь Лепюка была первой красавицей въ селѣ и одною изъ самыхъ гордыхъ; въ выраженіи ея лица было какое-то предчувствіе, что на ея долю выпадетъ болѣе страданія, чѣмъ на долю всѣхъ ея сверстницъ, и что она перенесетъ ихъ мужественнѣе, чѣмъ онѣ. Она рѣдко смѣялась, рѣдко участвовала въ пляскахъ и не любила ничего, чѣмъ веселятся другія

*) *Ціомутъ* или *чомутъ*, у ивнхъ цыганъ *чонъ*, луна; *оро* — уменьшительное окончаніе.

деревенскія дѣвушки. Лучшимъ ея удовольствіемъ было—просиживать по цѣлымъ часамъ на высокомъ холмѣ и глядѣть далеко, какъ бы ожидая, не отзовется ли ей кто-нибудь съ другого конца свѣта. Ея мать давно умерла; отецъ любилъ ее, но мало ласкалъ; братья ея пошли въ мать—были веселые, бойкіе парни и не понимали грусти сестры. Для нея было мученіемъ долго сидѣть въ избѣ; она часто плакала о томъ, что она прикована къ завалинѣ; когда надо было идти за водой, то она съ радостью бѣжала къ самому отдаленному ключу, выбирая всегда наименѣе знакомую тропинку.

Однажды вечеромъ, идя съ ведрами и коромысломъ на плечахъ, Мотруна встрѣтила Тумра; только разъ они встрѣтились взглядами и ужъ не могли забыть другъ друга. Тумръ былъ слишкомъ гордъ, чтобы искать сближенія съ дѣвушкою, которая могла съ презрѣніемъ отвергнуть его; но и Мотрунѣ неловко было заводить знакомство. Однако двѣ силы, независимыя отъ ихъ воли, сводили ихъ, безсознательно для нихъ самихъ. Днемъ Мотрунѣ случалось проходить мимо цыганскаго становища, а по вечерамъ сердце Тумра невольно направлялось къ избѣ Лепюка. Въ молодомъ цыганѣ разомъ заговорили два чувства, которыя очень часто соединяются: любовь къ дѣвушкѣ и желаніе привязать свою судьбу къ мѣсту, къ клочку земли, на которой могла-бы излиться любовь, наполнявшая его сердце.

Тумръ никогда не любилъ кочевья и теперь еще сильнѣе, чѣмъ когда-либо, мечталъ о своей избѣ, о клочкѣ земли, о тихой жизни у домашняго очага и о спокойной смерти подъ роднымъ кровомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ развивалась и любовь къ Мотрунѣ. Хотя между ними не было произнесено ни одного слова о взаимномъ чувствѣ, однако оно уже не было для нихъ тайною; одно только слово, одно движеніе—и чувство должно было вылиться наружу.

Одважды они встрѣтились за селомъ. Мотруна, задумчиво опустивъ голову, возвращалась съ поля; Тумръ, по обыкновенію, швырнувъ молотъ, выбѣжалъ изъ шалаша подышать чистымъ ночнымъ воздухомъ. Село пряталось въ туманѣ, воздухъ былъ пропитанъ лѣтними испареніями, запахомъ жатвы

и цвѣтовъ. Взоры молодыхъ людей случайно встрѣтились и встрѣтились ужъ какъ знакомые и родные, какъ-будто молодые люди уже цѣлые годы прожили вмѣстѣ. Мотруна несла вязанку хвороста и сгибалась подъ ея тяжестью. Тумръ сжался надъ усиліями дѣвушки и отозвался:

— Позвольте мнѣ помочь вамъ донести вязанку до избы: вы совсѣмъ измаялись...

— Да вы идете не въ деревню и вамъ не по дорогѣ...

— Я никуда не иду.

— Какъ? вѣдь вы бѣжали куда-то!

— Нѣтъ, я только вышелъ освѣжиться... За день много на-глотался дыму.

— Стало быть, и сами устали!

— О, нѣтъ!

Говоря это, Тумръ взялъ отъ нея вязанку, взвалилъ на плечи и пошелъ съ дѣвушкой къ селенію.

Путь былъ недалекій; но много-ли нужно времени, чтобы излить всю душу? Не много словъ было сказано между ними, но въ нихъ заключалась вся ихъ жизнь, всѣ ихъ надежды. Еще они не дошли до избы, а ужъ знали другъ друга. Въ бесѣдѣ своей они не замѣтили, какъ приблизились къ избѣ. Мотруна вспомнила, что ихъ можетъ увидѣть отецъ, и только-что хотѣла взять отъ парня вязанку, какъ вдругъ раздался чей-то гнѣвный голосъ: Лепюкъ стоялъ у воротъ, съ трубкой въ рукѣ, встрѣтилъ приближавшихся такимъ суровымъ взглядомъ, что у Мотруны сердце замерло отъ страха.

— Го, го!—крикнулъ старикъ дочери: — вотъ погоди, будешь ты у меня таскаться по ночамъ съ цыганами! Вишь, что вздумала! И ты туда же, оборванецъ! Какъ ты смѣешь ухаживать за хозяйской дочкою?

Цыгана обдало холоднымъ потомъ. Испуганная и смущенная Мотруна успѣла уже скрыться въ ворота, когда Тумръ собрался съ отвѣтомъ.

— Не великъ мой грѣхъ,—сказалъ онъ,— что я помогъ твоей дочери принести вязанку хвороста!

— Обойдется и безъ твоей помощи! — закричалъ старикъ дрожащимъ голосомъ. — Ступай своей дорогой и не заводи знакомства, не то, пожалуй, познакомишься съ дуби-

ной,—она всегда готова у стараго Лепюка для непрощенныхъ гостей!

Старикъ отворотился и началъ выколачивать пепелъ изъ трубки, ворча про себя:

— Этого только и недоставало, чтобы къ моей крови опять примѣшалась цыганская! Вишь, чортовы дѣти! уже успѣли снюхаться! Но я выбью у дѣвки эту дурь изъ головы! Цыганская кровь такъ къ цыганамъ и тянется! Видно, что ни дѣлай, а не отдѣлаться отъ этого проклятаго цыганства. Я ли не старался столько лѣтъ передѣлать себя, чтобы люди забыли про цыгана, а тутъ нелегкая принесла этихъ оборванцевъ. Нѣтъ! Надо принять мѣры, не то, пожалуй, скажутъ, что я съ умысломъ просваталъ дочь за цыгана... Нѣтъ, нѣтъ! не бывать тому!..

Крѣпко билось сердце у старика. Задыхаясь отъ гнѣва, онъ вошелъ въ избу, гдѣ дочь уже хлопотала и суешила около печи.

— Слушай, Мотруна, не отворачивайся и не прячь головы и ушей за горшки, — я шутить не люблю! Какое у тебя дѣло съ цыганами? Смотри, не хорошо будетъ, право слово — не хорошо! Я этого не похваляю. Ты хозяйская дочь и стыдно тебѣ связываться съ цыганомъ.

Дѣвушка съ минуту помолчала, потомъ подняла голову и кротко отвѣтила:

— Что-жъ тутъ дурного? Онъ самъ подошелъ ко мнѣ и я не просила его помогать...

— А тебѣ бы слѣдовало прогнать его!

Дѣвушка пожалала плечами.

— Что-жъ тутъ дурного, что онъ помогъ мнѣ?

— Вишь какая разумница! Она же еще учить меня! Много ты знаешь, глупая голова, гдѣ начинается зло и чѣмъ оно кончается! Положимъ, что сегодня еще ничего, но завтра онъ будетъ считать себя знакомымъ и станетъ смѣлѣе; черезъ недѣлю ты заскучаешь по немъ, а тамъ, чего добраго, придется тебя выгнать дубиною изъ хаты.

Дѣвушка молчала.

— Смотри, берегись! — прибавилъ Лепюкъ, садясь на лавку, — не своди такихъ знакомствъ! Съ цыганомъ водить дружбу не

слѣдъ; завтра онъ откочуетъ себѣ, какъ дикій звѣрь, а на насъ положить позоръ. Что тогда будетъ съ твоимъ старикомъ-отцомъ? Эхъ, берегись, Мотруна! я не прощу... никогда не прощу... ты знаешь меня!

Х.

Несмотря на угрозы старика, знакомство молодыхъ людей не прекратилось. Они не разъ видѣлись на холму, за селомъ, только такъ осторожно, чтобы никто не могъ замѣтить. Каждый день все крѣпче связывалъ ихъ. Мотруна мужественно пошла по пути, указанномъ ей судьбою; Тумръ твердо рѣшился остаться въ Ставискахъ, бросивъ своихъ братій, цыганъ.

Сильныя страсти рѣдко проявляются въ нуждѣ; но зато когда проявятся, то ужъ бушуютъ неукротимо: ничто не можетъ переломить ихъ, потому что сердцу, знакомому со всякими невзгодами и испытавшему жизнь, нечего бояться. Въ нашихъ гостиныхъ любовь часто не выдерживала одного вида истертаго платья и мысли, что придется жить въ какомъ-либо дрянномъ домишкѣ, среди лишеній и трудовъ. Не то бываетъ у крестьянъ: ихъ любовь не пугается ни голода, ни лишеній. Наша любовь, что тепличный цвѣтокъ,—она не выдерживаетъ ни остраго вѣтра, ни морозовъ; а любовь крестьянская—такое растеніе, которое расцвѣтаетъ одинъ разъ во много лѣтъ, но зато переживаетъ бури, не боится болѣзни и презираетъ судьбу. Такая же была любовь Тумра и Мотруны. Въ сердцѣ дѣвушки она побѣждала страхъ передъ отцомъ, а цыгана заставляла забывать, что нужда вдвоемъ тяжелѣе нужды одинокой. Они ничего другъ другу не обѣщали и не давали никакихъ клятвъ, а были вполне увѣрены, что любовь ихъ восторжествуетъ и надъ отцомъ, и надъ людьми, и надъ нуждою.

Они были готовы на всякія жертвы, какъ-бы предчувствуя ихъ неизбѣжность, и дѣйствительно скоро настала для нихъ пора этихъ жертвъ.

XI.

Апрашъ давно уже стоялъ съ своей семьей на ставискомъ выгонѣ. Цыгане ковали, пока было что ковать, остальное время отдыхали или скитались по окрестнымъ деревнямъ и усадьбамъ. Аза находилась въ господскомъ домѣ а Тумръ думалъ о Мотрунѣ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ Апрашъ стоялъ подѣ отвореннымъ окномъ барскаго дома; брови его были сурово насуплены и лицо выражало досаду. У окна сидѣла цыганка, грустная, блѣдная, измученная, и на глазахъ ея блистали слезы. Адама не было при ней. Она смотрѣла въ глубокомъ раздумьѣ на луну.

— Слушай, Аза, долго ли ты хочешь еще оставаться здѣсь? — спросилъ цыганъ голосомъ, преисполненнымъ упрека, съ язвительной улыбкой.

— Почему я знаю! — печально отвѣтила дѣвушка, — хотя ничто здѣсь не удерживаетъ моего сердца, а какъ то трудно разстаться. Самъ знаешь, какъ бываетъ въ пути: иной разъ выищешь тѣнистое дерево, расположишься подѣ нимъ на травѣ и засидишься на привольномъ мѣстѣ, такъ что потомъ и подняться не хочется... Не знаю, что теперь со мною дѣлается; иной разъ меня обуреваютъ тоска о нашемъ кочевьѣ, а потомъ страшно становится нищеты, и мнѣ жаль этого тихаго пріюта. Что-то непонятное привязываетъ меня къ этому мѣсту и я даже готова плакать; мнѣ тошно будетъ оставаться здѣсь безъ васъ, но и жаль этихъ сѣрыхъ стѣнъ, если уйду съ вами.

— Избаловалась ты, Аза, избаловалась! Даже говоришь не по-цыгански, — сказалъ Апрашъ. — Пора намъ подниматься; не то, пожалуй, засидимся; да и работы-то ужъ мало, все перековали... Не жаль ли тебѣ твоего барича?

Старикъ горько засмѣялся, стараясь скрыть гнѣвъ.

— А если и жаль? — спокойно возразила дѣвушка, шутя надъ старикомъ. — Отчего-жъ не пожалѣть? Для него, бѣдняжки, и свѣтъ Божій не милъ; онъ отжилъ жизнь, прежде чѣмъ бо-

рода выросла! Это—бѣдное, хворое, жалкое существо. Что онъ станетъ дѣлать безъ меня?

— Найдеть себѣ другую! — сказалъ старикъ, пожимая плечами.

— Другую? Нѣтъ, не найдетъ! — возразила цыганка, качая отрицательно головою, — я одна понимаю его, знаю чѣмъ его оживить и какъ держать, другая не сумѣетъ.

— Такъ ты думаешь остаться? — прервалъ Апрашъ, и глаза его засверкали.

— Я?.. остаться здѣсь? Но развѣ меня ты не знаешь? — живо вскричала дѣвушка уже серьезно. — Остаться съ этимъ трупомъ... въ четырехъ стѣнахъ, чтобы онъ выгналъ меня, когда я ему наскучу! Нѣтъ, старикъ, я брошу это богатство и пойду съ вами. Да и надоѣло мнѣ это житье... Что въ немъ, когда день за днемъ тянутся часы, что хромыя лошади... Однако, сказать тебѣ правду, старикъ: мнѣ будетъ жаль этихъ хоромъ; я вынесу отсюда тяжелую думу, которая заѣстъ меня.

— Охъ, мудреная ты дѣвка! — сказалъ Апрашъ, качая головой. — Я всегда зналъ, что какъ только сложу шатеръ, такъ ты все бросишь и, босая, пойдешь за нами! Ты настоящая *ромонѣдчай* (цыганская дочь), не то, что Тумръ...

— А что же онъ?

— Недѣля тому назадъ, какъ только кончился срокъ его ученья, онъ бросилъ насъ, не кивнулъ даже головой *марно-та-лонъ* (за хлѣбъ-соль), за пріютъ и науку.

— Пошелъ кочевать самъ по себѣ?

— Какое! Влюбился въ какую-то здѣшнюю дѣвчонку, и хочетъ остаться въ Ставискахъ: только и ждетъ, чтобы мы убрались. Наша жизнь никогда не была ему по сердцу, въ немъ кровь *гаджи*, ему бы только сидѣть да дремать... Но не такъ легко ему удастся, какъ онъ думаетъ: отецъ дѣвки самъ *ромонѣ-чалъ* (цыганскій сынъ) и ни за что не отдастъ дочку за цыгана; онъ ужъ, рассказывали мнѣ, поклялся сѣдыми волосами, что пока онъ живъ — не видать Тумръ его Мотруны. Увезти дѣвку не можетъ... куда онъ съ нею дѣнется? Пропадетъ Тумръ, пропадетъ, какъ *джукаль*!

— А жаль его, старикъ; намъ — потеря рабочихъ рукъ.

— Намъ что! Хочетъ пропадать, такъ пусть себѣ привя-

жетъ камень, да въ воду; правда, прибавится работы безъ его рукъ, зато спокойнѣе будетъ безъ его упрямства... А ты, Аза, все-таки собирайся въ дорогу; а чтобы уйти безъ бѣды и чтобъ не было погони, брось все, что онъ подарилъ тебѣ, надѣнь свои старыя лохмотья, и—въ путь!

— Да, въ путь, въ путь, — отвѣтила цыганка, закрывая лицо руками.—Все впередъ и впередъ, до послѣдняго издыханія... до смерти!..

— Ну, баба!—съ досадой крикнулъ Апрашъ,—полно хныкать! стыдно тебѣ... ты не *гаджи*! Повеселилась немного, пожила въ холѣ и нѣгѣ, ну, и будетъ съ тебя! Пора разстаться съ пуховиками... Въ дорогу! въ дорогу!

— Завтра! — съ живостью произнесла дѣвушка, затворяя окошко,—завтра!

— Помни же, завтра!..

XII.

На другой день рано утромъ Аза была еще въ барскомъ домѣ, а цыганскій шалашъ на выгонѣ былъ ужъ снятъ. Цыгане укладывались: дѣти подавали старику кузнечныя орудія, которыя онъ укладывалъ въ свой *вурданъ* (телѣгу); женщины свертывали свои пожитки; безмолвная мать по обыкновенію равнодушно смотрѣла на сборы. Много было хлопотъ, еще больше визга и крика.

Тумръ наблюдалъ съ отдаленнаго холма за движеніями хорошо знакомыхъ ему лицъ, и какое-то непонятное чувство шевелилось въ его груди: ему не жаль было старика Апраша и прочихъ цыганъ, единственныхъ его родственниковъ въ цѣломъ мірѣ; а между тѣмъ въ минуту разставанья, когда онъ долженъ былъ остаться одинъ-одинешенекъ, кровь заклокотала и сердце забилося сильнѣе. Будущность предстала ему мрачная, полная страшныхъ тайнъ, какъ бурная осенняя ночь, въ темнотѣ которой свиститъ только вихрь и мелькаютъ привидѣнья. Хотя у Тумра не было ни куска хлѣба, ни пріюта, ни друга, онъ все-таки рѣшился остаться для дѣвушки, на которую не позволялось ему даже взглянуть издали.

«Что будетъ завтра?—думалъ онъ наканунѣ, засыпая въ терновыхъ кустахъ.—Кто знаетъ? Можетъ быть умру съ голоду, или меня поймають, какъ бродягу, а можетъ быть я терпѣніемъ добуду себѣ мирный пріютъ.»

Надежда общала немного; боязнь вызывала грозныя призраки, грусть по уѣзжающимъ сжимала сердце; однако Тумръ не тронулся съ мѣста, и когда заскрипѣлъ цыганскій *вурданъ*, онъ только закрылъ глаза и погрузился въ какую-то думу, которая не походила ни на сонъ, ни на дѣйствительность.

Апрашева телѣга была уже за селомъ, когда чрезъ поля и огороды, запыхавшись, прибѣжала Аза, въ прежней своей цыганской одеждѣ; лицо ея разгорѣлось и она была мрачна и безмолвна.

— Ты здѣсь! — воскликнулъ Апрашъ, съ уемѣшкою, — а я было ужъ сокрушался о тебѣ.

— Какъ видишь, старикъ; но сжался надо мной и поѣзжай живѣе: меня тянетъ назадъ и я не смѣю оглянуться; мнѣ грустно и больно... Ну, скорѣе въ путь съ цыганскою пѣсню!..

— *Гаджи!*.. — съ упрекомъ произнесъ Апрашъ, погоняя лѣнливую лошадь.—Запой веселую и завяжи глаза... а не поможеть — возьми флягу и глотни *таргимому* (водки): какъ разъ отляжеть.

— Тумръ... гдѣ онъ?

— *Джукалескро-чалъ, гаджи скриратъ!* (Собачій сынъ, чужая кровь!) остался съ своими! Пропадай онъ съ ними!

Разговаривая такъ, цыгане спустились въ глубокую долину, и деревня скрылась изъ ихъ глазъ. Аза шла не оглядываясь, молча и, какъ бы опасаясь погони, все ускоряла шаги; другіе едва поспѣвали за нею.

Вдругъ послышался конскій топотъ, пыль вслѣбилась и всадникъ, обогнавъ Апрашеву повозку, подсказалъ къ цыганкѣ, которая даже не вскрикнула, когда онъ схватилъ ее за плечи.

— Что это значить?—прозвучалъ дрожащій голосъ Адама,— что это значить... Аза? Скажи мнѣ, что это значить?

— Что?!.. холодно отвѣтила цыганка, —мы идемъ на другое мѣсто.

— И ты идешь съ ними?

— Не оставаться же мнѣ въ такой кѣткѣ?

— Ты не пойдешь!

— Не пойду? почему?

— Я тебя не пушу.

Дѣвушка дико захохотала.

— Непустишь? По какому праву?..

— Ты общала остаться.

— Никогда! никогда!.. Зачѣмъ мнѣ оставаться?.. — прибавила она съ разстановкой, — чтобы ты черезъ недѣлю прогналъ меня, или бросилъ, какъ обѣденную кость, кому-нибудь изъ своихъ слугъ, какъ бывало съ другими?

Адамъ остолбенѣлъ.

— Я тебѣ дамъ все, — сказалъ онъ, задыхаясь, — чего ты захочешь.

— О, о! — возразила дѣвушка, качая головой, — а если-бъ я захотѣла отъ тебя обручальнаго кольца?

— Ты смѣешься?

— Можетъ-быть; ну, а если-бъ захотѣла?..

— Кольца ты желать не можешь, ибо знаешь, что я его тебѣ дать не могу.

— Ну, и я не хочу ни тебя, ни твоего кольца, ни твоего дома... ничего не хочу! А ты думалъ, что я уживусь въ твоёмъ домѣ замкнутая, какъ невольница? Нѣтъ, это житье не по мнѣ, оно годно только для васъ, матушкиныхъ сынковъ, стариковъ безъ крови и сердца. Посмотрѣла — и будетъ съ меня! Счастливо оставаться, баринъ! Апрашь, трогай!

Опять заскрипѣлъ цыганскій *вурданъ*; Аза пошла впереди, а Адамъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, блѣдный, разгнѣванный, безсильный; онъ долго перебиралъ въ своей головѣ сухія, холодныя и мертвыя, какъ осеннія листья, мысли... Наконецъ зѣвнуль, новоротилъ лошадь и медленно, ворча про себя, поѣхалъ къ своей усадьбѣ.

ХШ.

Тумръ остался одинъ. Сначала онъ долженъ былъ скрываться отъ Ленюка, который провѣдалъ, что онъ бросилъ сво-

ихъ и скитался въ окрестностяхъ. Къ счастію цыгана, обывателямъ Ставискъ нуженъ былъ кузнецъ. Узнавъ о желаніи его поселиться у нихъ, нѣкоторые хозяева даже рѣшились просить у пана позволенія и, взявъ съ собою будущаго кузнеца, отправились на барскій дворъ. Но Адамъ въ это время проклиналъ всѣхъ цыганъ на свѣтѣ и клялся отомстить ихъ племени. Онъ съ гнѣвомъ выслушалъ просьбу крестьянъ и прогналъ ихъ всѣхъ.

Тумръ былъ въ отчаяніи.

— Кончено!—вскричалъ онъ, — теперь остается одно изъ двухъ: повѣситься или бѣжать.

— Не торопись!—сказалъ войтъ, положивъ ему руку на плечо:—не знаешь людей, такъ и не суди впередъ. Не въ пору сунулись, вотъ онъ и выгналъ; что-жъ, подождемъ: панъ погибъается, погибъается, да и забудеть. Какъ некому будетъ подковать его верховую лошадь, тогда онъ на все согласится. Не унывай, дѣло еще уладится; а покамѣсть послужи у меня.

Такъ и случилось. Адамъ вскорѣ забылъ и гнѣвъ, и цыганъ, и цыганокъ изъ-за тридцатилѣтней французенки-гувернантки, увезенной у сосѣда; это была некрасивая и немолодая вдова—какъ давно и послѣ кого она овдовѣла, никто не могъ сказать—но она ловко повела своего поклонника на привязи къ алтарю. Войтъ улучилъ удобную минуту и испросилъ позволеніе Тумру поселиться въ Ставискахъ.

Лепюкъ ужасно разсердился, когда узналъ это. Онъ старался, сколько могъ, вредить бѣдному цыгану, но не смѣлъ идти противъ воли пана и міра; воспоминаніе о собственномъ цыганскомъ происхожденіи зажимало ему ротъ.

— А!—разсуждалъ онъ про себя,—ему позволили поселиться у насъ! Посмотримъ! Пусть себѣ живетъ; но пока я живъ, прежде чорта съѣсть, чѣмъ женится на моей Мотрунѣ! Не допущу, чтобы цыганская кровь еще разъ привилась къ моей семьѣ.

Когда пришлось отводить мѣсто подъ избу и кузницу, Лепюкъ такъ мутилъ и хитрилъ, что ему отвели за селомъ, на пустырь, противъ кладбища. Сначала крестьяне вызвались міромъ построить хату, но когда дошло до дѣла, Тумръ скоро

убѣдился, что кромѣ своихъ рукъ ему неоткуда ждать помощи. Но онъ не ропталъ; ему было дано то, чего онъ просилъ: клочокъ земли и позволеніе поселиться, а большого онъ не смѣлъ требовать, чтобы и того не лишиться.

Печальное было отведенное ему мѣсто—на краю кладбища и далеко отъ деревни, такъ что даже голоса человѣческаго не было тамъ слышно; неоткуда было взять ни огня, ни воды; не было ни деревца, ни клочка порядочной земли. Но для изгнанника, не имѣвшаго ничего, и это было богатствомъ. Когда настала ночь, Тумръ легъ на голой землѣ и все думалъ, какъ-бы ему выстроить хату. Ни на чью помощь онъ не могъ разчитывать и никого не могъ просить: Лепюкъ перешелъ ему дорогу и онъ остался ни съ чѣмъ.

На другой день онъ всталъ на зарѣ и принялся осматривать свой участокъ. Увидѣвъ обрывъ горы, въ головѣ его мелькнула мысль прислонить къ нему хату, и радостная улыбка озарила его лицо. Глина для обмазки подъ рукою, но изъ чего сдѣлать стѣны? Думалъ онъ, думалъ и наконецъ отправился къ войту за совѣтомъ. Хозяинъ уже собирался въ поле.

— Ну, что скажешь, мастеръ?—спросилъ старикъ.

— Да что сказать, панъ войти!—отвѣчалъ Тумръ,—кажись, ни отъ громады, ни отъ пана мнѣ хаты не дождаться; все завтра, да завтра и ничего изъ этого не выйдетъ...

— Не знаю, не знаю,—чуть слышно произнесъ войти,—я самъ думаю, что на завтра надѣяться плохо. Ну, а ты что думаешь?

— Думаю самъ строить хату.

— Самъ? А какъ—наймомъ?

— Вы знаете, что у меня нѣтъ гроша за душою; двѣ руки—и больше ничего.

— Положи только хоть одно бревно, а какъ увидятъ люди, что ты самъ принимаешься, такъ никто и пальцемъ не пошевелить.

— Все равно... Что будетъ, то будетъ.

— Какъ же ты одинъ справишься?

— Сколочу какъ-нибудь мазанку; мѣсто-то такое... даже грѣхъ ставить хорошую избу.

— А лѣсъ тебѣ кто привезетъ?

— Самъ натаскаю...

— О-го-го! — произнесъ войтъ, — начинаешь говорить дѣло.

— Только выхлопочи позволеніе вырубить его да дай какой-нибудь старый топорикъ.

— Топора не пожалѣю... когда-нибудь заработаешь. Гдѣ-то валяется тулица, не то, чтобы никуда негодная, а такъ стоитъ — себѣ пятиалтынный; а позволеніе будетъ завтра. Но скажи, ты въ самомъ дѣлѣ думаешь одинъ взяться за дѣло? Мнѣ что-то не вѣрится.

— А что жъ? Нечего ждать... попробую...

На другой день, утромъ, Тумръ принялся за работу: противъ кладбища онъ вырубилъ кустарникъ, копалъ, носилъ глину, очищалъ мѣсто для хаты. Человѣкъ, предоставленный самому себѣ и побуждаемый нуждою, много можетъ сдѣлать — гораздо больше, чѣмъ мы думаемъ. Правда, онъ на каждомъ шагу тратитъ силы вдвое больше, но она возвращается ему втрое... Чудомъ строилась хата Тумра; каждое бревно онъ долженъ былъ принести на плечахъ изъ лѣса, черезъ поля и горы; самъ отесать его и самоучкою дойти до каждой мудрости незнакомаго ему дѣла. А когда старый топоръ его притуплялся, онъ долженъ былъ ходить за десять верстъ и работать за поправку его два дня у кузнеца. Между тѣмъ крестьяне крали у него лѣсъ, собранный въ потѣ лица. Нерѣдко и дождь портилъ его работу: промытая водою гора обваливалась, а худо сколоченныя бревнышки расходились; сколько разъ все строеніе валилось, прежде чѣмъ Тумръ успѣлъ покрыть его. Одному Богу извѣстно, сколько пота скатилось каплями на эту землю, сколько было потрачено терпѣнія и силы! Но препятствія только возбуждали труженика къ усиленной борьбѣ. Крестьяне смѣялись, смотря на медленно выходявшую изъ земли мазанку; но, при всей своей неуклюжести, она была чудомъ изобрѣтательности и труда. Тумръ такъ привязался къ своему дѣлу, что забывалъ даже объ отдыхѣ. Только два раза въ день отрывался онъ отъ работы, чтобы выйти навстрѣчу къ Мотрунѣ, взглянуть на нее, улыбнуться и иногда перекинуться парюю словъ.

Послѣднее удавалось ему рѣдко. Старый Лепюкъ зорко смо-

трѣлъ за дочерью. Не имѣя возможности выжить цыгана изъ села, старикъ покаялся не выдавать за него Мотруну, хотя бы ей пришлось вѣкъ сидѣть въ дѣвкахъ. Дѣвушка молчала; она не хотѣла раздражать отца, но когда приходили сваты, не смотря на увѣщанія и угрозы, она отпускала ихъ ни съ чѣмъ. Что ни дѣлалъ Лепюкъ, ничто не помогало; на все былъ одинъ отвѣтъ:

— Не пойду!

Однажды утромъ Тумръ усердно работалъ надъ своею хатою, которая съ каждымъ днемъ требовала все болѣе изобрѣтательности. Поднявъ случайно голову, онъ увидѣлъ приближавшагося къ нему Лепюка; поровнявшись съ избушкой, старикъ оперся на палку и устремилъ на труженика свои пылающіе гнѣвомъ глаза.

— Работай!—проворчалъ онъ про себя,—работай себѣ на гибель. Не жить тебѣ здѣсь, цыганское отродье!.. Слышь ты!—прибавилъ онъ вслухъ, — для чего ты сколачиваешь этотъ хлѣвъ?

— Для чего? Въ немъ буду жить спокойно, — отвѣтилъ Тумръ, не отрываясь отъ работы.

— Что тебѣ вздумалось, на свою бѣду, остаться здѣсь? Вѣдь міръ великъ и много въ немъ мѣста для вашей братіи!..

— А развѣ я тебѣ мѣшаю?—отвѣтилъ цыганъ: я не выдышу твоего воздуха, не выпью воды и хлѣба у тебя не выѣмъ; хватитъ на всѣхъ!

— Да зачѣмъ тебѣ селиться непременно въ нашей деревушкѣ?

— А почему же мнѣ и не поселиться въ ней?

— Ты слушай, чортъ тебя побери, не прикидывайся простакомъ! Я долго растабарывать съ тобой не стану; дѣло говорю: ступай отсюда, иди на всѣ четыре стороны, я куплю твою клѣтушку, только уходи, не то...

— Не то—что же?

— Да ужъ то, что тебѣ здѣсь не жить!

— Чѣмъ же я тебѣ помѣха?

— Вишь, словно ничего не знаетъ. Смотри, братъ, выкинь дурь изъ головы... Говорю тебѣ, не будетъ въ томъ проку, а если честью не хочешь, такъ черти тебя возьмутъ.

Тумръ молча принялся опять обтесывать кривой березовый брусъ.

— Смотри, чтобы тебя черти не прибрали!—повторилъ Лепюкъ,—взбѣшенный хладнокровіемъ цыгана.

— Не знаю, кого прежде приберутъ! — спокойно отвѣчалъ Тумръ,—увидимъ.

— Увидимъ!.. Такъ ты не пойдешь отсюда?

— Не пойду и напрасно хлопочешь, хозяинъ.

Лепюкъ стукнулъ палкой въ землю, стиснулъ зубы, отвернулся и поспѣшно ушелъ.

XIV.

Черезъ недѣлю хата была почти готова. Топоръ Тумра опять притупился; чтобы отточить его, онъ отправился по обыкновению къ кузнецу и пробылъ у него три дня. На обратномъ пути онъ невольно задумался о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Лепюкомъ, объ угрозахъ старика и о свиххъ надеждахъ. Дойдя до поворота дороги къ Ставискамъ, онъ вдругъ увидѣлъ на вечернемъ небѣ синюю полосу дыма, уносимую вѣтромъ. Ему показалось, будто дымъ этотъ былъ какъ-разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла его хата. Онъ прибавилъ шагу и сталъ, какъ вкопанный: вмѣсто своего будущаго жилища онъ увидѣлъ груды дымящихся головешекъ.

Онъ стоялъ нѣкоторое время неподвижно. Видъ пепелища отнял у него всю энергію и мужество; сильно заняло его сердце и впервые съ дѣтства двѣ крупныя слезы выкатились изъ его черныхъ глазъ, обжигая непривычныя къ нимъ щеки. Онъ стоялъ, скрестивъ руки, и смотрѣлъ, безъ словъ, безъ мысли, почти какъ помѣшанный. Впрочемъ эта тяжелая скорбь была непродолжительна и перешла не въ жажду мести, не въ бѣшенство, а въ рѣшимость. Цыганъ поднялъ голову, вздохнулъ и быстро подошелъ къ пепелищу, рѣшившись начать свой трудъ сызнова.

— Что разъ сдѣлалъ, сдѣлаю и въ другой,—разсуждалъ онъ про себя,—можетъ быть, еще легче и лучше, а ужъ поставлю на своемъ. Я докажу Лепюку, — это вѣдь его дѣло,—

что онъ не выкурить меня, какъ пчелъ изъ улья или комара изъ свѣтлицы.

Съ этою мыслью онъ подошелъ къ пепелищу и началъ осматривать его, не осталось ли чего, что могло бы еще пригодиться въ дѣло. Тщетная надежда: огонь не пощадилъ ни кола; въ кучѣ золы только дымились еще не совсѣмъ сторѣвшія головешки. Онъ еще разъ повелъ вокругъ себя печальнымъ взоромъ и бросился на землю подъ глинистымъ утесомъ, который, накалившись отъ огня, разсыпался пылью; сѣвъ на землѣ, онъ повѣсилъ голову и задумался. Шаги лошади и шорохъ тащившагося по землѣ перевернутаго плуга прервали его думу. Войтъ возвращался съ поля со своимъ работникомъ. Поровнявшись съ пепелищемъ, старикъ остановился, выпучилъ глаза и раскрылъ ротъ; онъ не смѣлъ заговорить, угадывая, что происходило въ душѣ цыгана. Тумръ самъ подошелъ къ нему.

— Добрый вечеръ!—сказалъ онъ.

— Не больно добрый для тебя,—отвѣчалъ войтъ, съ выраженіемъ состраданія.—Весь трудъ пропалъ понапрасну! Одна искра—и все ушло дымомъ!

— Не искра тутъ виновата, а рука, что подбросила искру!—со вздохомъ возразилъ цыганъ.—Да что тутъ говорить: словами не воротишь, а мнѣ не вѣшаться изъ-за этого!

— Что жъ ты думаешь дѣлать?

— Что?.. Завтра опять отправлюсь въ лѣсъ, и буду строить заново.

— Съ ума ты сошелъ! У тебя не хватитъ силы...

— За силой дѣло не станетъ!—съ увѣренностью произнесъ цыганъ.—Думаю только, какъ бы мнѣ огородиться, чтобы не-пріятель не нажегъ мнѣ опять угля, прежде чѣмъ я успѣю поставить кузницу.

Осторожный войтъ замолчалъ и даже не спросилъ, кого онъ подозреваетъ въ поджогѣ. Впрочемъ, онъ хорошо зналъ, что рѣчь могла быть о Лепюкѣ.

— Такъ ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь строить новую хату?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не дальше какъ завтра начну,—рѣшительно отвѣчалъ Тумръ,—благо отточилъ топоръ, завтра пойду въ лѣсъ.

— Помоги Богъ!—сказалъ войтъ, погоняя воловъ и по-

жимая плечами, какъ бы хотѣлъ прибавить: „славный былъ бы изъ тебя хлопецъ, жаль только что цыганъ!“

Тумръ опять сѣлъ на пенелищѣ, разгребъ его дрожащей рукой, вынулъ изъ-за пазухи нѣсколько картофелинъ, бросилъ ихъ въ золу и опять задумался. Картофель успѣлъ сгорѣть, а цыганъ не принимался за ужинъ; онъ все думалъ и думалъ. Наконецъ стало разсвѣтать. Онъ съ трудомъ поднялся съ мѣста, усталый и разбитый, и, сунувъ топоръ за поясъ, побрелъ въ лѣсъ.

Къ счастію, мѣсто, назначенное ему для порубки, было не такъ далеко, хотя и приходилось перебираться черезъ два овражка и двѣ горы.

По тропинкѣ, которою онъ шелъ, повсюду видны были слѣды недавнихъ его трудовъ; вездѣ сохранились еще гладко убитыя колени отъ волоченныхъ имъ по землѣ бревнушекъ, а около нихъ валялись то недотесанные обрубки, то концы порванныхъ веревокъ.

Тумръ прибралъ теперь всѣ эти остатки, чтобы пустить ихъ въ дѣло. Горе его ужъ прошло и замѣнилось нетерпѣніемъ приступить снова къ работѣ. Это лучшее средство врачеванія во всѣхъ страданіяхъ.

Задумавшись, онъ спускался въ лощину, какъ вдругъ знакомый голосъ привелъ его въ себя.

— Добрый день, Тумръ, добрый день!

Онъ оглянулся: въ двухъ шагахъ отъ него стояла Мотруна; раскраснѣвшіеся глаза ея свидѣтельствовали о недавнихъ обильныхъ слезахъ.

— Добрый день,—съ улыбкою произнесъ цыганъ, подходя къ ней.—Что слышно?

— Развѣ ты не знаешь? Былъ ты въ своей хатѣ?

— Какъ же, ночевалъ тамъ при огнѣ,—отвѣтилъ цыганъ, стараясь казаться веселымъ.—Что-жъ дѣлать? Сгорѣла и надо приниматься строить другую.

— Другую? и опять одному? Да такъ долго ли себя въ гробъ вогнать? — сказала дѣвушка, съ выраженіемъ глубокаго участія.

— Богъ милостивъ, не бойся! — весело отвѣтилъ цыганъ. — Хочу поставить на своемъ...

— А знаешь, кто поджегъ хату? — спросила Мотруна, устремивъ на Тумра испытующій взглядъ.

— Знать-то не знаю... а догадываться — могу... некому было поджечь ее, кромѣ твоего отца.

Мотруна печально опустила голову.

— Знаешь, — произнесла она тихо и осмотрѣвшись кругомъ, — третьяго дня Григоръ Скоробогатый опять засылалъ къ намъ сватовъ; отецъ отвелъ меня въ комнату и сталъ грозить, что-бы я не отсылала ихъ съ отказомъ; но я все-таки отвѣтила, что не пойду. Вечоръ онъ выбѣжалъ, какъ бѣшеный, взявъ огниво и труть. У меня такъ и замерло сердце: быть, думаю, бѣдѣ... и пошла плакать въ огородъ. Спустия часъ, вижу на горѣ, около кладбища, дымъ; тутъ высыналъ народъ, смотреть да кричить: цыганова хата горить! и никто не думаетъ тушить, только всѣ посматриваютъ на меня; а у меня, какъ я ни крѣпилась, слезы ручьемъ... Ну, я и ушла скорѣе домой. Потомъ воротился разгнѣванный отецъ, смотрю — весь трясется, словно бьетъ его лихорадка; легъ, не поужинавъ, накрылся тулупомъ, и вотъ по сю пору не вставалъ; говорить, неможется ему.

Дѣвушка глубоко вздохнула; а затѣмъ, помолчавъ немного, она продолжала:

— Охъ, не на радость себѣ мы полюбили другъ друга, а на горе и кручину; да видно такъ ужъ суждено. Не взять назадъ души, коли отдала ее. А какого еще ждать большаго горя, если отецъ не благословить и проклянетъ...

— Слушай, Мотруна, — сказалъ тронутый цыганъ, взявъ ее за руку, — если боишься моей доли и отцовскаго проклятiя, то скажи только слово, и хоть я цыганъ, но и у меня есть совѣсть... не хочу губить тебя... уйду отсюда...

Мотруна уставила на него свои черные глаза и, отирая слезы передникомъ, повторила:

— Души назадъ не возьмешь, когда отдана, и прошлаго не воротить! Что Богъ судилъ, тому и быть.

— Награди тебя, Господи, за ласковое слово, — отвѣтилъ Тумръ, съ глубокимъ чувствомъ. — Не будешь жалѣть о томъ, что полюбила меня. Я покажу, что у цыгана руки и воля желѣзные; не сокрушать ихъ ни горе, ни люди. Видишь, я

опять шелъ съ топоромъ въ лѣсъ; примусь за новую хату и, дасть Богъ, построю ее скорѣе и лучше прежней: не пропадемъ!..

Говоря это, онъ хотѣлъ обнять дѣвушку, но она взглянула на него со страхомъ и поспѣшно пошла тропинкою, которая вела въ поле.

— Братья ждутъ обѣда и надо сѣсть! — сказала она, удаляясь. — Твоя булка тамъ, какъ всегда, подъ камнемъ.

Цыганъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась изъ виду. Забывъ о хлѣбѣ, онъ пошелъ въ лѣсъ и принялся за работу. Опытъ уже далъ ему умѣнье взяться за дѣло, котораго у него не было, когда онъ приступалъ къ постройкѣ первой хаты: онъ лучше выбиралъ лѣсъ и лучше обтесывалъ бревна. Наконецъ онъ отыскалъ ближайшія тропинки, по которымъ прежде перетаскивалъ матеріалы. Но сколько бы опытъ ни прибавилъ ему умѣнья — силъ и средствъ не прибавилось, и потому новая мазанка не могла выйти ни красивѣе, ни прочнѣе первой; онъ строилъ ее точно также изъ обрубковъ разныхъ размѣровъ и также нескладно, а только немного скорѣе.

Крестьяне не вѣрили своимъ глазамъ, когда, черезъ нѣсколько времени послѣ пожара, увидѣли противъ кладбища кучу заготовленнаго лѣса и обожженный бокъ горы, опять закрываемой стѣнами. Прохожіе останавливались и недовѣрчиво покачивали головами: имъ непостижимо было упорство цыгана. Старухи еще издали указывали пальцемъ на начатую мазанку и перешептывались между собой: „Не даромъ цыганъ!.. видно съ лѣшнимъ знается!“ Рѣшено было, что дѣло не обходится безъ нечистаго, и мысль эта быстро распространилась по всему селу. Самой даже Мотрунѣ, хотя она и покачивала недовѣрчиво головою, стало страшно, впрочемъ ненадолго, потому что любовь всегда и все сумѣетъ объяснить, какъ ей хочется.

Между тѣмъ старикъ Лепюкъ лежалъ больной и осыпалъ дочь ужасными проклятіями, какъ только она показывалась ему на глаза. Онъ не смѣлъ даже спрашивать о цыганѣ; его бѣсила мысль, что Тумръ останется на селѣ, несмотря на поджогъ его хаты.

Какъ-то разъ, въ воскресенье, къ нему зашли въ гости два сосѣда. Сѣвъ у постели больного, они спрашивали его о

причинахъ его болѣзни и совѣтовали, каждый по своему, обратиться къ жидамъ-лѣкарямъ, къ бабъ-знахаркамъ или употребить тѣ или другія средства. Лепюкъ все слушалъ, но молчалъ. Нѣсколько погодя, онъ приподнялся, послалъ за бутылкой водки и выпилъ съ сосѣдами два стаканчика: глаза его заблестѣли, онъ сѣлъ на постели.

— А что слышно на селѣ? — спросилъ онъ сильнымъ голосомъ.

— Да извѣстно, что слышно, — сказалъ Скоробогатый, — то же, что и всегда, — хлѣба немного, а горя вдоволь!..

— Расскажи ему про цыгана, — перебилъ другой, — есть что послушать!

Лепюкъ вздрогнулъ и дрожащей рукой схватился за бутылку.

— Цыганъ! цыганъ!.. — сердито проворчалъ онъ, осматриваясь кругомъ: — не говорите объ этой негодной твари... Что онъ все еще на селѣ?

— Не видать, чтобы убирался, — отвѣчалъ Скоробогатый. — Говорять, знается съ нечистымъ — да на то и похоже. Думали, коли сгорѣла хата, то онъ плюнетъ и уйдетъ... анъ нѣтъ: теперь ужъ другую почти что поставилъ.

— *Бычешкоро чаво!* — вскричалъ Лепюкъ, вскочивъ съ постели, съ яростью истого цыгана.

Онъ, очевидно, не помнилъ себя отъ бѣшенства; въ другое время онъ никакъ бы не позволилъ себѣ произнести цыганское слово. Неловко стало ему, когда онъ опомнился; опустившись на койку, онъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на гостей, стараясь угадать, не замѣтили-ль они его промахъ. Лихорадка колотила его, но онъ силился улыбнуться.

— Нечего сказать, упрямъ, какъ чортъ, нашъ цыганъ! — сказалъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ. — Другой и думать не посмѣлъ бы! Насмотрѣлся я на него, какъ онъ таскалъ изъ лѣсу бревна; казалось, вотъ сейчасъ глаза вылѣзутъ вонъ и кровь хлынетъ носомъ; а онъ, вишь ты, принялся въ другой разъ! Подлинно, бѣсовское упрямство!..

Когда больной съ усиліемъ произносилъ эти слова, глаза его пылали гнѣвомъ, грудь сильно подымалась и руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Ложись-ка лучше, сосѣдъ! — сказалъ Скоробогатый, вста-

вая, — ты, видно, плохъ!.. Съ болѣзнью нельзя шутить, а намъ, старикамъ — и подавно.

Уложивъ больного, гости ушли. Вечеръ прошелъ въ мрачномъ молчаніи. Наступила ночь; всѣ ужъ собрались спать, но старикъ сталъ ужасно стонать.

Дочь подошла къ нему: но онъ оттолкнулъ ее съ проклятіемъ и кликнулъ старшаго сына. Тотчасъ была зажжена лучина, и всѣ въ домѣ — сыновья, работники, бабы, ребятишки — вскочили на ноги и бросились къ больному.

— Что съ тобою, отецъ? — спросилъ старшій сынъ, подходя къ нему.

— Что? — произнесъ Лепюкъ, повторяя вопросъ, по обычаю крестьянъ: — знать, пришелъ мой смертный часъ! Добро бы еще была пора, а то загодя приходится умирать! Пусть Янко ѣдетъ за попомъ, а ты слушай, что я тебѣ скажу.

Больной осмотрѣвъ избу и грозно крикнулъ:

— Вонъ, бабы!

Женщины ушли въ сѣни, а Лепюкъ, оставшись съ сыновьями, продолжалъ:

— Вы знаете, что Мотруна полюбила цыгана... Я сжегъ его хату, да не помогло: слышу, онъ строитъ другую, плюетъ на меня... Я самъ цыганскаго роду... — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и оглядываясь: — но не хочу еще родниться съ цыганами... и чтобы народъ пальцемъ указывалъ на нашу семью. Не отдавайте сестры за цыгана, хоть бы заливалась слезами и валялась у вашихъ ногъ... хоть бы даже умирала! Слышите? не отдавайте!.. А коли заупрямится, выгоните кочегрой со двора... не смѣйте давать ей ни рубашки, ни гроша на хозяйство въ приданое... Я такъ приказываю... слышите?..

— А если господа позволятъ, — робко спросилъ старшій сынъ, — что тогда дѣлать?

— То же, что я приказываю... Захочетъ идти на гибель и на позоръ — пусть идетъ; но она вамъ тогда не сестра и мнѣ не дочь... Вонъ ее!..

Долго еще говорилъ старикъ, а Мотруна, притаившись за дверью и заливаясь слезами, слушала и не смѣла даже вздохнуть; она только безсознательно повторяла:

— Охъ, доля моя, доля горемычная!

Къ полуночи прѣхалъ священникъ, а къ утру Лепюкъ сталъ метаться въ бреду: то онъ пѣлъ какія-то незнакомыя пѣсни, то отдавалъ приказанія или велъ разговоръ, и все по-цыгански; казалось, онъ не находилъ другихъ словъ, кромѣ слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ. Можетъ быть, онъ и самъ чувствовалъ, что выдавалъ свое происхожденіе, которое всегда такъ старательно скрывалъ; казалось, собственная рѣчь раздражала его, онъ силился ее удержать, но не могъ. Дрожь пробирала всѣхъ присутствующихъ, при видѣ его страданій. Наконецъ силы его истощились, глаза закатились, у рта показалась пѣна; тяжкій, громкій, пронзительный стонъ вырвался изъ разбитой груди. Лепюкъ умеръ.

Крикъ и вопль раздались въ хатѣ и разбудили даже сосѣдей. Мотруна одна стояла неподвижно въ сѣняхъ, словно прикованная къ стѣнѣ, и заливалась слезами, но безъ стоновъ и рыданій, какъ-бы боясь еще, чтобы отецъ не услышалъ ее, и только шопотомъ повторяла:

— Охъ, доля моя, доля!

Когда насталъ день, братья и невѣстки съ трудомъ заставили ее приняться за обычныя занятія. Въ крестьянскомъ быту самая тяжелая скорбь не освобождаетъ отъ работы. Такъ судилъ Богъ, затѣмъ, конечно, что трудъ лучшій врачъ скорби.

XV.

Постройка скромной хаты у бладища хотъ медленно, а подвигалась; уже стояли столбы и ряды кольевъ образовали стѣны, которыя оставалось только обложить глиной; кривые косяки указывали мѣсто будущей двери и окна.

Тумръ уже перетаскилъ изъ лѣса всѣ свои матеріалы и неутомимо трудился надъ своимъ сооруженіемъ. Снопы соломы, разбросанные на нѣсколькихъ жердяхъ, защищали его отъ дождя и служили ему временнымъ пріютомъ. Только въ условные часы онъ выходилъ въ поле на дорогу поджидать Мотруны; но рѣдко встрѣчаясь съ крестьянами, онъ ничего не зналъ ни о болѣзни, ни о смерти Лепюка, и отсутствіе долгое время дѣвушки приписывалъ ей страху предъ отцомъ.

Однажды, подъ вечеръ, онъ услышалъ похоронное пѣніе и плачь, приближавшіеся по дорогѣ къ кладбищу. Не одни ужъ похороны проходили мимо его хаты. Тогда онъ оставлялъ работу и стоялъ съ непокрытою головою; прислонившись къ стѣнѣ. И теперь топоръ его остановился; онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и, скрестивъ руки на груди, съ суевѣрной тревогой смотрѣлъ въ лощину, изъ которой начинали уже показываться верхушки разноцвѣтныхъ хоругвей, а среди ихъ—одна черная съ бѣлыми блестящими и съ изображеніемъ на ней мертвой головы. Печальный кортежъ двигался медленно. Впереди шли *братчики* со свѣчами*), за ними—дьячекъ и священникъ; потомъ два сѣрыхъ вола лѣниво тащили въ гору, на простой телѣгѣ, бѣлый крестьянскій гробъ, на которомъ лежалъ ломоть ржаного хлѣба, завернутый въ грубый ручникъ—„хлѣбъ послѣдняго прощанія“!.. За телѣгой шли въ глубокой горести два брата Мотруны и она сама. При видѣ поверженной въ печаль семьи Лепюка, у Тумры замерло сердце; онъ поблѣднѣлъ, угадывая, что не стало его врага. Полудикое его сердце мало было доступно состраданію; чувство удовлетворенной мести и даже радости заговорило въ его душѣ; вскорѣ, однако, ему стало стыдно этого чувства и онъ спрятался за уголъ своей мазанки. Погребальное шествіе остановилось противъ самой хаты Тумра, но Мотруна и не взглянула на нее. Гробъ сняли съ телѣги и понесли на рукахъ на кладбище.

Во время послѣдняго обряда, Тумръ не слышалъ ни пѣнія, ни стоновъ; онъ совершенно отдался мысли о достиженіи цѣли.

— Старика ужъ нѣтъ,—повторялъ онъ мысленно,—братья не станутъ упрямиться; войтъ мнѣ поможетъ, она будетъ моею! Только бы мнѣ кончить хату...

Онъ даже не замѣтилъ, какъ Лепюка засыпали землею, какъ закрипѣла телѣга и какъ разбрелся народъ. Когда онъ опомнился, на кладбищѣ была глубокая тишина, прерываемая лишь карканьемъ воронъ. Какая-то непонятная тревога понуждала

*) Во время Уніи въ Западной Россіи образовалось братство (общество) для противодѣйствія нововводимому ученію. Члены братства назывались *братчиками* и всѣ были знатные люди. Какъ защитники вѣры, они причислялись къ клиру, находились при каждой церкви и участвовали во всѣхъ церковныхъ церемоніяхъ и похоронныхъ процессіяхъ, неся свои значки и свѣчи.

Тумра къ работѣ; онъ схватилъ топоръ, выбѣжалъ изъ-за угла, бросилъ быстрый взглядъ на кладбище, но тамъ ужъ никого не было; только свѣжая могила противъ воротъ и свѣжіе слѣды колесъ и людскихъ ногъ по дорогѣ свидѣтельствовали, что онъ не во снѣ видѣлъ похороны.

Не видя никого, цыганъ уже поднималъ топоръ, чтобы приняться за работу, какъ вдругъ услышалъ позади себя тихій голосъ, привѣтствовавшій его. Оглянувшись, онъ увидѣлъ войта, который стоялъ около него, опершись на палку.

— Ну, что, Тумръ, все работаешь и не отдохнешь даже! — сказалъ старикъ.

— Надо работать, пока есть силы, — отвѣтилъ цыганъ, — началъ дѣло — такъ кончай, говоритъ наша цыганская пословица.

— А мы тутъ пришли не въ пору съ своимъ посѣщеніемъ, — продолжалъ войтъ, кивая головою: — принесли тебѣ сосѣда, которому ты не больно будешь радъ по ночамъ!..

Цыганъ немного смутился, но хотѣлъ показать, будто не зналъ, кто умеръ.

— Какого сосѣда? — спросилъ онъ.

— Будто не знаешь!.. Ленюкъ умеръ и, кажись, прежде срока. Разсерчалъ больно, и себя мучилъ, и Мотруну мучилъ, да вотъ, вишь, и не выдержалъ.

Цыганъ потупилъ голову и молчалъ.

— А все-таки отъ своего не отступился, — продолжалъ войтъ, — говорятъ, предъ смертью настрого заказывалъ сыновьямъ, чтобы не отдавали сестры за тебя.

Тумръ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Правду ты говоришь? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Сущую правду; мнѣ рассказывала сосѣдка, которая стояла въ сѣняхъ и все слышала, какъ онъ наказывалъ сыновьямъ. Ну, что ты скажешь на это?

— Что скажу?.. Не испугался отца — не испугаюсь и сыновей... Что Богъ дастъ, то и будетъ; а я долженъ дѣлать свое...

— Бросилъ бы лучше! — сказалъ войтъ. — Хату свою строй себѣ, да кузницу ставь, а хозяйскую дочку оставь въ покоѣ; братья не позволяютъ, ну и вся громада будетъ за нихъ. Развѣ возьмешь ее силой?..

— Кто жь беретъ жену силой!—вскричалъ Тумръ.—Это у васъ невиданное дѣло; да и куда мнѣ бѣжать съ нею?.. Лучше и не говорить объ этомъ...

Войти понялъ, что ему не убѣдить цыгана, и только пожалъ плечами.

— Пусть будетъ по твоему: не станемъ говорить объ этомъ. Не хочешь добраго совѣта, Богъ съ тобой!.. Какъ постелешь, такъ и спать будешь, а я тутъ не причемъ. Но вотъ и мѣсяцъ всходить, пора домой. Доброй ночи!

— Доброй ночи!—отвѣчалъ Тумръ, и опять принялся за работу.

Солнце давно уже зашло; мѣсяцъ лѣниво поднялся на небо, а Тумръ все работалъ, ибо работа была для него потребностью; она не давала ему думать и спасала отъ тоски; къ тому же, онъ не могъ заснуть противъ свѣжей могилы, которая безпрестанно стояла въ его глазахъ.

Тумръ работалъ всю ночь, содрагаясь при малѣйшемъ шорохѣ въ вѣтвяхъ вербы; то ему слышался хохотъ умершаго—и морозъ пробѣгалъ по его тѣлу, то его больному воображенію видѣлось, будто онъ всталъ изъ могилы, а съ нимъ встали тысячи другихъ покойниковъ, какъ будто ему на помощь.

Самая тишина ночи, среди которой такъ таинственно отдавался каждый ударъ топора, пугала Тумра. Потъ струился по его лицу, силы истощались, въ глазахъ зарябило и среди мглы запрыгали желтыя могилы. Онъ все рубилъ и рубилъ безъ остановки, только когда солнце показалось на туманномъ востокѣ, онъ бросилъ топоръ и бросился безъ памяти на землю.

Когда онъ очнулся, солнце ужъ страшно палило, а вдали завывала приближающаяся буря. Вихрь гулялъ на взгорьи и, навѣявъ прохладу на грудь Тумра, прервалъ его лихорадочный сонъ. Взглянувъ на небо и чувствуя дрожь и жаръ, Тумръ поспѣшилъ скрыться подъ соломенную крышу и опять повалился на кучу сухой травы; онъ чувствовалъ, что желѣзная рука болѣзни тѣснила ему грудь и голову.

Вчерашнія происшествія, — похороны, разговоръ, ночной бредъ—все перепуталось въ его головѣ.

„Умирать, такъ умирать! — подумалъ цыганъ, бросаясь на землю:—лучше смерть, чѣмъ такая мука!“

И онъ опять забредилъ. Мысли, какъ буря на небѣ, забушевали въ его горячей головѣ. Время и мѣсто исчезли изъ его сознанія, и передъ нимъ раскрылась цѣлая жизнь, дивная, невыразимая, и сладостная, и мучительная, точно длинный сонъ, сотканный изъ земныхъ воспоминаній и небесныхъ видѣній. Чего тутъ не было! И горькая молодость, и цыганскія пѣсни, и жалкіе образы Ромовъ, и пляска Азы, и стукъ Апрашева молота, и паръ цыганскаго котла, и скрипъ *вурдэна*, и Мотруна, и старый Лениукъ, похороны, свѣжая могила, ночь, пожаръ и какіе-то незнакомые страшные образы, и невыразимо сладкія надежды, и все, чѣмъ мила жизнь и о чемъ говоритъ наступающая смерть... Ему казалось, будто онъ умираетъ, но не можетъ умереть; будто онъ въ одномъ гробу съ Леникомъ, а въ грудь его вколачиваютъ осиновый крестъ и не могутъ вбить, потому-что клокочущая кровь выбиваетъ его.

Потомъ стало спокойнѣе, страшныя видѣнія исчезли, все вокругъ облеклось въ непроницаемую мглу и тишина смерти осыпала его своимъ холоднымъ крыломъ.

Когда онъ открылъ глаза, ему показалось, будто онъ спитъ. Мотруна, вся въ слезахъ, стоитъ, наклонившись надъ нимъ, и, ловя съ безпокойствомъ слабыя признаки жизни, подноситъ кружку къ его засохшимъ губамъ.

Нѣсколько глотковъ воды укрѣпили больного; въ глазахъ его стало свѣтлѣе и онъ могъ даже приподняться. Дѣйствительно, Мотруна говорила съ нимъ, но онъ еще не понималъ. Слова ея звучали для него сладостною пѣснью, которой онъ не могъ уловить.

— Тумръ!—говорила дѣвушка,— что съ тобой, Тумръ?

— Что со мной? — отвѣчалъ онъ, стараясь припомнить прошедшее: — ничего... я видѣлъ похороны... потомъ всю ночь работалъ, потомъ заснулъ... и снились мнѣ все буря, могилы... и я не знаю, какъ долго проспалъ.

Дѣвушка всплеснула руками.

— Ужъ третій день, какъ мы похоронили отца! — вскричала она.— Ты боленъ, три дня лежалъ безъ памяти...

— Боленъ? Можетъ быть, — слабымъ голосомъ произнесъ Тумръ. — Что жъ дѣлать?... Либо голодъ и сонъ одолѣютъ бо-
лѣзнь, либо она сломитъ меня!

— Я пойду къ барынѣ, — перебила дѣвушка, — она не дастъ умереть безъ помощи; она знаетъ, чѣмъ помочь.

Тумръ не отвѣчалъ; тупой, бессмысленный взглядъ его еще болѣе испугалъ Мотруну; она поспѣшно встала.

— Вотъ тебѣ вода и хлѣбъ, — сказала она, — а я сбѣгаю на барскій дворъ. Если и тамъ не захотятъ помочь, то я приду одна: пусть братья хоть убьютъ меня, а я не покину тебя.

И дѣвушка пустилась бѣжать черезъ поля и огороды къ усадьбѣ, думая только о томъ, какъ и къ кому обратиться съ просьбой... Но она и не замѣтила, какъ случай привелъ ее прямо въ господскій садъ.

Въ усадьбѣ жилъ помѣщикъ Адамъ, но уже женатый на гувернанткѣ. Мадамъ Леру живо повела дѣло и онъ не успѣлъ оглянуться, какъ былъ уже ея мужемъ. Много произошло перемѣнъ въ усадьбѣ, которую забрала молодая хозяйка, вмѣстѣ съ мужемъ, въ свои мощныя руки. Хотя прошло ужъ нѣсколько мѣсяцевъ со дня свадьбы, но Адамъ все еще былъ страстнымъ обожателемъ и покорнѣйшимъ слугою своей жены. Этимъ постоянствомъ онъ былъ обязанъ глубокому сердцездѣнію французенки и умѣнью управлять людьми. Дѣйствительно, она была искуснѣйшая актриса, самая хитрая изъ женщинъ, самая пронырливая изъ гувернантокъ, загоняемыхъ къ намъ бѣдностью или надеждами изъ Франціи. Испытавъ многое на свѣтѣ и приглядѣвшись въблизи къ людямъ, она знала и свѣтъ и людей въ совершенствѣ. Иной показалось бы невозможнымъ дѣломъ удержать такого человѣка, каковъ былъ Адамъ; но для нея это было шуткою. Она привязала его къ себѣ или, вѣрнѣе, управляла имъ посредствомъ искуснаго разыгрыванія страстной любви; Адамъ считалъ себя обязаннымъ благодарностью за такую любовь, и выражалъ эту благодарность своею совершенною покорностью.

Впрочемъ, не все было однимъ притворствомъ въ его женѣ.

Вспомнимъ, что дѣйствіе нашего разсказа происходитъ за много лѣтъ назадъ и мы поймемъ г-жу Леру. Это былъ остатокъ тѣхъ сомнительныхъ женщинъ, которыя, слѣдуя модѣ, не могли жить безъ такъ называемой экзальтаціи чувствъ и, ради этой экзальтаціи, убивали въ себѣ всякое дѣйствительное чувство. Она вѣчно кружилась въ сферѣ д'Арленкуровскихъ ге-

роинь и въ дѣйствительности видѣла повсюду то, что вычитала изъ книгъ. Романъ былъ для нея потребностью, насущною пищею, погоня за чувствами—цѣлью жизни. Сердце между тѣмъ оставалось спокойнымъ и холоднымъ, потому что это была блажь ложно настроеннаго воображенія.

Въ то время, когда Мотруна прибѣжала въ господскій садъ, г-жа Адамъ ходила надъ рѣкой съ книгой въ рукахъ, вздыхая надъ трогательными приключеніями какой-то незнакомки, а отчасти и надъ прозаичностью собственной помѣщичьей жизни. Шелестъ листьевъ пробудилъ ее отъ думы.

Не знаемъ, ожидала ли она, что изъ-за кустовъ явится рыцарь и упадетъ на колѣни съ пламенною рѣчью предъ ея прелестями, въ могуществовъ которыхъ она, конечно, не сомнѣвалась, но она очень удивилась, увидѣвъ деревенскую дѣвушку, которая бѣжала къ господскому дому въ очевидномъ страхѣ и безпокойствѣ.

Мотруна была въ самомъ дѣлѣ очень хороша, а волненіе придавало ей красотѣ еще большую прелесть. Француженка, подозрѣвая нѣчто похожее на сомнительный романъ, а пожалуй и приплетая къ нему Адама, остановила дѣвушку. Въ многолѣтнее свое пребываніе на Волыни она успѣла достаточно выучиться мѣстному языку и потому могла приступить къ допросу красавицы.

Мотруна умоляющимъ голосомъ принялась рассказывать о цыганѣ, потомъ, на вопросъ барыни, должна была рассказать и о себѣ, о ихъ знакомствѣ и любви, о смерти отца и болѣзни Тумра. Француженка слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ; наткнуться въ дѣйствительности на несчастныхъ любовниковъ, на угнетаемую любовь, словомъ на цѣлый романъ, хотя и въ грубыхъ, деревенскихъ формахъ—съ героемъ-цыганомъ и героиней-крестьянкой—было лакомствомъ для ея sentimentalнаго воображенія.

Закрывъ книгу и забывъ даже заложить закладкой страницу, она схватила дѣвушку за руку и пошла съ нею въ домъ. Помѣщикъ Адамъ, по обыкновенію, дремалъ послѣ обѣда; стукъ стеклянной двери разбудилъ его; онъ выслушалъ поспѣшный рассказъ жены, ничего въ немъ не понимая, и только безсмысленно смотрѣлъ то на нее, то на плачущую дѣвушку.

Тѣмъ не менѣе, онъ согласился на все, чего желала его милая Фанни. Тотчасъ же была послана за цыганомъ телѣга; нарочный поскакалъ въ городъ за докторомъ; всѣ слуги засуетились какъ угорѣлые, проклиная бродягу, изъ-за котораго ихъ тревожили. Солнце еще не успѣло зайти, какъ Тумръ лежалъ уже въ усадьбѣ. Мотруна сидѣла у его изголовья, а подлѣ нея стояла сама помѣщица съ докторомъ.

По его мнѣнію, больной занемогъ отъ переутомленія, лишеній и чрезмѣрнаго труда. Молодость и крѣпкое сложеніе сильно боролись съ недугомъ, и ему нужно было только немного душевнаго и физическаго спокойствія и подкрѣпленія, чтобы встать на ноги.

XVI.

Чувствительная Фанни принялась со всѣмъ рвеніемъ своего романческаго сердца за устройство судьбы двухъ любящихъ сердецъ, а такъ какъ для поправленія разстроеннаго здоровья мужа, а еще болѣе для свиданія съ Франціею и съ милымъ Парижемъ требовалась безотлагательная поѣздка за границу, то она очень спѣшила предпринятымъ дѣломъ, рѣшившись непремѣнно покончить его до своего отъѣзда.

Какъ только докторъ объявилъ, что Тумръ внѣ опасности, она приказала позвать братьевъ Ленюковыхъ. Они пришли, недовольные и мрачные, не зная, что будетъ, но смекая въ чемъ дѣло, потому что все село говорило о милости господъ къ цыгану. Адамъ не хотѣлъ, а супруга его чувствовала себя не въ силахъ повести съ ними рѣчь, а потому ихъ принялъ капитанъ Гарасимовичъ, прибывшій въ Стависки вскорѣ послѣ свадьбы Адама въ качествѣ его управляющаго.

Это былъ отставной офицеръ, раненый въ какой-то кампаніи противъ турокъ, мужчина среднихъ лѣтъ, богатырскаго роста, цвѣтущаго здоровья и довольно пріятной наружности. У него было гдѣ-то по сосѣдству имѣніе, состоявшее изъ двухъ хатъ, но онъ отдавалъ его въ аренду, а самъ кочевалъ по окрестнымъ помѣщикамъ; съ однимъ охотился, съ другимъ игралъ въ карты, съ третьимъ кутилъ. Онъ былъ посредникомъ

во всѣхъ спорахъ и секундантомъ во всѣхъ дуэляхъ, претендентомъ на руку каждой молодой дѣвушки, непремѣннымъ гостемъ на всѣхъ именинахъ, словомъ—жилъ на чужой счетъ и только собственное имѣніе, хотя и очень небольшое, давало ему нѣчто въ родѣ независимости и позволяло до извѣстной степени поднимать носъ.

Кромѣ сказанныхъ занятій, капитанъ торговалъ собаками, ружьями и всѣмъ, чѣмъ могъ; а у него всегда бывали хорошія вещи, какъ бы приготовленныя на случай. Съ г-жей Леру онъ былъ знакомъ съ давнихъ лѣтъ и злые языки поговаривали кое-что насчетъ ихъ дружбы; достовѣрно только то, что вскорѣ послѣ свадьбы и онъ явился въ Стависки, занявъ квартиру во флигелѣ, перевелъ сюда свою псарню и сталъ распоряжаться, какъ дома. Адамъ поговаривалъ даже объ отдачѣ имѣнія въ его управленіе на все время своего пребыванія за границею. Лѣниваго и всегда скучающаго Адама забрать въ руки было не трудно, а съ его женою онъ какъ-будто сговорился и очень дружелюбно дѣлилъ съ нею управленіе помѣстьемъ и самимъ помѣщикомъ.

Капитанъ имѣлъ очень высокое понятіе о своихъ способностяхъ, своемъ родѣ, своей ловкости и вообще о всѣхъ достоинствахъ, которыми судьба наградила его. Онъ вышелъ къ Лепюкамъ съ истиннымъ видомъ громовержца, съ длиннымъ чубукомъ, одинъ конецъ котораго былъ въ зубахъ, а другой волочился по полу и, упершись рукою въ бокъ, онъ былъ увѣренъ, что если онъ скажетъ имъ слово, то никто не пикнетъ.

— Ну,—произнесъ онъ, садясь на крыльцѣ, противъ мужиковъ,—знаете, зачѣмъ васъ сюда призвали?

— Не можемъ знать,—отвѣчали Лепюки, низко кланяясь.

— Ну, такъ вотъ зачѣмъ,—сказалъ капитанъ, улыбаясь,—слушайте!

— Слушаемъ,—произнесли братья.

— Господа хотятъ, чтобы вы отдали вашу сестру Мотруну за того цыгана, что строить сдѣсь кузницу; такъ имъ угодно и такъ должно быть.

Лепюки молча переглянулись; потомъ старшій выступилъ впередъ, отвѣсилъ низкій поклонъ и, крѣпко сжимая въ рукахъ баранью шапку, сказалъ.

— Мы, господня капитанъ, и не противились бы, коли такая панская воля, да одно есть препятствіе.

— Какое?—крикнулъ капитанъ.

— Какъ мы пойдемъ противъ воли покойника? Онъ не хотѣлъ и строго намъ приказалъ, чтобы не отдавали Мотруны за этого бродягу. Мы должны повиноваться — и не разбирать.

Капитанъ, считавшій нравственный долгъ необходимымъ для простого народа, но необязательнымъ для себя, презрительно улыбнулся.

— При чемъ тутъ покойникъ? — вскричалъ капитанъ: — онъ умеръ — и царствіе ему небесное, а вы дѣлайте, что приказываютъ.

— Да какъ же, когда мы ему обѣщали? — возразилъ старшій Лепюкъ.

— А съ чего вы взяли обѣщать то, чего не властны исполнить? — закричалъ капитанъ, разгораясь. — Дѣвка хочетъ идти за него, господа согласны и приказываютъ, а вы противитесь.

— Мотруна не посмѣетъ идти противъ воли отца, — возразилъ младшій Лепюкъ.

— Молчать! — крикнулъ капитанъ, стуча трубкой: — какъ ты смѣешь разсуждать! Приказано, и ваше дѣло исполнять господскую волю.

Братья переглянулись, немножко испуганные вспыльчивостью капитана.

— Но... началъ было старшій.

— Безъ всякихъ но! Знать ничего не хочу! Дѣлайте, что вамъ приказываютъ. Давайте, что слѣдуетъ за Мотруною, и справляйте свадьбу.

Меньшой Лепюкъ смѣло поднялъ голову и сказалъ:

— Когда приказываютъ господа, мы противиться не можемъ; не о чемъ и разсуждать. Но для насъ воля отца — святое дѣло, а онъ передъ смертью сказалъ, что если Мотруна пойдетъ за цыгана, то она ему не дочь, а намъ не сестра. Господа пускай дѣлаютъ, что хотятъ, а мы справлять свадьбы не будемъ, и ничего ей не дадимъ, хоть вы насъ избейте, чѣмъ хотите.

Сказавъ это, Лепюкъ замолчалъ, а капитанъ, взбѣшенный неожиданнымъ отпоромъ, вскочилъ съ лавки.

— Ты смѣешь еще говорить?—закричалъ онъ,—смѣешь противиться барской волѣ!? Вотъ погоди... Да ты знаешь ли, чѣмъ это пахнетъ?

Молодой Лепюкъ не дрогнулъ; въ лицѣ его не было ни малѣйшаго признака боязни или смущенія; онъ спокойно смотрѣлъ на пыхтѣвшаго отъ гнѣва капитана; но въ этомъ взорѣ высказывалось столько твердой, непоколебимой воли, что Герасимовичъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ и, не зная, что дѣлать, только пробормоталъ.

— Ступайте и дѣлайте что приказано. Съ тобой же мы иначе раздѣлаемся,—прибавилъ онъ, грозя меньшому Лепюку.—Ступайте!

Братья поклонились и ушли; а капитанъ, нѣсколько успокоившись, отправился въ гостиную, гдѣ помѣщица встрѣтила его съ большимъ любопытствомъ.

— Ну, что, любезный капитанъ?

— Ничего! Мужики, какъ мужики: поартачатся, а все-таки сдѣлаютъ, что имъ велятъ.

— Не соглашаются?

— Да что ихъ слушать! Отецъ, умирая, завѣщалъ, чтобы они не выдавали сестры за цыгана... отрекутся отъ нея, все вздоръ! Какъ прикажете, такъ и будетъ сдѣлано.

— А если они не захотятъ?

— Будто ихъ спросятъ, хотятъ они или нѣтъ? Вы приказываете—и кончено!

— Но я не желала бы употреблять во зло свою власть! Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ это уладилось кроткими средствами, ласкою...

Капитанъ пожалъ плечами.

— Какая тутъ кротость и ласка?

Чувствительная француженка опустила въ кресло и закрыла лицо руками.

— Ахъ, капитанъ, вѣдь это варварство! Я этого не хочу и не позволю; я не допущу до принужденія.

— Ну, такъ дѣлайте, какъ сами знаете,—отвѣтилъ капитанъ, пожима плечами;—я не стану вмѣшиваться.

— Вы должны сдѣлать то, что я хочу!—вспыльчиво закричала она, топнувъ ногой.—Верните ихъ и постарайтесь уговорить ласкою, обѣщаніями, деньгами, чѣмъ хотите. только не...

— Помилюйте! я этого сдѣлать не могу: если я верну ихъ, они такъ задерутъ свои головы, что и не справишься! Завтра я, пожалуй, опять поговорю съ ними... погодите до завтра.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Адама, который, зѣвая, пришелъ напомнить, что пора пить чай.

Между тѣмъ, у корчмы собралось нѣсколько лицъ, пользовавшихся въ селѣ большимъ уваженіемъ. Всѣ знали, что Лепюки были позваны къ господамъ и съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Крестьяне, разумѣется, держали сторону Лепюковъ, какъ по врожденному нерасположенію къ цыгану, такъ и потому, что въ оказываемомъ ему покровительствѣ видѣли непривычное имъ вмѣшательство господъ въ ихъ семейныя дѣла.

Еще до возвращенія Лепюковъ, въ кружкѣ ожидавшихъ шла оживленная бесѣда о затѣваемомъ брагѣ и его послѣдствіяхъ.

— Что это, — говорилъ Скоробогатый, поправляя поясъ и, по обыкновенію, подпрыгивая на одной ногѣ: — всякій бродяга станетъ брать у насъ изъ-подъ носу невѣсть и хозяйничать въ нашей вотчинѣ! Такого сраму еще не бывало въ Ставискахъ! Какое дѣло пану, что мы дѣлаемъ съ своими дѣтьми? Они наша кровь и мы за нихъ отвѣчаемъ одному Богу.

— Да, да, твоя правда, — тихо произнесъ трусливый Сымяха: — только ты, братъ, такъ не кричи, неравно кто услышитъ. Тише! Тише!.. А! вотъ и Лепюки, пойдѣмъ лучше къ нимъ въ хату, а то передъ корчмой опасно: кто-нибудь изъ дворни подслушаетъ, тогда бѣда намъ!

Скоробогатый пожалъ плечами, но принялъ совѣтъ; всѣ пошли за нимъ къ хатѣ Лепюковъ, куда съ понуренными головами пришли и сами хозяева.

— Ну что? — съ любопытствомъ спросилъ Скоробогатый: — о Мотрунѣ дѣло?

Братъ, нуждаясь въ совѣтѣ опытныхъ людей, рассказали имъ весь свой разговоръ съ капитаномъ и послѣднюю его рѣчь. Младшій повторилъ все, что сказалъ ему капитанъ въ минуту горячности.

— Ладно, хлопещъ, такъ и слѣдовало! — началъ Скоробогатый: — вы такъ и дѣлайте; повѣрьте, *храницюзинка* то испу-

гается, а капитанъ... Э! славны бубны за горами!.. Развѣ онъ панъ? Ничего не будетъ!

— Ну, а какъ захотятъ поставить на своемъ?

— Захотятъ — такъ пусть выдають, только, коли выдадутъ за цыгана, то все село отречется отъ нея... никто съ ними слова не скажетъ, никто руки не подастъ, никто ихъ знать не будетъ... Вотъ что!

Вся громада подтверждала каждое слово Скоробогатаго.

— Такъ, такъ, пусть сидятъ въ своей мазанкѣ на кладбищѣ, коли имъ весело тамъ, а въ село и глазъ не показывай — собаками затравимъ!

— Вишь, поганый, вздумалъ отбивать у насъ невѣсть?

Лепюки, поддерживаемые обществомъ, стали еще непреклоннѣе прежняго и поклялись не отдавать сестры добровольно. Потомъ они вошли въ хату, не говоря ни слова Мотрунѣ, но мрачные, какъ ночь.

Дѣвушка догадывалась, что дѣлалось въ селеніи; она видѣла, какъ братья отпраплялись въ усадьбу, видѣла, какъ они совѣщались со Скоробогатымъ, понимала, какое могло быть рѣшеніе, но должна была показывать видъ, будто ничего не знала и ни о чемъ не заботилась. Какъ младшая въ семьѣ, она должна была исполнять самыя тяжелыя работы въ домѣ; братья безпрестанно бранили ее, она молчала и плакала. Она не могла видаться съ цыганомъ, потому что съ нея не спускали глазъ; даже на барщину за нее посылали другую, чтобы не дать ей возможности забѣжать къ цыгану.

На другой день, вечеромъ, Лепюковъ опять позвали въ въ усадьбу; капитанъ, согласно новой инструкціи, вышелъ къ нимъ съ привѣтливою улыбкой.

— Ну, — сказалъ онъ: — надумались? Полно артачиться. Мотруна должна выйти за цыгана, а вы справьте ей приличную свадьбу.

Лепюки поклонились въ землю. Волыніскій мужикъ, хотя и не намѣренъ повиноваться, все-таки кланяется — такой ужъ у него обычай.

— Какъ угодно господамъ, такъ и сдѣлается, — съ покорностью и почтеніемъ произнесъ старшій братъ: — но мы свадьбы справлять не будемъ, и отцовскаго завѣта нарушать не станемъ, какъ ужъ вчера докладывали вашей милости.

Капитанъ посмотрѣлъ ему въ глаза и увидѣлъ тотъ же спокойный, но непреклонный взглядъ, что и наканунѣ, и прочиталъ въ немъ отпоръ человѣка, сознающаго свое безсиліе, но готоваго ко всему и ожидающаго только приговора, съ твердою рѣшимостью не поддаваться ни просьбамъ, ни угрозамъ.

На этотъ разъ Герасимовичъ не разшумѣлся, а напротивъ усмѣхнулся, хотя и съ досадою.

— Будь моя воля, — сказалъ онъ съ разстановкой, — совсѣмъ не такъ повелѣь бы я дѣло... Ваши господа слишкомъ мягки и милостивы; не хотятъ принуждать васъ! Да Богъ съ ними, ихъ воля!.. Скажу вамъ еще отъ нихъ, что они сдѣлаютъ свадьбу на свой счетъ, дадутъ за Мотруною приданое и васъ самихъ награждать, только вы сдѣлайте, что имъ угодно.

Лепюки опять поклонились до земли.

— Благодаримъ покорно за господскую милость! — отвѣчалъ старшій: — но не можемъ идти противъ воли отца.

Капитанъ едва удерживался; чубукъ уже вертѣлся въ его рукахъ.

— Ваша госпожа дастъ вамъ по парѣ воловъ, только сдѣлайте ей угожденіе... Слышите?

Лепюки переглянулись; старшій, поклонившись и вздохнувъ, сказалъ:

— Что же намъ дѣлать?.. Отецъ приказалъ.

— А, чортъ васъ возьми, такъ и этого не хотите? — крикнулъ капитанъ.

— Воля господская и Божья! — сказалъ опять старшій.

Напрасно капитанъ еще просилъ, грозилъ, кричалъ, сердился, предлагалъ денегъ — ничто не помогло. Лепюки стояли на своемъ и ушли, приготовившись перенести все, что пошлетъ судьба. Міръ единогласно былъ за нихъ, и трудно сказать, какое сочувствіе возбудилъ въ немъ этотъ, повидимому, незначительный случай. Чѣмъ сильнѣе настаивали господа, тѣмъ упорнѣе были братья; а изъ всего этого вышла еще сильнѣйшая ненависть крестьянъ къ цыгану.

Убѣдившись наконецъ, что иныхъ средствъ не оставалось, барыня приказала взять Мотруну во дворъ и сама занялась ея свадьбой, желая непременно кончить все до отъѣзда за границу...

Зато какая печальная была эта свадьба! Вина, пива и всякого угощенія было въ изобиліи, но гостей не было; изъ села не пришелъ никто, братья не показывались, ни одна дѣвушка не хотѣла быть дружкой, ни одинъ парубокъ не пошелъ ни въ въ сваты, ни въ шафера; всѣ свадебные чины пришлось набирать изъ чужихъ людей, изъ дворни. Громада упиралась до конца.

Кромѣ господъ никто не благословилъ невѣсты; изъ отцовскаго дома она не получила даже платка; братья спрятались, чтобы не встрѣчаться съ нею. Тумромъ овладѣвало отчаяніе, при мысли объ ожидавшей его жизни; онъ готовъ былъ бѣжать и отказаться отъ своего счастья; но слезы Мотруны, боязнь отдать ее на мечь роднымъ и наконецъ любовь удержали его.

Дѣвичникъ прошелъ безъ пѣсень; коровой былъ испеченъ на господской кухнѣ, безъ тѣхъ обрядовъ, съ какими обыкновенно мѣсятъ и пекутъ его подруги; въ церкви было пусто, въ селѣ пусто, и на свадьбѣ плясали только дворя и пьяный сбродъ. Ни одной души родной, некому было даже приласкать и ободрить сироту. Бѣдняжка заливалась горькими слезами; будущность представлялась ей въ невыразимо страшныхъ образахъ. Цыганъ сидѣлъ угрюмо, погруженный въ тяжелую думу; только по временамъ подъ навислыми бровями сверкали его черные глаза.

XVII.

На другой день послѣ свадьбы, Адамъ съ женой отправился за границу, оставивъ управленіе имѣніемъ капитану. Помѣщица уже забыла о новобрачныхъ: связавъ нѣжную чету неразрывными узами, она совершенно успокоилась, какъ-будто окончательно исполнила свою обязанность; ей не пришло въ голову, что на слѣдующій день молодые могли быть безъ куска хлѣба.

Дѣйствительно, такъ и было: хата Тумры не была окончена; даже заготовленный для нея лѣсъ былъ частью изрубленъ имъ самимъ въ ночь послѣ погребенія Лепюка, а частью растасканъ прохожими. Помѣщица дала въ приданое за Мотруною только

одну корову, а братья рѣшительно ничего не дали, и молодые не знали, куда дѣваться и чѣмъ жить...

Капитану было не до нихъ; по отѣздѣ помѣщиковъ онъ выдалъ имъ самую худую корову изъ всего стада и приказалъ убираться изъ избы, которую они занимали и которая почему-то понадобилась.

Такимъ образомъ, едва была справлена свадьба, какъ новобрачные остались безъ крова и безъ пристанища.

Цыганъ взялъ Мотруну за руку и оба молча отправились къ кладбищу. Чтобы не встрѣчаться съ людьми и не видать ихъ язвительныхъ улыбокъ, Тумръ повелъ жену не селомъ, а обхожею тропинкою и шелъ потупивъ голову, думая о томъ, какъ ему устроить свою судьбу. Хатѣ еще недоставало крыши, части стѣнъ, дверей, оконъ, печи и всей домашней утвари; у молодыхъ не было ни гроша денегъ, ни муки, ни хлѣба, даже ковшъ, чтобы зачерпнуть воды.

Что было дѣлать, съ чего начать, куда дѣвать единственное ихъ богатство — корову, чѣмъ прокормить ее?

Мотруна тихо плакала и ломала руки, припоминая отцовское проклятіе. Оба шли, не смѣя промолвить слова; казалось, они желали бы продлить путь, чтобы только отдалить минуту неизбежнаго разговора; но тропинка скоро привела ихъ къ воротамъ кладбища и къ недостроенной хатѣ.

Тумръ молча привязалъ корову къ столбу, а Мотруна оперлась о стѣну, устремивъ тоскливый взоръ къ кладбищу, на которомъ еще желтѣла отцовская могила.

Ея слезы терзали несчастнаго Тумра, который чувствовалъ, что былъ виновникомъ ихъ. Однако, какъ ни тяжело было у него на душѣ, онъ перемогъ себя и приблизился къ женѣ съ улыбкою.

— Не плачь, — сказалъ онъ, — слезы не помогутъ; надо думать, что мы станемъ дѣлать. Хату я кончу до зимы, и у насъ будетъ гдѣ жить, но только чѣмъ? Придется продать корову.

Мотруна готова была пожертвовать всѣмъ, но ей было жаль бѣдной твари, которая могла быть для нея предметомъ занятія, товарищемъ, утѣшеніемъ.

— Жаль коровки, — сказала она, — да что жъ дѣлать? Нужно, такъ нужно...

— Чѣмъ мы прокормимъ ее? И самимъ-то жить нечѣмъ... время осеннее!

— Я схожу къ братьямъ...

— Къ братьямъ?—перебилъ цыганъ, нахмутивъ брови, — нѣтъ, никогда!.. Хотя бы пришлось умирать съ голоду, мы не протянемъ къ нимъ руки! Объ этомъ и не говори... Но время дорого: ступай съ коровой на базаръ, продай ее, купи что нужно для хозяйства, а я буду достраивать хату... Ну, смѣлѣе, Мотруна!.. Пусть люди лопнутъ съ досады, а я покажу имъ, что мы обойдемся безъ ихъ помощи.

Цыганъ съ жаромъ поцѣловалъ жену, скинулъ кафтанъ и схватилъ топоръ. Глаза его оживились и работа закипѣла въ рукахъ. Мотруна съ участіемъ поглядѣла на него, и у нея легче стало на сердцѣ; подумавъ немного, она отвязала корову отъ столба, отерла глаза передникомъ и, молча простившись съ мужемъ, пошла на базаръ.

Тумръ лихорадочно работалъ: откуда только взялась у него сила! Онъ не ѣлъ, не отдыхалъ; потъ съ него катился градомъ, а онъ все работалъ и даже не замѣтилъ, какъ настала темная ночь. Взглянувъ на небо, онъ собралъ щепокъ, развелъ огонь — и опять принялся за работу. Вѣтеръ гналъ ему въ глаза клубы горячаго дыма; огонь то потухалъ, то вспыхивалъ, а Тумръ и не думалъ бросать работы. Онъ устраивалъ небольшую горенку, въ которой могъ бы приютить жену до окончанія всей хаты. Утромъ еще не было для нея лѣса, а къ ночи она была уже почти готова; даже маленькое оконце, за неимѣніемъ стекла, было снабжено тонкимъ деревяннымъ волокомъ; только недоставало двери и не изъ чего было ее сдѣлать.

Была ужъ полночь, въ селѣ пѣли первые пѣтухи; луна, пробиваясь сквозь рѣдкія тучи, бросала слабый свѣтъ на землю. Тумръ сидѣлъ и думалъ о двери. Наконецъ сонъ сомкнулъ его вѣки, а дверь все-таки не давала ему покоя; тѣло заснуло, но душа не прекращала своей тревожной дѣятельности, и — какъ часто случается въ минуты сильнаго душевнаго напряженія—во снѣ явилась мысль, которой Тумръ тщетно доискивался на яву. У самого кладбища, въ капавѣ, лежали полу-сгнившія негодныя доски, брошенныя при перестройкѣ воротъ. Тумръ могъ, безъ ущерба для кого-либо, воспользоваться ими...

Его сердце сильно забилося и онъ проснулся. Надо было тотчасъ же привести въ исполненіе счастливую мысль; днемъ кто-нибудь могъ увидѣть и обвинить его въ кражѣ. Какъ ни страшно ему было идти на кладбище, да еще противъ самой могилы Ленюка, но необходимость превозмогла страхъ. Мѣсяцъ, словно слѣдя за нимъ, выглянулъ изъ-за набѣжавшей тучки и указалъ Тумру предметъ его поисковъ. Цыганъ отобралъ нѣсколько досокъ и пустился бѣжать съ кладбища, какъ будто кто-нибудь гнался за нимъ. Долго еще сердце билось въ его груди; но потомъ радость вытѣснила всякое другое чувство; онъ улегся около своей добычи и уснулъ...

Когда онъ проснулся, первую его мыслью было, что ему надо сколотить дверь, и онъ принялся за работу. Но радость его была не продолжительна: на доскахъ были вырѣзаны крестъ, годъ и еще какіе-то знаки, по которымъ легко было открыть кражу.

Руки его опустились.

Онъ пытался было стесать знаки: но сырость проточила доски насквозь, и какъ онъ ни тесалъ, а изображеніе креста все оставалось въ глубинѣ дерева.

Суевѣрный страхъ овладѣлъ цыганомъ: онъ схватилъ доски, перебѣжалъ черезъ дорогу и бросилъ ихъ подъ мостикъ. Затѣмъ онъ взялъ топоръ на плечи и отправился въ лѣсъ. Мысли его были такъ напряжены, что онъ воспоминалъ всѣ доски, которые онъ гдѣ-либо видѣлъ, но ни одна изъ нихъ ему не годилась.

Онъ шелъ не по проложенной тропинкѣ, а напрямикъ, все далѣе и далѣе, пока громкій смѣхъ, раздавшійся вблизи, не остановилъ его.

Подозрѣвая врага въ каждомъ встрѣчномъ, Тумръ насунилъ брови, приготовился къ оборонѣ и осмотрѣлся кругомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, подъ сосною, сидѣлъ карликъ Янко. Это былъ давнишній знакомый, который въ селеніи назывался не иначе, какъ Янкой-дуракомъ, — не то полоумный, не то юродивый. Ему было за двадцать лѣтъ, но онъ казался гораздо старше, хотя на желтоблѣдномъ, болѣзненномъ лицѣ его не было и слѣда бороды. Чрезвычайно малый ростъ, несоразмѣрно длинныя руки, тощія, короткія ножки, огромная голова, въ которой щурились два маленькихъ, круглыхъ, мутныхъ глаза —

все въ немъ напоминало тѣ уродливыя существа, которыя по воображенію народа заселяютъ темныя лѣса и непроходимыя болота. Съ дѣтства онъ считался ни къ чему не способнымъ, таскался, гдѣ хотѣлъ, дѣлалъ, что вздумалось, спалъ на печи или бродилъ по лѣсу. Въ селѣ его знали всѣ собаки и ребята; первыя кусали, а вторые немилосердно дразнили его. Родные его не любили и попрекали каждымъ кускомъ хлѣба. А между тѣмъ Янко добровольно исполнялъ самыя трудныя работы: носилъ дрова и воду, ходилъ за грибами, молотилъ коноплю, и вообще охотно брался за то, отъ чего другіе отказывались.

Однако, Янко-дуракъ былъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ о немъ думали; но онъ вѣчно скалилъ зубы, смѣялся всему, что ему говорили, и прослылъ за дурака. Обидная кличка не вооружала карлика противъ людей; напротивъ, онъ былъ всегда веселъ и доволенъ; вступалъ охотно въ разговоръ, хотя и былъ нѣсколько косноязыченъ; каждому и во всякое время онъ готовъ былъ помочь, какъ умѣлъ, словомъ — былъ полезенъ многихъ умниковъ. Но въ деревнѣ, если ужъ назовутъ кого дуракомъ, такъ онъ навѣкъ дуракомъ и останется. Янко былъ дуракомъ, а благодаря этому пользовался полнѣйшею свободою.

Онъ не разъ встрѣчался въ лѣсу съ Тумромъ, и въ душѣ безпріютнаго цыгана пробудилось невольное участіе къ бѣднягѣ, гонимому людьми; часто они вступали въ разговоръ, и дуракъ показывалъ, гдѣ какого искать лѣсу, иногда даже давалъ часть собранныхъ имъ грибовъ, и Тумръ такъ скоро освоился съ нимъ, что ужъ не считалъ его за недруга.

— А, здорово, братъ! — вскричалъ уродецъ, искрививъ ротъ въ видѣ безобразной усмѣшки. — Чего ищешь въ лѣсу?

Цыганъ потеръ лобъ и не рѣшался отвѣтить, хотя зналъ, что Янко могъ помочь ему.

— Не собираешься ли сдѣлать кленовый столъ или тесовый порогъ къ хатѣ? — продолжалъ дуракъ и затянулъ какую-то свадебную пѣсню о калиновомъ мостикѣ, но вскорѣ прервалъ пѣніе и ласково сказалъ:

— Ну, скажи, дружище, о чемъ такъ задумался? что съ тобой?.. Не хорошо на другой день послѣ свадьбы шататься по лѣсу да поглядывать на деревья, словно ужъ повѣситься хочешь! Скажи, что нужно, авось я помогу...

— Ни ты, ни кто другой, а развѣ чортъ,—мрачно отвѣчалъ Тумръ.

— Тьфу! Тьфу! Наше мѣсто свято! Охота тебѣ призывать этого молодчика, да еще въ такой чащѣ; я и въ чистомъ полѣ боюсь его! Лучше скажи, чего тебѣ нужно, и мы постараемся безъ него помочь дѣлу.

— Гдѣ тебѣ!—отвѣчалъ цыганъ, махнувъ рукой.—Клетушку я себѣ кой-какъ состряпалъ, да вотъ дверей-то не изъ чего сдѣлать, досокъ ни напилить нечѣмъ, ни купить не на что и украсть даже негдѣ.

— А ты укралъ бы?!—перебилъ Янко, смѣясь и грозя.—Ну, голубчикъ мой, теперь я не дивлюсь, что ты призываешь чорта! Но, зачѣмъ, братецъ, чужое таскать, когда и безъ того можно все уладить!

— Какъ?

— Да такъ! Что ничье, то можно взять... Значить, не украдешь!—съ важностью отвѣтилъ дуракъ.

— Оно конечно.

— Ну, такъ вотъ, здѣсь, въ лѣсу, есть старая избушка,—таинственно продолжалъ Янко,—такая старая, что того и гляди она свалится. Когда-то въ ней жилъ лѣсникъ, да повѣсился на притолкѣ; съ тѣхъ поръ избушка брошена и никто отъ нея щепки не тронетъ; можетъ быть, ты будешь посмѣлѣе. Я не тронулъ бы, да если ты изъ-за доски чорта призываешь, такъ не испугаешься.

— Гдѣ же она?—съ нетерпѣніемъ спросилъ цыганъ.

— А вотъ пойдемъ и я укажу,—отвѣтилъ Янко, схватилъ палку больше себя ростомъ и пустился черезъ пни и кочки.

Несмотря на нескладное строеніе своего тѣла, онъ былъ отличный ходокъ и цыганъ едва поспѣвалъ за нимъ. Янко хорошо зналъ лѣсъ и быстро нырялъ подъ вѣтвями деревьевъ; отъ времени до времени онъ останавливался и, улыбаясь, поджидалъ отставшаго спутника, а потомъ опять пускался скорымъ шагомъ; дорогою онъ то подбиралъ грибъ, то вырывалъ кустъ ягодъ, то глазѣлъ на бѣлокъ, прыгавшихъ съ дерева на дерево. Тумръ шелъ за нимъ и молчалъ.

Они шли около часу; наконецъ въ чащѣ молодого кустарника Янко издали показалъ цыгану на развалины избы. Трудно

было угадать, что за строеніе стояло тутъ: кровля провалилась, стѣны обрушились, плетеная труба разсыпалась и дикія травы завладѣли прежнимъ жилищемъ человѣка... Въ одной стѣнѣ, болѣе защищенной отъ дождя, находилась дурно сколоченная дверь, а на притолкѣ еще висѣлъ конецъ гнилой веревки.

У цыгана сверкнули глаза; онъ бросился къ двери, схватилъ ее, но она разсыпалась въ его рукахъ.

— Вотъ те разъ!—вскричалъ Янко:—жалъ нашихъ ногъ, даромъ прошлись: совсѣмъ сгнило!

Однако дверь была не совсѣмъ гнилая; еще можно было отобрать нѣсколько досокъ, хотя и дырявыхъ. Тумръ поблагодарилъ своего проводника, взвалилъ доски на плечи и поворотилъ назадъ.

— Что-жъ ты думаешь нести все самъ? — сказалъ дуракъ,—а мнѣ-то ничего не дашь?

— Гдѣ тебѣ! съ мѣста не сдвинешь!—съ усмѣшкою отвѣтилъ цыганъ.

— Дай хоть половину, авось донесу.

Цыганъ не мало удивился, увидѣвъ, какъ легко и безъ всякаго усилія хилый на видъ калѣка поднялъ свою ношу и понесъ ее, напѣвая какую-то пѣсню.

Когда они вышли на опушку лѣса, Янко бросилъ свои доски, снялъ соломенную шляпу и сказалъ:

— Ну, теперь, дружище, неси самъ; не то наши увидятъ меня съ тобою, скажутъ, что мы виѣстѣ колдуемъ, и мнѣ, пожалуй, хлѣба не дадутъ. Вотъ видишь, что и дуракъ можетъ на что-нибудь пригодиться. Ха, ха, ха! вишь, я какой умница! Могу даже другому помочь. Ха, ха, ха!

Дуракъ уперъ руки въ бока и хохоталъ; наконецъ, нахотавшись до сыта, пустился со всѣхъ ногъ къ селенію.

ХУІІІ.

Между тѣмъ, Мотруна съ коровой шла медленно въ городъ и горько плакала, такъ что свозъ слезы свѣта не видѣла. Дорога вела черезъ села и деревни, народу по ней шло много, и каждый посматривалъ на молодую женщину, которая гнала

худую корову и плакала. Жидки, догадываясь, что скотинка ведется на базаръ и что ее надо продать за столько, сколько дадутъ, не разъ останавливали Мотруну и съ каждымъ разомъ все меньше предлагали за корову; впрочемъ, и то сказать, ея исхудалые бока и взъерошенная шерсть не обѣщали выгоднаго пріобрѣтенія покупщику.

Такимъ образомъ Мотруна дошла до города; вѣтеръ осушилъ ея слезы, а людская забота разсѣяла ея мысли. Да, надо было подумать о будущемъ хозяйствѣ.

Мотруна стала на рынкѣ. Тутъ ее обступили жидки, жиловки, жиденята, крестьяне, и живо пошелъ торгъ на скотинку, невзрачность которой, а слѣдовательно и дешевизна привлекала бѣдѣйшихъ покупателей. И не успѣла Мотруна оглянуться, какъ ударили по рукамъ, отсчитали ей деньги, веревка перешла изъ ея рукъ къ покупщику и коровка угнана! На ладони молодой крестьянки было тридцать золотыхъ (4 р. 50 к.). Не много было этого на покупку всего, что было нужно въ хозяйствѣ. Мотруна закупила что могла, но тутъ явилась новая бѣда: хоть немного она купила, а все же не взвалить ей было на плечи—и горшки, и ведро, и жбанъ, и сито, и корыто... Гдѣ-жъ ей снести все это на плечахъ въ Стависки?

Только къ ночи она отыскала попутчика, возвращавшагося домой порожнякомъ, сложила свою кладь и отправилась. Ъхали на волахъ, мужичекъ былъ пьянехонекъ, дорога гористая, ночь темная, и одинъ Богъ уберегъ Мотруну. Телѣга катилась съ грохотомъ съ каждаго холма и всякій разъ, казалось, что она разлетится въ щепки; однако она благополучно скатывалась въ долину и волы опять лѣниво тащились далѣе, между тѣмъ какъ возникшій, положивъ подъ голову новое корыто, спалъ какъ убитый.

Уже давно разсвѣло, когда телѣга остановилась у кладбища. Мотруна застала мужа сколачивающимъ дверь. Она не вѣрила глазамъ, когда увидѣла приготовленную для ней горенку. Она стояла передъ работающимъ мужемъ и ей даже страшно стало: ужъ и впрямь не колдунъ ли онъ? Но это было только волшебство воли и энергіи.

Покупки были перенесены въ хату, но бесѣдовать и отдыхать было некогда. Тумру надо было кончить дверь, а Мотрунѣ принести воды, за которою она должна была идти далеко кру-

гомъ, чтобы не встрѣтиться къ кѣмъ-либо изъ крестьянъ, замѣсить, вмѣсто хлѣба, хоть лепешку, потому что для хлѣба еще не было печи, и сварить хоть нѣсколько картофеля, привезеннаго съ базара.

Между тѣмъ цыганъ не выпускалъ изъ рукъ топора: онъ спѣшилъ. Наконецъ онъ управился съ дверью, хотя работы въ ней было больше, чѣмъ въ любой наборной штукѣ. Старыя доски распадались отъ удара топора, дыръ и проточинъ было безъ счету, и онъ гдѣ подрѣзалъ, гдѣ вставлялъ кусочекъ, гдѣ заклеивалъ, гдѣ связывалъ колышками, щепками и даже веревочками; все ему было годно, только бы держало. Зато сколько было радости, когда въ первый разъ заскрипѣла дверь на осиновыхъ навѣскахъ и защелкнула ее щеколда! Сколько довольства и гордости заблестало въ глазахъ цыгана, когда онъ посмотрѣлъ на дѣло своихъ рукъ, исполненное почти изъ ничего!

Эта гордость вызвала улыбку и на печальное лицо Мотруны. Они ушли въ уголъ своей новой хаты, на мху, приготовленномъ для забивки щелей, и разломилъ первый кусокъ хлѣба, подъ собственнымъ кровомъ. Слезы ручьемъ полились изъ глазъ дыгана. Передъ нимъ была безнадежная будущасть!

Часть вторая.

I.

Въ человѣкѣ есть какая-то великая, могучая сила; но рѣдко кто сознаетъ ее и рѣдко кто умѣетъ пользоваться ею. Она дѣлаетъ чудеса, покоряетъ все окружающее, не знаетъ препятствій и вступаетъ въ побѣдоносную борьбу съ природой. Сила эта—воля.

Одно слово, а какъ въ немъ много смысла! Въ немъ соединены всѣ силы человѣка, все его бытіе. Стоитъ только тронуть эту пружину — и она приведетъ въ дѣйствіе невѣдомыя дотоѣ неземныя силы, которыхъ ничто не можетъ поднять. Посмотрите, какъ измѣняется, плашаетъ, чахнетъ, падаетъ и погибаетъ человѣкъ, когда онъ ослабѣваетъ и у него останавливается дѣятельность воли. Эта чудная сила не есть исключительная принадлежность генія, таланта, ума; зародыши ея лежатъ въ каждомъ изъ насъ; но ихъ нужно развить, воспитать и тогда ничтожнѣйшее существо можетъ творить чудеса. Вся практическая жизнь основана на волѣ. На этой оси вращается колесо фортуны, управляемое невидимой рукой, но движимое только силой воли.

Не знаю, чему больше удивляться—египетскимъ ли пирамидамъ, вельѣ ли пустынника, сдѣланной въ твердой скалѣ дрожащей рукою, или избушкѣ цыгана, сколоченной изъ ничего.

Извольте измѣрить силы и вытекающія изъ нихъ послѣдствія, и вы получите вѣрный результатъ. Величіе дѣла измѣряется силой и средствами его творца. Едва замѣтная дырочка, просверленная въ дубѣ безсильнымъ червячкомъ, для меня столько же удивительна, какъ тоннель подъ Темзой, созданный

руками и мыслью тысячи людей. Ноша муравья, составленная почти изъ микроскопическихъ частицъ, возбуждаетъ во мнѣ больше удивленія, чѣмъ Луксорскій обелискъ, перевезенный въ Парижъ.

Взгляните на дѣла рукъ человѣческихъ; тамъ, въ томъ маленькомъ, ничтожномъ мірѣ, оставленномъ безъ вниманія, вы найдете тѣ же пирамиды и обелиски, созданные одною волею, болѣе достойные удивленія, чѣмъ всѣ созданія искусства, которыя каждый день возбуждаютъ наше удивленіе.

Противъ кладбища выросла избушка—созданіе одной сильной воли, поражающее своею грандіозностью, хотя и не казистое на видъ. Никто цыгану не помогаль носить толстые срубы, никто ихъ не тесаль и не складываль, никто не подкрѣпляль его даже добрымъ словомъ. За каждымъ бревномъ онъ ходилъ въ лѣсъ и каждое особо тащилъ на своихъ плечахъ; при томъ работалъ у кузнеца,—за то, что тотъ точилъ его топоръ, потому что только своимъ временемъ онъ могъ заплатить ему за одолженіе, и однакожъ сколотилъ свою избушку однимъ топоромъ, безъ всякихъ другихъ инструментовъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы изба была почти кончена.

Ему много помогала жена: ея присутствіе одушевляло и ободряло его; ея рабочая рука притащила къ кладбищу не одно полѣно. Вдвоемъ работа спорилась, а вечеромъ, когда усталый работникъ садился на жесткую постель, ему было съ кѣмъ промолвить словечко и обмѣняться тяжелою думой.

Мотрунѣ, привыкшей къ хозяйству, роскошному въ сравненіи съ стѣнами цыганской лачуги, трудно было свыкнуться съ новымъ положеніемъ; чтобъ обзавестись новымъ хозяйствомъ, нужно было сдѣлать все изъ ничего. Вообще пусто кажется въ каждой крестьянской избушкѣ, а между тѣмъ сколько тамъ всякой незамѣтной рухляди, посуды, орудій, которыя псподволь пріобрѣтаетъ бѣднякъ. Въ избушкѣ Тумра не было ничего, кромѣ необходимѣйшихъ вещей, купленныхъ на базарѣ Мотруной.

Цыганъ довольствовался печенымъ картофелемъ и холодной водою, зачерпнутой ладонью. Въ ихъ хозяйствѣ не было даже ковшъ, первѣйшей необходимости, и имъ предстояло еще обза-

вестись столomъ, скамьею, кадкой. Притомъ, трудно было питаться однимъ хлѣбомъ, а объ огородѣ и думать нечего.

Сначала Мотруна думала, что мѣръ и братья, смотрѣвшіе на нее непріязненно, склонятся къ прощенію, но вскорѣ убѣдилась, что для этого нужно время. Чувство, закравшееся въ душу крестьянина, не скоро измѣняется. Ему некогда передумывать того, на что однажды онъ рѣшился, и разбирать то, что онъ чувствовалъ раньше; трудъ поглощаетъ всю его жизнь. Чувство, возбужденное въ его сердцѣ сегодня, остается и завтра; мысль, съ которой онъ засыпалъ вечеромъ, просыпается съ нимъ поутру.

Братья Лепюки твердо остановились на однажды принятомъ рѣшеніи, и попробовалъ бы кто измѣнить его! Участіе господъ, общее настроеніе міра, основанное на завѣщаніи покойнаго Лепюка, уничтожили для нихъ возможность перемѣны.

Село нуждалось въ кузнецѣ, но крестьяне рѣшились никогда не обращаться къ Тумру. Братья прервали сношенія съ сестрой и никто даже издали не поглядѣлъ на изгнанниковъ, избушка которыхъ медленно росла и накрывалась.

Каждый проѣздомъ смотрѣлъ съ любопытствомъ на эту избушку, но какъ скоро ихъ глаза встрѣчались съ глазами Мотруны, они отворачивались, и молодая хозяйка не слышала обыкновеннаго привѣта. Самые смѣлые крестьяне, не разъ вступавшіе въ открытую борьбу съ міромъ, подчинились его приговору.

Между тѣмъ дни шли за днями печальной чередой; чужая нога не переступала порога новой избы и голосъ посторонняго человѣка ни разу не нарушилъ ея безмолвія.

Наступили длинныя осеннія ночи съ бурями, и молодые хозяева не разъ дрожали отъ суевѣрнаго страха, внушеннаго имъ пустынною и близостью могилы стараго Лепюка. Но изгнанникамъ некогда было предаваться скорби; безпрестанный трудъ и страшная, невѣдомая будущность не позволяли имъ входить въ свое положеніе. Но въ томъ и заключается утѣшеніе несчастныхъ, что они не видятъ будущаго. Счастливы за сегодняшнее счастье платятъ безпокойствомъ за завтрашній день. Бѣднякъ, подавленный нищетою, опутанный сѣтями своего горя, только и плачетъ о немъ. Такъ было и съ жителями новой избышки.

Окончивъ избу и начавъ постройку кузницы, Тумръ не замѣтилъ, какъ въ новомъ его жилищѣ поселились холодъ и стужа. Мотруна своимъ женскимъ инстинктомъ могла бы проникнуть въ грядущую будущность, но ее одолевало горе: будущность была грозна и въ ней не было никакой надежды на улучшение своей участи. Отъ опустѣлой усадьбы, управляемой капитаномъ Герасимовичемъ, нельзя было ждать ни малѣйшаго пособія; міръ предоставилъ ихъ произволу судьбы и даже войти Максимъ Ляхъ забылъ о прежнихъ своихъ добрыхъ отношеніяхъ къ молодому цыгану. Тумръ надѣялся, что съ постройкой кузницы дѣла его пойдутъ лучше; но безъ посторонней помощи кузница никакъ не могла явиться; откуда было взять желѣзо, молоть, наковальню и проч.?

Тумръ, какъ цыганъ, умѣлъ обходиться чѣмъ понало; но мѣхъ, клещи, молоть, наковальня все-таки были необходимы. Для горна нуженъ былъ кирпичъ, а гдѣ его взять? Безъ кузницы какая имъ предстоитъ будущность? Откуда они возьмутъ кусокъ хлѣба? Онъ питался надеждой, что крестьяне, увидѣвъ въ деревнѣ то, чего такъ далеко искали, начнутъ понемногу обращаться къ нему съ нужнѣйшей работой, а за смѣльчаками пойдутъ и трусы. Но до этого было еще далеко.

Деньги, вырученныя Мотруной за продажу коровы, расходовались на покупку продуктовъ, необходимыхъ для жизни: муки, крупы и на разныя хозяйственныя необходимыя. О покупке орудій для кузнечнаго дѣла нечего было и думать.

Однако цыганъ не отчаивался, не терялъ ни мужества, ни энергіи, притомъ ему некогда было предаваться печали и роптать на судьбу. Избенка кое-какъ ужъ была сколочена, оставалось законопатить щели въ потолокъ, вставить окно изъ кусковъ стекла, собранныхъ въ кучахъ деревенскаго мусора, поставить скамьи, столъ, койку. Поэтому онъ то и дѣло бѣгалъ въ лѣсъ, а дома, съ утра и до вечера, тесалъ да приколачивалъ, и у него едва хватало времени на обѣдъ и вечерній отдыхъ, соединенный съ сладостно-горькой бесѣдой съ женой.

Мотруна тоже не сидѣла безъ работы: нужно было испечь хлѣбъ, сварить кушанье и, что труднѣе всего, принести воды. Ближайшій источникъ находился у дороги, ведущей въ село, возлѣ пруда, по крайней мѣрѣ въ верстѣ отъ избы; къ нему

нужно было спускаться тропой, проложенной по глинистому обрыву; чуть только дождь смачивалъ тропу, какъ она дѣлалась скользкою, и Мотрунѣ стоило большихъ усилій съ полными ведрами подняться въ это время на гору. А въ день нужно было раза два ходить за водою. Къ счастью, крестьянки рѣдко ходили къ этому колодцу; иначе Мотрунѣ тяжело было бы встрѣтить угрюмыя, молчаливыя лица знакомыхъ сосѣдокъ.

Спустя нѣсколько недѣль, послѣ переселенія въ хату, Мотрунѣ вздумалось попробовать счастья. Не говоря ни слова мужу, она отправилась къ братьямъ. Она не видѣла ихъ съ тѣхъ поръ, какъ покинула отцовскій домъ. Они избѣгали съ ней встрѣчи и колесили Богъ знаетъ куда, лишь бы не проходить мимо сестриной избы.

— Неужто я для нихъ чужая? — думала Мотруна: — вѣдь мы росли вмѣстѣ, одну материнскую грудь сосали; не оттолкнуть же они меня. Родной побранить, посердиться, да и помилуетъ. Я расскажу имъ про нашу горькую долю и они простятъ меня, помогутъ.

Утѣшая себя и ободряя такими мыслями, Мотруна, проводивъ въ лѣсъ мужа, взяла ведра на плечи и пошла, будто за водой. Въ кустахъ у колодца она спрятала ведра и неувѣренными шагами, съ тоской и страхомъ, поплелась къ отцовской избѣ.

Ея сердце сильно забилося, когда она увидѣла знакомую соломенную крышу, теперь чужую... Но когда-то ей жилось подъ ней весело, покойно и уютно. Этотъ мохъ, эти желтые снопы на крышѣ и темныя стѣны напомнили ей много прекрасныхъ и свѣтлыхъ дней ея жизни, и, кто знаетъ, можетъ быть она тогда была счастлива. На заборѣ и березахъ чирикали знакомые ей воробьи; изъ трубы, какъ и прежде, спокойной струей подымался синеватый дымъ; немного покосившіяся ворота попрежнему были наполовину открыты: все было ей знакомо и близко сердцу, но въ то же время такъ чуждо и такъ холодно смотрѣло на нее! Съ каждымъ шагомъ впередъ все страшнѣй и темнѣй становилось на сердцѣ Мотруны, слезы повисли на рѣсницахъ; вся молодость вышла ей навстрѣчу изъ калитки отцовскаго дома съ букетомъ незабудокъ... Но, вромѣ этихъ прекрасныхъ видѣній, никто не встрѣтилъ воз-

вращающейся изгнанницы. Она долго не рѣшалась переступить порогъ родной избы, заглянуть туда и сказать слово прежде роднымъ, а теперь чужимъ людямъ. А если она не застанетъ братьевъ дома, то какъ примутъ ее невѣстки, всегда исподлбья смотрѣвшія на нее, хотя она и не щадила въ былое время своихъ силъ, чтобы имъ угодить.

Она оперлась на заборъ и горько заплакала, закрывъ глаза грубымъ передникомъ. Страхъ и надежда боролись въ ея сердцѣ; она долго стояла, не трогаясь съ мѣста, какъ вдругъ кто-то дотронулся до ея плеча.

Она вздрогнула и открыла глаза. Оказалось, что это былъ старый черный котъ, узнавшій Мотруну, который вскочилъ на заборъ и началъ къ ней ласкаться. У ней отлегло на сердцѣ.

— А! Васька, — произнесла она, — ты одинъ не забылъ меня.

Впрочемъ, не одинъ только котъ узналъ ту, которая кормила его; скоро со всѣхъ сторонъ къ гостѣ, при ея зовѣ, начали сбѣгаться куры и пара старыхъ голубей взвилась надъ ея головой.

Эта встрѣча до слезъ растрогала Мотруну, но не внушила смѣлости отворить дверь избы, которая была заперта, хотя была суббота и въ полѣ ужъ не было работы. Проникнутая страхомъ, Мотруна готова была воротиться домой, какъ вдругъ знакомый скрипъ двери остановилъ ее. На порогѣ показался старшій братъ, очевидно только что оставившій налати. Шумъ куръ разбудилъ его; думая увидѣть коршуна, онъ приложилъ руку ко лбу, поглядѣлъ кругомъ и глаза его встрѣтились съ глазами сестры.

Эта неожиданная встрѣча смутила Максима. Онъ хватился одной рукой за скобку двери, а другою махнулъ, и готовъ былъ уйти, но остался. Онъ боролся съ собою, но внезапное движеніе Мотруны рѣшило борьбу.

— Братецъ! — воскликнула она, протянувъ къ нему руки.

— Нѣтъ тутъ ни братьевъ, ни сестеръ твоихъ, — грозно произнесъ хозяинъ, — ты не наша; тутъ нѣтъ твоей родни. Проваливай! Что, небось, пришла высматривать, какъ-бы твоему цыгану легче вывести нашу скотину!..

— Максимъ, вѣдь я сестра тебѣ... Что тебѣ сдѣлалъ мой

мужъ?.. Чѣмъ я провинилась передъ тобой?.. За что ты такъ насъ обижаешь?..

— А за то, что отца забыла! — грозно закричалъ Максимъ. — Не ты ли его убила? Ты пошла жаловаться на насъ во дворъ! Такъ пусть теперь господа тебѣ помогаютъ... Мы тебѣ не братья!

— Максимъ! ты не знаешь нашего горя!.. Мы съ голодухи помремъ... Вы все село взбунтовали на насъ... Не хочешь признать меня сестрой и я не навязываюсь; но за что вы насъ выживаете изъ села?

— Нѣтъ, нѣтъ! — кричалъ Максимъ, — такъ вамъ и надо! Проваливайте отсюда за вашими цыганами. Село и безъ кузнеца обходилось и теперь обойдется, значить, не надо... Убирайся!

Въ сердцѣ Мотруны проснулось чувство, похожее на гнѣвъ.

— Мы — цыгане, — вскрикнула Мотруна: — а вы кто? Вы не лучше ихъ, что сестру гоните со двора умирать съ голоду!

— Пошла вонъ, а не то затравлю собаками! — крикнулъ Максимъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Собаки добрее тебя, — возразила Мотруна: — и онѣ признаютъ меня хозяйкой... коли ты не признаешь сестры...

— Ты отреклась отъ отца! — перебилъ ее Максимъ.

Бросивъ на брата горделивый взглядъ, Мотруна отошла на нѣсколько шаговъ отъ забора. Куры, голуби, дворовый песъ, — всѣ пошли за бывшей хозяйкой.

Максимъ скрылся за дверью.

Въ мгновеніе котъ-Васька соскочилъ съ забора и, ласкаясь къ Мотрунѣ, тихо поплелся за ней; но, видя, что она миновала ворота, остановился, присѣлъ и долго посматривалъ въ ту сторону, куда она скрылась.

Куры тоже поглядывали на знакомый передникъ и провожали ее за ворота, но, какъ только она ушла, начали рыться въ песокъ.

Голуби долго летѣли за нею, садясь то на груши, то на крыши, словно звали хозяйку назадъ; но и они скоро воротились назадъ.

Старая собака трогательнѣе всѣхъ прощалась съ женою цыгана; она провожала ее за ворота, лизала ей руку и, махая хвостомъ, старалась заглянуть ей въ глаза. Но видя безу-

частіе къ себѣ, она остановилась, тягнула и, опустивъ хвостъ, медленно побрела къ своей конурѣ.

Дорога къ кладбищу пролежала мимо гумна Лениковъ. Поровнявшись съ нимъ, Мотруна услышала стукъ цѣпа; дверь была полуоткрыта и ничего не мѣшало ей посмотреть, кто работаетъ; она заглянула и увидѣла меньшаго брата, который усердно молотилъ нѣсколько сноповъ.

— Можетъ-быть, онъ милостивѣе Максима,—подумала Мотруна и тихо вошла на токъ; работникъ поднялъ голову и удивился, увидѣвъ предъ собой сестру.

— Что тебѣ?—произнесъ онъ.

Этотъ вопросъ былъ вызванъ скорѣе удивленіемъ, чѣмъ гнѣвомъ.

— Къ тебѣ пришла, Филиппъ,—отвѣтила Мотруна,—ходила къ Максиму; думала, добрымъ словомъ встрѣтить; а онъ прогналъ меня, точно бродягу...

— Прогналъ?—повторилъ Филиппъ, опираясь на цѣпъ.— Что жъ я сдѣлаю?

— Скажи хоть доброе слово, Филиппъ,—простонала несчастная.— Всѣ насъ покинули, никто и не посмотреть, словно мы окайнные?..

— Эхъ, что дѣлать!—произнесъ братъ, видимо смущенный.— Ужъ когда Максимъ прогналъ, то мнѣ нельзя идти противъ него. Все село съ нимъ заодно,—хотятъ выжить васъ. А мнѣ-то съ нимъ вздорить не приходится; онъ всѣхъ подниметъ; ни мнѣ, ни бабѣ моей житья не будетъ. Уходи, Мотруна, а то какъ увидить—опять бѣда...

Мотруна плакала, опершись на ворота.

— Охъ, горе мое, горе! Что мнѣ дѣлать горемычной, коли братья родные гонять со двора?

— Послушалась бы отца,—нерѣшительно сказалъ Филиппъ,—не было бы и горя. Сама же виновата: связалась съ цыганомъ и надѣлала себѣ и намъ сраму.

— Что сдѣлано, того не воротить,—произнесла она, послѣ минутнаго молчанія,—не дай Господи дѣтямъ вашимъ такой доли; мы съ голоду помремъ, когда зима придетъ.

— А господа?—спросилъ братъ.

— Да гдѣ они?..

— Вамъ дали корову.

— Мы ее продали; нечѣмъ было кормиться самимъ.

Филиппъ задумался.

— Ступай съ Богомъ; мнѣ нечѣмъ помочь... Впрочемъ, возьми ржи, сколько можешь снести, да ни слова никому — слышь? Сохрани Боже! Максиму скажу, что копну гуси моля и воробьи ощипали. Бери, не стыдись; изъяну не сдѣлаешь, только бѣги скорѣе, неравно Максимъ увидить...

Слова Филиппа оживили Мотруну; не такъ дорога была ей эта жертва, какъ сознаніе, что есть еще одно сердце, въ которомъ она можетъ найти участіе. Она бросилась цѣловать руки брата.

— Награди тебя Господь за твое доброе сердце!

Филиппъ, казалось, также былъ тронутъ; но взоры, часто бросаемые на дверь, доказывали безпокойство и опасеніе; онъ самъ принялся сгребать рожь и чуть не силой сыпалъ въ передникъ сестры.

— Теперь ступай домой, — чуть слышно произнесъ Филиппъ, — ступай съ Богомъ, пока Максимъ не пришелъ сюда. Хоть краденымъ помогу; сохрани Господи, подстережетъ... и меня съѣстъ, и тебѣ хуже будетъ. Ступай, ступай, Мотруна!

Все лицо Филиппа выражало смущеніе и безпокойство; онъ то сгребалъ въ кучу солому, то поглядывалъ на ворота, то выпроваживалъ сестру.

— Максимъ, — прибавилъ онъ наконецъ, — голова въ домѣ; онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и покойникъ также зналъ, что дѣлалъ. Не слѣдъ тебѣ было приставать къ цыгану, жили бы вмѣстѣ и горя бъ не видала, а теперь все пропало...

— Заладили вы одно и то же, — жалобно сказала Мотруна. Филиппъ покачалъ головой.

— Мы не можемъ измѣнять того, что отецъ приказывалъ. Онъ умеръ и некому тебя прощать; противъ его воли никто изъ насъ не поидетъ.

— Неужели никогда? — вскричала Мотруна, хватаясь одной рукой за голову.

— Вѣрно, что никогда! — произнесъ Филиппъ, слегка толкая ее. — Уходи, — продолжалъ онъ, — не то бѣда будетъ, да и мнѣ пора кончать... вишь, солнце садится.

Несчастливая женщина молча бросила послѣдній взглядъ на брата, который будто устыдился своей доброты и опустилъ глаза въ землю. Сердце Мотруны сжалось, изъ гумна она вышла богаче нѣсколькими гарницами ржи, но безнадежнѣе, чѣмъ прежде...

Она, съ тяжелой грустью, медленными шагами пробралась мимо плетней къ плотинѣ, прошла прудъ и приблизилась къ кустамъ, гдѣ оставила ведра.

У колодца не было живого существа, она быстро развернула вѣтви и въ отчаяніи всплеснула руками: въ кустахъ не было ведеръ.

II.

Тумръ долго проходилъ по лѣсу, отыскивая матеріаль на кузницу. Въ опустошенномъ бору трудно было найти деревья годныя на бревна, а потому онъ воротился поздно вечеромъ. Остановившись передъ избой, онъ увидѣлъ плачущую Мотруну.

Глаза его налились кровью и щеки покраснѣли, а въ головѣ мелькнула мысль, что кто-нибудь обидѣлъ жену; бросивъ свою ношу, онъ встревоженный подошелъ къ ней.

Мотруна вздрогнула, услышавъ шумъ, хотѣла идти на встрѣчу мужу, но остановилась.

— Что со тобой, Мотруна? Тебя обидѣли эти проклятые гады?—спросилъ цыганъ, сжимая свои кулаки.—Клянусь, я больше не вытерплю. Ужъ коли пропадать, такъ пропадать, а я имъ устрою праздникъ... полетятъ они всѣ къ чертямъ... Пусть гибнутъ въ огнѣ и пропадаютъ, какъ собаки!

Говоря это, цыганъ былъ до того страшенъ и глаза его такъ дико сверкали, что Мотруна, крестясь, отступила отъ него.

— Ну, Тумръ, перестань, что по-пусту сердиться? Ничего не случилось, мой милый.

— О чемъ же ты плачешь?

— Сама я сдѣлала глупость,—сказала Мотруна, думая скрыть свои похождения отъ мужа,—ведра пропали.

— Ведра? какъ такъ?

— Полѣнилась идти къ колодцу и пошла къ пруду, а тамъ вода быстро бѣжитъ, я упустила ведра и вода унесла ихъ къ мельницѣ.

Цыганъ пристально посмотрѣлъ на нее и отрицательно покачалъ головой.

— Вѣдь въ прудѣ коноплю мочать,—медленно произнесъ кузнецъ,—и ты не пошла бы туда, а если бъ и пошла, то ведра не поплыли бы далеко, тамъ весь берегъ заросъ тростникомъ. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ, не обманывай меня, Мотруна.

Трудно было Мотрунѣ лгать передъ мужемъ, стыдливый румянецъ окрасилъ ей щеки, она произнесла что-то невнятно и пожала плечами.

— Говори правду, Мотруна, вѣдь я узнаю.

— Я говорю тебѣ, какъ было,—отвѣтила смущенно жена, переступая черезъ порогъ избышки.

Цыганъ пошелъ за нею и увидѣлъ узелъ съ рожью, брошенный Мотруной посреди избы.

— А это что?

— Рожь... я купила за злотъ (15 коп.) у мужика изъ Рудни.

— За злотъ?—недовѣрчиво произнесъ мужъ.—Нѣтъ, не правда, быть не можетъ; говори правду, Мотруна, грѣшно тебѣ лгать предо мною! Ты плакала... Тутъ что-нибудь не такъ, я узнаю, все узнаю!

Мотруна, молча, взялась за уголь передника.

— Ты напугалъ меня... ты такой сердитый,—медленно отвѣчала жена.—Зачѣмъ сердиться,—мало ли что люди противъ насъ: Богъ съ ними...

Мотруна отвернула лицо, смоченное слезами.

— Я расскажу тебѣ все, какъ было... только скажи миѣ: не будешь мстить?

— Видить Богъ, не буду, пока хватаетъ терпѣнія; ужъ много я перенесъ обидъ и все прощаль... Говори скорѣе!

Мотруна начала рассказъ, прерывая его слезами и умалчивая о томъ, что говорилъ ей Максимъ, проговоря со двора. Тумръ, молча и понуривъ голову, слушалъ ее.

— Собаки! — вскричалъ онъ, когда Мотруна, кончивъ разсказъ, опять залилась слезами. — Не нужна мнѣ ихъ помощь, прочь ихъ милостыню! Издохну какъ собака, а не трону и зерна изъ этой проклятой ржи!

— Филиппъ не виноватъ, — робко произнесла Мотруна.

— Филиппъ — баба! — крикнулъ цыганъ, — боится меня, боится брата и суетъ тебѣ милостыню, чтобъ отвязаться отъ насъ! Завтра же брошу ему въ рожу!..

— Ради Бога! не дѣлай этого!.. — прервала жена; — ты погубишь и его, и меня, и себя! Максимъ узнаетъ и загрызетъ бѣднаго брата, и за его же добро мы накличемъ бѣду.

— И ты станешь ѣсть этотъ хлѣбъ? — спокойно спросилъ мужъ. — Тебѣ, сестрѣ, бросили, какъ собакѣ, кусокъ... Подавись этимъ хлѣбомъ!..

— Выбрось его, только не отдавай брату! — кричала Мотруна. — Не губи его и себя!..

Отвѣтъ Тумра былъ прерванъ стукомъ въ неплотно-запертую дверь.

Стукъ этотъ такъ странно раздался въ ушахъ одинокихъ изгнанниковъ, что оба они въ испугѣ переглянулись и замолчали. Цыганъ, предчувствовавшій бѣду — онъ всего начиналъ бояться — бросился къ двери, готовый грудью встрѣтить врага.

Въ воображеніи Мотруны мелькнула тѣнь мстительнаго отца, и она невольно перекрестилась.

— Кто тамъ? — громовымъ голосомъ крикнулъ цыганъ, отворяя дверь и стараясь проникнуть въ непроглядную тьму ночи.

— А-а! добрый вечеръ, добрый вечеръ! не бойтесь! Въдь голышу не страшны разбойники, а у васъ поживиться. то нечѣмъ.

Слова эти принадлежали зайкѣ Янкѣ-дурачку, странная фигура котораго обрисовалась предъ изумленнымъ хозяиномъ лачужки; онъ тащилъ на плечахъ ведра съ водою и насилу перешагнулъ порогъ.

— Мои ведра! — крикнула Мотруна, всплескивая руками. — Да, да, мои! — прибавила она, наклонясь къ ведрамъ и разсматривая ихъ. — Это ты, Янко-дурачекъ?

— Да, я! Но не такъ еще глупъ, — отвѣчалъ гость, — коли нашелъ то, что умница потеряла. А! а!

— Господь наградить тебя за это, Янко, — сказалъ цыгань, — а второй разъ остаюсь у тебя въ долгу.

— Что-жъ ты мнѣ долженъ? — пробормоталъ карликъ, потесавъ затылокъ.

— Гдѣ же ты нашелъ ихъ? — спросила Мотруна. — Какой ты добрый!.. и воды принесъ.

— Коли нести ведра, такъ ужъ съ водой. Зачѣмъ тебѣ эта посуда безъ воды? А гдѣ нашелъ ихъ — все равно: гдѣ ни нашелъ, а нашелъ!..

— Скажи, гдѣ нашелъ? Отнялъ у кого-нибудь, а?

— Ни у кого не отнималъ.

— Какъ же они къ тебѣ попали?

— А! а! ты думаешь, что мой языкъ такъ легко ворочается, какъ твой; подожди маленько, подожди!

Тумръ и Мотруна стояли передъ карликомъ, занявшимъ мѣсто у порога.

— Вотъ какъ было, — началъ онъ медленно. — Иду я себѣ да иду, куда глаза глядятъ; меня выгнали изъ избы; имъ захотѣлось ужинать, ну, затѣмъ и прогнали; что дѣлать? Я пошелъ... Прошелъ я плотину, прошелъ мостикъ; ну, и пришелъ къ колодцу. Сталъ я и думаю: сѣсть бы здѣсь да воды напиться, коли ѣсть не даютъ... Посмотрѣлъ въ колодець: вода глубоко и напиться нечѣмъ. Думалъ-думалъ, какъ-бы достать, а должно быть можно; говорятъ, все можно сдѣлать, коли захочешь... Вотъ я отошелъ въ сторону отъ колодца и — бухъ въ кусты! да такъ грохнулся боками о что-то твердое, что и въ глазахъ потемнѣло. Ахъ, чтобъ тебя черти побрали!.. Оглянулся, вижу — два ведра и коромысло и все новенькое. Вотъ, теперь, думаю, можно и напиться. Но кто затащилъ ихъ сюда? Гляжу во все стороны — нигдѣ никого. Пришла Настя, Ляшкова дочка. „Добрый вечеръ, говорю, Настя!“ — А она и не глядитъ на меня. „Не помочь ли тебѣ достать воды?“ — говорю. — „Убирайся къ чорту,“ — говоритъ. Только и было... „Настя — говорю — не знаешь ли, чьи это ведра?“ — „Ведра? ведра?“ — Она подошла и говоритъ: „это мои ведра, — да, мои, и я ихъ искала...“ — „Твой? — говорю: какъ же твой?“ — „Ну, мои не мои, а я ихъ возьму!..“ — „Какъ такъ?“ — „Да такъ, ты мнѣ отдай!“ — А я ей и говорю: „ну, а если бъ твои кто взялъ, какъ ты хочешь взять чужіе?“ Покраснѣла, молчитъ. —

„Скажи, говорю, лучше, чѣи онѣ? Вѣдь ты знаешь.“ „Она посмотриѣла, покачала головой. „Новыя—говорить — не знаю, не знаю... не наши; у насъ такихъ ведеръ нѣтъ... Онѣ купленные, не здѣшней работы...“—А мнѣ и довольно, я подумалъ и догадался, что онѣ ваши. Потомъ еще пришла Григорьева, и мы какъ начали калякать, такъ вотъ и стемнѣло... Я набралъ воды да и принесъ.

— Спасибо тебѣ, Янко! Эхъ, жаль, нечѣмъ тебя угостить...

— Не надо мнѣ вашего угощенья,—перебилъ юродивый, меня хоть бьютъ и гоняютъ изъ избы, а все-таки кормятъ... Э, да у васъ тутъ совсѣмъ пусто,—прибавилъ карликъ, по-смотриѣвъ вокругъ.

— Гдѣ-жъ намъ взять?—сказалъ цыганъ. — Все, что видишь, я самъ сдѣлалъ, на своихъ плечахъ таскалъ. Теперь что дальше, то хуже; сердце надрывается, какъ подумаешь... А что дѣлать, чѣмъ пособить?..

— Что и говорить!—тихо замѣтилъ Янко.—Я тоже знаю... Какъ ни бейся—ничего не сдѣлаешь...

— А надо сдѣлать,—возразилъ хозяинъ.

— Надо, ха, ха! надо! кто тебѣ поможетъ? Изъ чего ты выстроишь кузницу?

— Возлѣ кирпичнаго завода много кусковъ валяется... снесу ихъ сюда понемногу и начну строить.

— Ну, ну, а дальше что? Кто горнъ сдѣлаетъ?

— Печникъ изъ Рудни.

— Даромъ?

— Нѣтъ, недѣлю поработаю у кузнеца; кузнецъ заплатитъ печнику.

— Ну, а дальше? Думаешь, я кузницъ не видалъ! ого, го! Бывалъ я на ярмаркѣ и въ Руднѣ, и въ Пятковцахъ, и въ Чумарахъ; видалъ я всякія кузницы,—и жидовскія, и цыганскія, и христіанскія.

— Цѣлый годъ буду работать у кузнеца; а все-таки заработаю хоть на старый мѣхъ, наковальню, клещи да кусокъ желѣза.

— А жена?

— Тоже пойдетъ на заработки,—быстро подхватила Метруна.

— Значить, оба по міру пойдете? Ну, такъ это еще хуже!

— Эхъ, дай только кузницу построить... куплю угля, при-
мусъ за дѣло... Одинъ, другой похвалить въ корчмѣ... и по-
несутъ работу; а настанетъ гололедица, придетъ пора съ
сохою ѣхать въ поле, тогда...

Янко качалъ головой.

— Та, та, та! Ты еще не знаешь нашихъ ставищанъ! —
сказалъ Янко. — У нихъ, какъ у жидовъ, когда *херимъ*, такъ
херимъ *). Можетъ быть, въ старину такъ и было бы, а
теперь, — нѣтъ, не тѣ времена; теперь вы съ голоду помрете...

Мотруна вздохнула, Тумръ потупился.

— На ставищанъ не надѣйтесь, — прибавилъ Янко, — они
уже сходились, и руки давали, и сговаривались, и водкой
запивали, я ихъ знаю. Можетъ зашелъ бы кто въ твою куз-
ницу, да на другой же день его бы прогнали. Вотъ узнай
только кто-нибудь, что я былъ тутъ и говорилъ съ вами —
домой не пустили бы, ей-ей! и хату заперли-бы, а тамъ дѣлай,
что хочешь...

— Тебѣ такъ кажется, Янко.

— Пусть кажется. Коли мое не въ ладъ, такъ я съ
своимъ назадъ. Не слушайте Янку-дурака! На то онъ и ду-
ракъ, чтобъ его не слушали. А все-таки скажу вамъ, что
если что взбредетъ въ мою голову, то я какъ начну говорить,
такъ не сегодня — завтра на моемъ станеть. Вотъ какъ при-
везли старого-то Лепюка на кладбище, а потомъ какъ позвали
братевъ во дворъ, такъ я тотчасъ сказалъ себѣ: будетъ куз-
ница, да хлѣба не будетъ.

Мотруна вздохнула, Янко продолжалъ заикаясь:

— Со мной вѣдь тоже случилось... Развѣ я хуже Васьки
или Андрюшки? А какъ сказали всѣ въ одинъ голосъ, что я
дуракъ, то все пропало, какъ есть... Словно меня и нѣтъ на
свѣтѣ — никуда не годенъ! Миѣ нѣтъ дѣла ни въ хозяйствѣ,
ни въ полѣ, ни дома! А жениться? и не думай!.. А когда есть
потяжелѣе работа, то кто ее дѣлаетъ? Все я же работаю! А
чтобы шубенку какую или что... Э, да что говорить! и слова
добраго не дождешься. Ужъ такъ на всю жизнь пошло!

*) *Херимъ* — клятва евреевъ. Она произносится только въ важныхъ слу-
чаяхъ. Переводчикъ.

— Ну, такъ мы пойдемъ отсюда; не въ другомъ, такъ въ третьемъ, въ десятомъ селѣ найдемъ работу и кусокъ хлѣба... Но я не брошу имъ своей мазанки даромъ... больно она дорога мнѣ...

— Дѣлай, какъ хочешь, — сказалъ Янко, — а мнѣ пора домой. Меня побьютъ за опозданіе, а коли запрутъ дверь, такъ и не впускать въ хату: въ хлѣву или въ мякинникѣ ночевать придется... Впрочемъ, мнѣ все равно: шкура попривыкла.

Говоря это, Янко перешагнулъ за порогъ мазанки и скрылся въ темнотѣ. Тумръ и Мотруна снова остались одни, оба одинаково печальны и унылы.

Въ печи, сдѣланной изъ глины, заблисталъ огонекъ, въ избушкѣ стало будто веселѣе и на кривомъ столѣ появилась миска.

— Пропади они! — произнесъ Тумръ, садясь возлѣ жены, — не покорюсь, хоть бы мнѣ пришлось прождать всю жизнь. Богъ видитъ мою правду. Не плачь, Мотруна: за твои слезы твои братья отвѣтятъ...

III.

Среди обыденныхъ заботъ и тяжкаго труда проходили медовые мѣсяцы молодыхъ супруговъ. За минуту отдыха, за сладкую мечту они платили изнуреніемъ, огорченіями и гнѣвомъ, который точилъ ихъ грудь; всѣ обходили цыганскую лачужку, избѣгая встрѣчи съ ея владѣльцемъ и его женой.

Были-ль они счастливы другъ другомъ? Едва-ли...

Мечтать о счастьи и наслаждаться имъ — двѣ вещи разныя. Счастье, созданное мечтою, непостоянно, какъ сама мечта. Въ вечернихъ бесѣдахъ, въ первое время ихъ знакомства, они и не воображали, какими обильными слезами они оросятъ свое брачное ложе. Мотруна любила Тумра, но ея воображеніе невольно рисовало картину лучшей, привольной жизни. Мысль объ изгнаніи ея изъ родного круга часто заставляла ее плакать горячими слезами. Не одну ночь провела она безъ сна, стараясь забыть о прошломъ и настоящемъ; но въ ушахъ ея раздавалось отцовское проклятіе и холодная дрожь пробѣгала по всѣмъ ея

членамъ. Иногда она думала о будущемъ, о завтрашнемъ днѣ, о зимѣ и о долгихъ годахъ, которые, быть можетъ, суждено ей было провести въ постоянныхъ мученіяхъ и быть свидѣтельницей мученій мужа; тогда она хваталась за голову и крѣпко сжимала ее, какъ-бы стараясь облегчить тяжелую боль.

Возвратиться назадъ было поздно. Ей угрожало изгнаніе изъ родной деревни, страшная участь будущихъ дѣтей, бродячая жизнь и бѣдность съ сумой на плечахъ...

Но цыганъ не думалъ ни о чемъ, пока его руки были заняты работой; онъ ободрялъ себя надеждой, и силы его, казалось, росли вмѣстѣ съ работой.

Однако, когда настала глубокая осень съ проливными дождями и остановила начатую постройку кузницы, пришлось сидѣть дома по цѣлымъ днямъ безъ дѣла и тоска овладѣла его сердцемъ. Онъ вспомнилъ о своей привольной бродячей жизни; вспомнилъ веселую, игривую Азу и всѣхъ, кого онъ бросилъ изъ-за Мотруны; ему такъ живо представились молчаливая жена Апраша, крикливые ребятишки, старухи ворожеи, кузница, телѣга, перевозившая ихъ съ мѣста на мѣсто, и весь цыганскій бытъ, правда, незавидный, но полный дѣятельности и жизни.

Теперь онъ былъ временно осужденъ на бездѣтельную жизнь—любоваться печальнымъ видомъ сельскаго кладбища, вести однообразную бесѣду съ женою, бояться невидимыхъ враговъ и томиться въ неуютной лачугѣ.

Онъ ужъ перетолковалъ обо всемъ съ своей страдалицей-женою; они вмѣстѣ пили до дна свою горькую чашу, и новые дни не приносили ничего новаго для ихъ однообразной, унылой жизни. Но Тумръ рѣшился бороться и страдать, только бы выйти изъ нищеты. А между тѣмъ мысль съ каждымъ днемъ все упорнѣе и упорнѣе обращалась къ прошлому, еще недавно ненавистному, а теперь прекрасному и обольстительному.

Сначала онъ бродилъ по лѣсу безъ цѣли и это развлекало его; но скоро и однообразный лѣсъ надоѣлъ ему. Онъ чувствовалъ все сильнѣе и сильнѣе потребность движенія: ему нужны были новыя мѣста, новыя лица, новое небо. То была потребность, всосанная съ молокомъ матери и подавленная на время сильной страстью. Какое-то безпокойство мучило его: онъ выходилъ за порогъ избы, смотрѣлъ во всѣ стороны, шелъ безъ

цѣли по дорогѣ и возвращался домой, но его все манило что-то на просторъ.

Если ему случалось цѣлый день провести дома, то онъ впадалъ въ какое-то оцѣпенѣніе, и въ немъ не видно было признака жизни. Мотруна видѣла это и молчала; она старалась утѣшить его, думая, что онъ мучится мыслью о завтрашнемъ днѣ; но и ей самой, день ото дня, становилось тяжелѣе...

Скоро ихъ мысли разошлись по разнымъ направленіямъ: она направила ихъ къ селу, которое заманчиво дымилось въ долинѣ, а онъ устремилъ ихъ въ широкій, невѣдомый міръ, который манилъ его къ себѣ обольстительной надеждой и новизной. Оба тосковали; они любили другъ друга, но въ тайнѣ плакали о своемъ прошломъ.

Мотруна часто сидѣла на обрывѣ и, сжавши руками голову, смотрѣла сквозь слезы на спокойное село; мысль, окрыленная тоской, мчалась къ отцовскому дому, останавливалась въ маленькомъ садикѣ и тамъ предавалась мечтѣ, пока видъ отцовской могилы не призывалъ ее къ дѣйствительности.

Бывало, она взглянетъ на желтую насыпь, осыпленную бѣлымъ крестомъ, перекрестится и убѣжитъ въ избу, чтобы не видѣть страшнаго мѣста, съ котораго, казалось ей, слышался грозный голосъ отца.

Когда тоска сжимала сердце Тумра, онъ съ обнаженной грудью и растрепанными волосами уходилъ изъ избы, самъ не зная куда; то онъ шелъ въ лѣсъ, то бродилъ безъ цѣли по полю и, выбившись изъ силъ, падалъ на берегу пруда, рѣки или засѣянной поляны. Не разъ, среди лѣса, звучала его цыганская пѣсня и не разъ дикій смѣхъ сливался съ завываніями вѣтра. Одна и та же болѣзнь, только съ различными симптомами, развивалась у обоихъ. Сначала это была только временная тоска, и самое простое впечатлѣніе могло разсѣять ее; но потомъ она превратилась въ какую-то змѣю, которая днемъ и ночью сосала ихъ сердца.

Часто они молчали по цѣлымъ днямъ: цыганъ, какъ звѣрь, посаженный въ клѣтку, бросался изъ угла въ уголъ; Мотруна смотрѣла въ окно, изъ котораго видно было село, отцовская хата, старый каштанъ, котъ Васька, куры, пара голубей, тихій дворъ и груша.

Послѣ печальной осени быстро примчалась зима въ бѣломъ саванѣ, страшная, принимающая до костей. Въ мазанкѣ стало холодно; щели засвѣтились и сквозь нихъ вѣтеръ дикимъ голосомъ пѣлъ свою печальную пѣсню. Тумръ опять лѣпилъ, конопатилъ и работалъ; но дождь и вѣтеръ упорно посѣщали избенку и первые морозы пронизывали до костей. Напрасно они разводили огонь и напрасно цыганъ таскалъ вѣтви и дровья: горькій дымъ выѣдалъ глаза и все тепло улетало сквозь щели.

Иногда избу совершенно заносило снѣгомъ; но вдругъ наставала оттепель, снѣгъ таялъ и въ мазанку бѣжали цѣлые потоки воды. Идя за водою, Мотруна не разъ падала на скользкой тропинкѣ, покрытой мокрымъ снѣгомъ.

Пока у нихъ было нѣсколько грошей и муки, они еще жили кое-какъ, но пришелъ тяжелый день, когда они съѣли послѣдній запасъ. Мотруна въ ужасѣ всплеснула руками, взглянувъ въ кадку, пустую, какъ пропасть. Тумръ зналъ, что она пуста, и давно замѣтилъ, что ужъ израсходована послѣдняя копейка... А кузницы все еще не было, не было работы и надежды на чужую помощь...

Однажды вечеромъ, дрожа отъ холода, они молча сидѣли у затопленной печи. Цыганъ тяжело вздохнулъ и первый превралъ убійственное молчаніе.

— А что, Мотруна, хлѣба-то у насъ нѣтъ и самъ онъ не придетъ... Я думалъ долго объ этомъ... Нечего дѣлать, надо куда-либо пойти на заработки. Только какъ ты останешься здѣсь одна?

Мотруна опустила глаза и перебирала концы передника.

— Что-жъ, останусь и буду стеречь свою избушку да поджидать тебя...

— По воскресеньямъ я буду приходить къ тебѣ и—дастъ Богъ—приносить хлѣбъ или что другое...

— А я стану прясть... Авось кто-либо возьметъ...

— Нѣтъ, и не думай! Я не хочу, чтобы ты просила работы... обойдемся и безъ нихъ.

— Хорошо, — живо проговорила она, — буду сидѣть дома, коли не желаешь, чтобы я работала...

— А тебѣ не страшно остаться одной у кладбища?

Иной разъ ночью, какъ вѣтеръ завоетъ, и меня дрожь принимаетъ.

Мотруна вздрогнула.

— Проживу какъ-нибудь, Богъ не безъ милости, а умру—тебѣ же легче будетъ... Братья схоронять, благо кладбище недалеко, а ты опять станешь по свѣту ходить, куда вздумаешь...

— Молчи, Мотруна!—крикнулъ цыганъ, вскочивъ съ мѣста, какъ ужаленный. — Промаемся зиму, — прибавилъ онъ спокойнѣе, — а тамъ, коли не удастся выстроить кузницы, сожгу избу и пойдемъ вмѣстѣ къ нашимъ.

— Да зима-то длинна!

— Длинна, и жизнь не коротка, а какъ-нибудь прожить надо... Но вотъ опять бѣда: кто тебѣ дровъ наносить?.. Ты останешься одна-одинешенька и не съ кѣмъ тебѣ будетъ слова промолвить...

Мотруна молчала; огонь потухъ, разговоръ прекратился какъ-то самъ собою; снова въ избушкѣ воцарилась мертвая тишина и мысли собесѣдниковъ опять разошлись въ разныя стороны.

На другой день утромъ, несмотря на дождь и снѣгъ, Тумръ, видимо занятый какою-то мыслью, вышелъ изъ избы и направилъ шаги къ селу, — казалось, онъ искалъ кого-то. Въ деревнѣ было совершенно пусто: изрѣдка мужикъ, покрытый мѣшкомъ, или женщина, съ закинутой на голову юбкой, пробѣгали черезъ дорогу; только густой дымъ разстилался по крышамъ избъ и сѣрой мглой окутывалъ деревню.

Тумръ шнырялъ до полудня по задворкамъ и, промокнувъ до костей, воротился домой съ вязанкой дровъ за плечами. Жена развела огонь, цыганъ высушилъ платье, отдохнулъ и снова пошелъ. Вѣтеръ разгонялъ тучи; немного прояснилось и мѣстами проглянуло синее небо, предвѣщая морозъ. Тумръ почти до вечера бродилъ вокругъ селенія. Ужъ смеркалось, когда онъ встрѣтился съ Янко.

Дурачокъ тащилъ на плечахъ мѣшокъ съ мукою; расчетливые хозяева пожалѣли воловъ и послали его на мельницу. Жалко было смотрѣть, какъ согнувшійся въ три погибели босой уродецъ брелъ по замерзавшей грязи. Но когда онъ,

услышавъ привѣтствіе Тумра, поднялъ голову, его желтое лицо вовсе не выражало той усталости, какой слѣдовало ожидать; по губамъ его скользнула улыбка и глаза ярко заблестѣли.

— Куда ты, Янко?—спросилъ цыганъ. — Я ищу тебя съ самаго утра.

— Знать плохо ищешь,—отвѣчалъ Янко, спустивъ съ плечъ мѣшокъ на землю,—искалъ бы тамъ, гдѣ бьютъ, гдѣ холодъ, голодъ, грязь да стужа, гдѣ всякая бѣда... такъ и нашелъ бы...

Цыганъ разразился дикимъ смѣхомъ.

— Неужто ты сидѣлъ въ моей лачугѣ? Тамъ живетъ всякая бѣда...

— Ха, ха! и голодъ?

— И не сегодня... Слава Богу, давно ужъ не видимъ куска хлѣба.

— Ха, ха, ха!

Дурачекъ захохоталъ и принялся согрѣвать движеніемъ свои окоченѣлыя руки.

— Не знаю, что будетъ? Помоги, Янко, не то пропадемъ... издохнемъ!..

Маленькій человѣчекъ покатился со смѣху, услышавъ восклицаніе твердаго, какъ гранить, цыгана.

— Ай, ай! отпусти душу на покаяніе,—вскричалъ Янко,—право умру отъ смѣха! Вотъ какъ! Ай-да Янко-дурачекъ! Чѣмъ я помогу и на что я годенъ? Развѣ мѣшки по гризи таскать да дрова рубить!

— Помоги, Янко, не то пропадемъ,—подтвердилъ цыганъ.

— Ой, ой! быкъ у комара помощи просить! Ха-ха-ха! Ей-ей, умру отъ смѣха!—кричалъ барликъ,—хватаясь за животъ.

— Хлѣба нѣтъ,—сказалъ цыганъ,—муки ни горсти, денегъ ни гроша...

— Я это зналъ!

— Пойду, авось, заработаю хоть на кусокъ хлѣба... Мотруну оставляю одну.

— Куда пойдешь?

— Въ Рудню, къ кузнецу...

— Что ты у него заработаешь?

— Хоть хлѣба на недѣлю — и то хорошо; да Мотруну-то какъ оставить?

— Ну, и ее возьми.

— Двоихъ не приметъ.

— Что же будетъ? — спросилъ Янко, улыбаясь на этотъ разъ доброй улыбкой, — чѣмъ я пособию?

— Снеси какъ-либо Мотрунѣ дровецъ, да подь-вечеръ поглядывай за нашей избенкой; заходи къ ней, чтобъ было съ кѣмъ хоть словомъ перекинуться.

Янко задумался, покачалъ головою и, размахивая рубами, началъ колотить себя чтобъ возбудить движеніемъ тепло въ крови.

Казалось, онъ не принималъ никакого участія въ положеніи Тумра. Изъ-подъ рѣсницъ уroda выкатилась слеза; кто знаетъ, состраданіе выжало ее или холодъ? Послѣднее, кажется, вѣрнѣе: дурачекъ одѣтъ былъ въ лохмотья, изорванная свитка едва прикрывала его тѣло, соломенная шляпа, найденная въ кучѣ мусору, сплюснулась на головѣ, и на необутыхъ ногахъ застывала грязь.

— Ха, ха! а если ей черезчуръ весело будетъ со мною? Если она, ну, понимаешь, полюбитъ меня? Такого красавца, какъ я, полюбить не трудно! Развѣ ты не боишься меня?

— Эхъ, братъ! Видно, правду люди сказали: чужое горе — людямъ смѣхъ. Можешь пособить — пособи; не можешь — не смѣйся, — строго добавилъ цыганъ.

— Чѣмъ же я пособию? Впрочемъ, попробую; но съ моей подмогой далеко не уйдешь. Мнѣ самому не легко уйти изъ избы, и мнѣ не весело жить съ братьями; видишь, какъ одѣваютъ, бьютъ, голодомъ морятъ. А провѣдаютъ, что я къ вамъ хожу — бѣда!

— Такъ тебѣ у нихъ не хорошо? — сказалъ цыганъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Ха, ха, ха! неужто ты думаешь, что у тебя лучше будетъ?.. Ужъ какъ не вертись, а отъ своей судьбы не уйдешь: она крѣпко вѣѣпилась, не скинешь. А родная изба, братъ, лучше княжескихъ палатъ; я въ ней родился и тамъ была у меня мать, — прибавилъ Янко, опустивъ голову и понизивъ голосъ.

Послѣднія слова у него невольно сорвались съ языка, за

ними последовалъ тяжелый вздохъ, на глазахъ заблистали слезы и Янко сталъ говорить серьезно и умно.

— Послушай,—сказалъ онъ совершенно другимъ тономъ:— я не брошу для тебя своей хаты; гдѣ родился, тамъ и умру; а перестань я работать, такъ братья выгонять и на порогъ не пустять... Твоему горю я безъ того помогу...

— Какъ?

— Буду служить и имъ и вамъ. Правда, колотить будутъ больше, но не бѣда! Я привыкъ ужъ, слава Богу! Каждую ночь буду ходить въ твою избенку; а чтобъ не запримѣтили, буду спать въ мякинникѣ... правда, холодновато, ну, да не замерзну!

— Не вытерпишь.

— Ужъ я про то знаю, — съ увѣренностью возразилъ Янко. — Это мое дѣло. Удастся, принесу Мотрунѣ дровъ, да хлѣба ломоть... Ступай въ Рудню и не горюй.

Дурачекъ опять засмѣялся глупымъ смѣхомъ.

— Награди тебя Богъ! — произнесъ цыганъ.

— Конечно, отъ васъ не дождешься награды. Я богатъ, мнѣ платить не надо! Понадобился и тебѣ дурачекъ, и самъ въ благодѣтели зовешь! Дурачекъ-благодѣтель! Славно! Ай-да дурачекъ!

Говоря это, онъ ловко взбросилъ мѣшокъ на плечи, прошелъ нѣсколько шаговъ и крикнулъ цыгану:

— Не печалься, братъ, все сдѣлаю, что надо; не дамъ въ обиду Мотруны. О, Янко большой панъ! ха, ха, ха! благодѣтель!

И онъ потащился съ нѣмемъ вдоль улицы, по колѣни въ грязи.

Цыганъ воротился домой и сталъ собираться въ дорогу.

— Я говорилъ о тебѣ съ Янко,—сказалъ онъ женѣ, когда сборы были кончены. — Онъ тебѣ поможетъ. Во всемъ селѣ онъ — одна честная душа!..

Супруги проплакали всю ночь; прощаніе было трогательно, но и тутъ нашлись утѣшенія, облегчающія горькія минуты душевныхъ страданій.

Мотруна утѣшала себя тѣмъ, что она найдетъ возможность побывать въ селѣ, а Тумръ сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть новыя

мѣста и новыя лица. Но когда наступила послѣдняя минута разставанія, когда они подали другъ другу руки и впалые глаза ихъ встрѣтились, рѣшимость исчезла. Цыганъ остановился на порогѣ, какъ вкопанный, Мотруна не могла оторваться отъ него.

Наконецъ Тумръ, вооружившись всей силой воли, поцѣловалъ жену въ лобъ и, поднявъ свою дорожную палку, выбѣжалъ на дорогу, словно кто гнался за нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, его гнала нужда...

Долго онъ бѣжалъ, не переводя духъ и не озираясь назадъ; наконецъ онъ остановился и невольно взглянулъ на избушку, но глаза его встрѣтили желтую могилу стараго теста съ бѣлымъ крестомъ, на которомъ сидѣлъ воронъ; крикъ его разносился по всему кладбищу; цыганъ вздрогнулъ и бросился впередъ.

IV.

Мотруна, оставшись одна, залилась слезами. Одиночество напомнило ей, что теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, она должна работать руками, головой и сердцемъ, чтобы не умереть съ голода, тоски и страданій.

Въ избушкѣ было пусто и мрачно. Кромѣ щебетанія двухъ трехъ воробьевъ, поселившихся подъ крышей мазанки, несчастная женщина не слышала ничьего голоса: ни собаки, ни кошки, ни коровы, никакой домашней твари, которая такъ оживляютъ жизнь деревенскаго труженика.

Первый день разлуки съ мужемъ Мотруна провела въ слезахъ; сидя въ углу избы на кучѣ соломы, завернувшись въ полушубокъ, она не чувствовала ни голода, ни стужи. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда подъ окномъ послышались чьи-то шаги, затѣмъ дверь скрипнула, кто-то зашевелился въ сѣняхъ, раздался стукъ брошенныхъ дровъ и чрезъ полуоткрытую дверь просунулась голова Янко.

— Здорово, хозяйшка!—весело воскликнулъ дурачокъ.— Вотъ и я, твой слуга и сторожъ. Огня-то у тебя нѣтъ?

— А! это ты, Янко! Награди тебя Богъ, что не забылъ меня! Мнѣ страшно одной.

— Сейчас затоплю печку,—сказалъ Янко,—и будетъ веселѣе. Я принесъ тебѣ немного картофеля, хлѣба и крупъ... У тебя, чай, ничего не осталось?

Говоря это, онъ положилъ на скамью узелъ, собралъ щепу и хворостъ и сталъ раздувать огонь въ печи.

— Эхъ, Мотруна, Мотруна! плохое у тебя хозяйство! Что съ тобой сдѣлалось? Бывало, тебя хвалили за твое хозяйство, а теперь совсѣмъ пусто.

— Охъ, Янко,—шепнула Матруна,—можно было хозяйствовать, какъ было хозяйство, а теперь!..

— Хитро ль хозяйствовать, когда все есть!—смѣясь, произнесъ Янко.—А ты вотъ похозяйствуй, когда ничего нѣтъ! Вотъ это—штука!

— Самъ знаешь, голубчикъ, какая наша доля!.. Я ужъ и руки опустила.

— Это плохо, очень плохо! Если ты оплошаешь, то и мужъ не поможетъ.

— Ни онъ, ни я; пришелъ, зная, конецъ... пропадемъ...

— Э! если бъ человѣкъ могъ пропасть, когда ему вздумается! Но бѣда въ томъ, что битая посуда три вѣка живетъ.

Дурачекъ болталъ безъ умолку, мылъ горшки, наливалъ воду, ставилъ къ огню, осматривалъ избу, изрѣдка поглядывая на Мотруну, посинѣвшую отъ холода.

— А я и новость принесъ,—сказалъ Янко, послѣ минутнаго молчанія,—ты, видно, еще ничего не знаешь, коли не спрашиваешь меня.

— Зачѣмъ мнѣ что знать?—равнодушно отвѣчала Матруна.

— А, можетъ-быть, и пригодится! Новость славная! Нашъ баринъ пріѣхалъ изъ-за моря.

— Баринъ? А барыня?—живо спросила хозяйка, вставъ съ своего мѣста.

— Погоди, слушай, все расскажу по порядку. Я, видишь, на барщину не хожу: управляющій, слава Богу, не принимаетъ меня: на что, говоритъ, годеи уродъ? А онъ, дуракъ, того и не знаетъ, что я за двоихъ могу работать. Вчера меня послали на барщину вмѣсто невѣстки. Вотъ я тамъ все узналъ; можно было вдоволь наслушаться...

Въ Мотрунѣ проснулось любопытство и она присѣла на скамеечку, стоявшую у печки. Янко варилъ ужинъ.

— Вчера на барщинѣ никто ничего не дѣлалъ,—продолжалъ онъ,—а всѣ только и говорили о томъ, что баринъ пріѣхалъ.

— Зачѣмъ ты не сказалъ объ этомъ Тумру?

— Думалъ, что самъ знаетъ.

— Мы здѣсь, словно въ лѣсу, ничего не знаемъ; развѣ кто помереть на селѣ, такъ и то на третій день узнаемъ. Ну, и что жъ тамъ говорили?

— А вотъ сейчасъ... Сказывали, что наша барыня гдѣ-то далеко померла, и баринъ воротился одинъ...

— Померла?—всплеснувъ руками, вскрикнула Мотруна. — Боже мой!

— Ну, тутъ еще нѣтъ большого несчастія, а вотъ что хорошо, такъ хорошо: говорятъ, баринъ прогналъ Герасимовича. Баринъ, какъ уѣхалъ желтый и блѣдный, такой и воротился.. Чуть только онъ переступилъ черезъ порогъ, какъ, говорятъ, сейчасъ велѣлъ позвать Герасимовича и сказалъ ему что-то такое, что его благородіе, сломя голову, побѣжалъ во флигель да и началъ собираться въ дорогу... Скоро уѣдетъ... говорятъ, поссорились; нашъ баринъ бросилъ ему въ рожу какія-то бумаги; а завтра гуртомъ всѣ пойдутъ съ жалобой на Герасимовича. Не одобровать ему!

— А у меня только и было надежды, что на барыню,—со вздохомъ сказала Мотруна.

— Правда, она тебя замужъ выдала и корову дала,—сказалъ Янко,—да жалѣть ее нечего, вѣдь она то на васъ и накликала бѣду! Ну, да и баринъ добрый... лѣнивъ только, подчасъ, и слова не скажетъ. Попытай счастья, сходи къ нему...

— Напрасно,—тихо отвѣчала Мотруна,—напрасно!

Дуракъ посмотрѣлъ на нее, слегка пожалъ плечами и началъ ломать сухой хворостъ...

— Однако, мнѣ пора идти отсюда,—сказалъ онъ,—я издали буду поглядывать за вашей избой. Вотъ тебѣ хворостъ и лучина, жги, пока не заснешь... Но ты послушайся моего совѣта: не отчаивайся и не горюй. Доброй ночи, Мотруна! Я переночую здѣсь не далеко, на гумнѣ.

Мотруна молча заглядѣлась на огонь, освѣтившій на ея лицѣ двѣ серебристыя слезинки. Этими слезами она поминала женщину, любовь которой связала ее навѣки съ судьбою цыгана.

„Померла, и она померла! А я-то, глупая, думала, что вотъ, дастъ Богъ, прїѣдетъ, поможетъ и пожалѣетъ... И эту надежду Богъ отнялъ у меня, горемычной“, думала Мотруна, и слезы обильнымъ ручьемъ струились по ея блѣднымъ щекамъ.

Такъ она просидѣла предъ печью до глубокой ночи; тяжелыя думы тѣснились въ ея головѣ; но всего яснѣе сознавала она безпомощное одиночество. Уже и огонь погасъ, и горшки остыли, а сонъ все еще не являлся; только тогда, когда пропѣли третьи пѣтухи, сонъ сомкнулъ ея усталыя вѣки. Утромъ Янко явился съ первымъ лучемъ солнца; онъ успѣлъ уже показаться братьямъ, получить нѣсколько толчковъ и воротиться къ Мотрунѣ. Не мало удивился онъ, увидѣвъ, что горшки не тронуты, огонь погасъ и Мотруна всю ночь оставалась на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ ее вечеромъ.

Скрипъ двери разбудилъ ее.

— А! а! Мотруна!—воскликнулъ Янко,—должно изъ тебя не выйдетъ проку. Эхъ, матушка! заснула подлѣ печки: хороша хозяйка! Не ужинала да и обѣда не думаешь стряпать? Плохо дѣло, совсѣмъ плохо! Мнѣ всего за тебя не передѣлать! Нужно и самой за что-нибудь взяться...

— За что же взяться?—спросила женщина,—коли вся посуда разохлась, а хлѣба только сколько ты принесъ!

— Отчего же посуда разохлась? Сама виновата...

— Да, виновата!

— Осенью,—говорилъ Янко,—ты работала и за себя и за мужа, носила воду и справлялась такъ, что любо! Я все видѣлъ. А теперь и съ мѣста не встаешь. Стыдно! стыдно!

— Что же ты бранишься?

— Нельзя не бранить, ей-ей, нельзя,—отвѣчалъ карликъ, хлопотливо метаясь по избѣ,—мнѣ стыдно за тебя. Нечего сказать, славная хозяйка! Хата не выметена, горшокъ съ похлебкой не тронуть, въ печи угли и зола!.. Ты не помощь, а горе своему мужу. Ну, пошевеливайся, голубушка! за работу!

Послѣднія слова онъ произнесъ такъ удачно, что Мотруна вскочила со скамьи и бросилась къ печи, а дурачекъ захоталъ во все горло и пропалъ за дверьми.

„А и въ правду такъ“,—подумала Мотруна.—„Что я, въ самомъ дѣлѣ, сижу, сложа руки?..“

Между-тѣмъ въ сѣняхъ послышалось кудяхтанье и завизжалъ щенокъ.

— Что это?—произнесла Мотруна,—вздвогнувъ и остановившись посреди мазанки. Сердце ея радостно забилось, когда она прислушалась къ этимъ знакомымъ, давно забытымъ звукамъ, и на душѣ у нея стало легче: такъ живо представилась ей родная изба.

— Куры? да, куры и щенокъ!—вскричала Мотруна и бросилась въ дверь, держа въ рукѣ зажженную лучину, которою хотѣла поджечь дрова въ печкѣ.

Сѣни снаружи были заперты; двѣ курицы сидѣли въ углѣ, пѣтухъ, увидѣвъ огонь, вскочилъ на порогъ, захлопалъ крыльями и въ избушкѣ раздался его звонкій голосъ. Мотруна растерялась отъ радости.

— Ахъ, Боже мой!—вскричала она,—хохлатки! да какія хорошенькія!

Тутъ же у порога визжалъ и ползалъ щенокъ, пытаясь перелѣзть черезъ высокій порогъ.

— И собака! Это будетъ мой Каштанъ,—произнесла она, хватая на руки рыжаго щенка.—Добрый Янко! это онъ принесъ... Видно, укралъ гдѣ-нибудь... Но Богъ ему простить...

Между тѣмъ куры вскочили въ избу и, бѣгая по ней, начали разсматривать свое новое жилище.

— Какія красотки, какія жирныя, веселыя!.. Выкормлю Каштана, и онъ будетъ сторожемъ нашей избы, а куры!.. Но чѣмъ я ихъ буду кормить?

И Мотруна остановилась, уныло поглядывая на бѣдныхъ животныхъ, которымъ предстоитъ дѣлить участь новой хозяйки. Ни въ пустой избѣ, ни въ кучѣ сора куры не нашли бы ни одного зерна; здѣсь всякая пылинка была дорога.

Стараясь отыскать что-нибудь для своихъ новыхъ жильцовъ, она начала осматривать углы избенки и тутъ только увидѣла узелокъ, принесенный Янкой. Мотруна съ радостью

схватила его; тамъ была круна, которую, разумѣется, тотчасъ же посыпала на полъ. Думая о томъ, чѣмъ накормить щенка, она нашла хлѣбъ, возбудившій и въ ней аппетитъ.

Такимъ образомъ, благодаря доброму Янкѣ, не являвшемуся цѣлый день въ избу, у Мотруны было занятіе, товарищи, которые ее ободряли.

V.

Гордясь своею обязанностью опекуна, Янко-дурачекъ работалъ за четверыхъ, стараясь скрыть отъ братьевъ свои ежедневныя экскурсіи и всѣмъ угодить. Онъ не пренебрегалъ никакими средствами помощи; украсть для бѣдной Мотруны у богатаго сосѣда онъ не считалъ преступнымъ и потому всегда являлся къ ней съ ломтемъ хлѣба, миской толокна или мѣшечкомъ крупы и другихъ съѣдобныхъ предметовъ. Все это было украдено, не исключая щенка, но такъ искусно, что подозрѣніе не могло пасть на настоящаго вора. Братья посылали Янку отыскивать покражу; онъ исполнялъ приказаніе, шарилъ по всему селу и, воротившись домой, рассказывалъ о томъ, сколько куръ у сосѣда, гдѣ спрятана круна и сколько ея. Пропажу щенка дурачекъ приписалъ похищенію какого-либо звѣря; этимъ объясненіемъ невѣстки остались довольны, потому что и потеря была небольшая.

При всемъ своемъ стараніи, дурачекъ едва могъ управиться съ работой въ двухъ избахъ, находящихся одна отъ другой на значительное разстояніе; а о себѣ онъ вовсе не думалъ и выполнѣ удовлетворялъ нуждамъ своихъ хозяевъ. Несмотря на то, что дома ему поручали самыя тяжкія работы, онъ все-таки находилъ время навѣстить избу цыгана, сходить за водою, наносить дровъ и украсть гдѣ-нибудь хлѣба.

Въ воскресенье утромъ цыганъ въ первый разъ навѣстилъ свою жену. Онъ спѣшилъ отдать полкаравая сбереженнаго хлѣба и нѣсколько заработанныхъ грошей своей, быть-можетъ, умирающей съ голоду Мотрунѣ. Каково же было его удивленіе когда онъ увидѣлъ, что жена обзавелась хозяйствомъ въ одну недѣлю. Слезы навернулись на его глазахъ, когда Мотруна

разсказала о подвигахъ Янка; но цыганъ сильно встревожился, когда онъ подумалъ о томъ, откуда нищій могъ добыть все это.

— Укралъ,—подумалъ цыганъ,—укралъ. Ну, а что, если на селѣ спохватятся? Ему ничего, а на нашу голову новая бѣда!

Однако-жъ онъ не открылъ женѣ своихъ опасеній, боясь лишить ее послѣдней радости.

— А слышалъ ты новость? — спустя минуту, спросила Мотруна,—баринъ пріѣхалъ; говорятъ, выгоняетъ капитана... Барыня умерла...

— А!.. Нужно сходить на барскій дворъ,—произнесъ цыганъ, мало обратившій вниманія на послѣднее извѣстіе и совершенно занятый своею мыслью.—Авось онъ поможетъ намъ.

— И Янко говорилъ, что надо идти,—прибавила Мотруна,—да ты не знаешь барина... Къ нему трудно приступить; разъ десять сходишь—слова не добьешься; онъ больной и все словно спитъ.

— Попробую,—сказалъ Тумръ, и въ полдень, умывшись и приварядившись, во что было, онъ отправился къ барину.

Сопровождаемый цѣлой стаей собакъ, цыганъ рѣшительнымъ шагомъ прошелъ дворъ и остановился въ почтительномъ разстояніи отъ барскаго крыльца, въ ожиданіи милостиваго позволенія войти въ покои. Проходившіе мимо слуги не обращали на него никакого вниманія; наконецъ одинъ спросилъ, что ему надо, и махнулъ рукою; другой сказалъ, что барину недосугъ; но цыганъ не покидалъ своего мѣста. Тумръ не обладалъ искусствомъ людей, бывалыхъ на барскихъ дворахъ, умѣющихъ вовремя подойти къ окну, кашлянуть за дверью и наскучить своимъ терпѣніемъ, такъ что ихъ прогонять или выслушаютъ. Къ счастью, Адамъ случайно взглянулъ въ окно и увидѣлъ мрачное лицо цыгана, который стоялъ опершись о дерево и потупивъ глаза въ землю, не смѣя двинуться съ мѣста.

Адамъ и теперь скучалъ точно такъ же, какъ прежде. Онъ поѣхалъ съ женой за границу съ намѣреніемъ излѣчиться отъ скуки и апатіи, но и тамъ онъ также скучалъ, какъ въ своемъ имѣніи. Жена, окруженная толпой поклонниковъ, кокетничала попрежнему и таскала мужа съ мѣста на мѣсто, чтобы скрыть отъ него свои походы. Судьба сжалилась надъ бѣднымъ невольникомъ и расторгла бракъ, который состоялся по не-

счастной случайности и связалъ его навѣки. Его жена, возвращаясь съ бала, простудилась и умерла въ чахоткѣ. Это событіе нарушило на время монотонную жизнь Адама; онъ предавался отчаянію и думалъ, что вскорѣ послѣдуетъ за существомъ, къ которому время и привычка привязали его. По смерти ея, онъ началъ разбирать ея вещи и, мало-по-малу, дошелъ до ея шкатулки.

Здѣсь тихая печаль превратилась въ страшную злобу: онъ нашелъ въ ней массу любовныхъ записокъ, чистѣйшихъ доказательствъ подлога обмана и насмѣшекъ надъ собой! Хотя онъ старался не вѣрить, но дѣйствительность была очевидна, и онъ употребилъ усиліе подавить въ себѣ воспоминаніе о женщинѣ, которая спокойно глумилась надъ нимъ.

Возвратясь на родину, онъ, при первой встрѣчѣ съ Герасимовичемъ, бросилъ ему въ глаза его любовныя письма къ французенкѣ и приказалъ убираться вонъ.

Капитанъ, убѣжденный въ бессиліи своего принципала, попробовалъ было отстоять право на управленіе его пиѣніемъ, но Адамъ не хотѣлъ и слышать о томъ.

Еще, быть можетъ, онъ остался бы на своемъ мѣстѣ, но жалобы крестьянъ такъ раздражали Адама, что управляющій былъ немедленно удаленъ и съ тѣхъ поръ не смѣлъ являться въ Стависки.

И снова въ домѣ Адама однообразно потянулись печальные дни. Опять овладѣлъ имъ страшный душевный недугъ, порожденный ранней потерей нравственныхъ и физическихъ силъ отъ пресыщенія жизнью, ничто не занимало его и на все онъ смотрѣлъ съ неизмѣннымъ равнодушіемъ. Онъ цѣлые дни проводилъ въ полусонномъ состояніи сибарита, размышляющаго о томъ, чѣмъ бы потѣшить себя. Иногда въ голову его приходили дикія желанія, присущія Нерону или Калигулѣ: онъ жалѣлъ, что не можетъ сжечь Рима и воспѣть въ стихахъ его пепелище, или обоготворить скотину, а людей превратить въ животныхъ. Случалось, что слуги не могли угодить его капризамъ и причудамъ; а иногда онъ становился такимъ добрымъ простакомъ, что всякій лакей водилъ его за носъ; были и такія минуты, что онъ бѣсновался безъ всякой видимой причины, и горе было тому дворовому, который попадался ему на

глаза. А когда порывы страсти охладѣвали, наступала апатія и безчувствіе.

Таковъ былъ помѣщикъ. Адамъ въ лучшую пору жизни. Въ тотъ день, когда цыганъ стоялъ у крыльца, разслабленный сибаритъ чувствовалъ приливъ доброты. Онъ ходилъ по комнатѣ, закинувъ руки за спину, и, подходя къ окну, всякій разъ видѣлъ цыгана. Упорство бѣдняка, не трогавшагося съ мѣста, несмотря на проливной дождь, заинтересовало его.

— Странно, — сказалъ онъ про себя, — слякоть и холодъ, а этотъ человѣкъ стоитъ спокойно и долго! Должно быть, ему очень нужно поговорить со мной.

Онъ походилъ еще съ полчаса по комнатѣ, посматривая въ окно и слѣдя за движеніями цыгана; это интересовало его, но онъ не спѣшилъ удовлетворить своего любопытства. Наконецъ начало смеркаться, а цыганъ все-таки не двигался съ мѣста; помѣщикъ не вытерпѣлъ и приказалъ позвать его.

Закуривъ трубку и развалившись въ креслахъ, Адамъ заговорилъ:

— Кто ты и зачѣмъ тутъ стоишь?

— Я кузнецъ, — отвѣтилъ Тумръ, — цыганъ, — прибавилъ онъ, послѣ короткой паузы, понизивъ голосъ.

— А-а! помню, помню; у тебя вышла какая-то исторія... свадьба... моя жена... что-то... съ тобой сдѣлали?

Цыганъ, никогда не воображавшій, что кто-либо могъ помнить его горе, вытаращилъ глаза на зѣвающаго барича.

— Такъ расскажи мнѣ все съ начала до конца, — прибавилъ Адамъ, — я ничего не помню.

Кто былъ въ положеніи Тумра, тотъ пойметъ, какъ тяжело было ему исполнить приказаніе; но онъ собрался съ духомъ и рассказалъ свою исторію; баринъ слушалъ ее, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія.

Несмотря на то, что рассказчикъ въ общихъ только чертахъ представилъ свое бѣдственное положеніе, однако жъ онъ успѣлъ расшевелить его.

„Странная идея родилась тогда въ головѣ моей жены, — подумалъ онъ: — состряпала свадьбу и вооружила противъ нихъ все село. Не случись этого, цыганъ пошелъ бы своею дорогой, а дѣвку выдали бы за кого-нибудь другого. Теперь что я сдѣлаю“?...

— Чего же ты отъ меня хочешь?—спросилъ онъ, подумавъ немного.—Я не могу приказать, чтобы тебя любили; съ міромъ трудно сладить! Не лучше ли было бы, если-бъ ты переселился въ другую деревню?

— Куда?—спросилъ цыганъ.—Я построилъ здѣсь избенку, и ужъ довольно пота пролилъ на этой землѣ. Жена родилась тутъ, привыкла, и ей не желательно тащиться за мной... Хочу выстроить кузницу, да не на что; если будетъ гдѣ работать, то станутъ сперва ходить чужіе, а потомъ и свои...

Помѣщикъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Попробуй, если хочешь,—сказалъ онъ холодно,—я тебѣ, пожалуй, помогу; но я знаю, что ничего не выйдетъ.

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана деньги, отсчиталъ десятка два-три рублей и бросилъ на столъ, съ такою гордостью, что его доброе дѣло почти оскорбило цыгана. Но дѣлать было нечего; Тумръ принялъ милостыню и, потѣшивъ щедрого барина разсказомъ подробностей своего горемычнаго житья, вышелъ отъ него довольный и счастливый.

„Нужно посмотрѣть на эту хату,—подумалъ помѣщикъ,—кажется, мнѣ люди говорили о немъ; да, любопытно, очень любопытно... Счастливы тѣ люди, которымъ хочется жить, и какъ мало для нихъ надо!“.

Настроивъ свои мысли на прежній ладъ, онъ снова началъ зѣвать; а между тѣмъ Тумръ бѣжалъ къ избенкѣ порадовать жену. Сумма, въ самомъ дѣлѣ, была достаточна для того, чтобы выстроить кузницу и купить необходимыя орудія; но приниматься за работу было ужъ поздно зимою...

Мотруна, завидѣвъ мужа, вышла къ нему навстрѣчу. Увидѣвъ деньги, она обрадовалась и удивилась.

— Что ты теперь станешь дѣлать?—спросила Мотруна.

— Кузницу выстрою, но надо подождать до весны,—теперь немного сдѣлаешь; денегъ трогать не будемъ... На хлѣбъ зарабатываютъ... Помаемся зиму, а тамъ все пойдетъ хорошо.

— А, можетъ быть, этихъ денегъ и на хлѣбъ, и на кузницу хватить?—нерѣшительно замѣтила Мотруна.

Цыганъ сомнительно покачалъ головой.

— Нѣтъ, милая, нечего и думать о томъ,—сказалъ онъ, послѣ минутнаго раздумья.—Деньги, какъ вода, уходить...

Эти истратимъ, другихъ не найдемъ... А между тѣмъ нужны инструменты, нуженъ *трасть* (желѣзо), нужно многое... Лучше закопаемъ ихъ въ уголокъ и пусть ждуть до весны.

— Пусть ждуть: весна недалеко.

— Теперь легче будетъ ждать; посмотримъ, что скажутъ въ селѣ, какъ тутъ, на горѣ, застучитъ мой молотъ?..

VI.

Наконецъ зима, послѣ всякихъ морозовъ, оттепелей, слякоти и дождей, сразу оборвалась, а въ мазанкѣ у кладбища еще ничего не измѣнилось. Только Янко, привыкшій служить женѣ цыгана, привязался къ нимъ обоимъ, потому что только они одни обходились съ нимъ по-человѣчески и полюбили, какъ брата. Видя Мотруну въ интересномъ положеніи, онъ приготовилъ корзинку для колыбели, привязалъ къ ней веревки и повѣсилъ подъ крышу, чтобы, при надобности, только снять ее и употребить въ дѣло.

Тумръ продолжалъ работать въ Руднѣ. Зная отлично свое ремесло, онъ могъ заработать кое-что, и кузнецъ дорожилъ имъ, хотя очень мало платилъ. Руднинскіе крестьяне смѣялись надъ ставичанами, что они, имѣя хорошаго кузнеца подъ руками, обращались къ постороннему; но тѣ, бывая въ кузницѣ, никогда не затрагивали Тумра и не разговаривали съ нимъ, хотя онъ сплошь-да-рядомъ выручалъ въ работѣ своего хозяина.

Едва земля оттаяла и зазеленѣлась, какъ Тумръ нанялъ себѣ помощника и принялся за постройку кузницы, рассчитывая на великія нужды крестьянъ въ кузнечныхъ работахъ. Денегъ, которыя ему подарилъ помѣщикъ Адамъ, едва достаточно было для возведенія плохенькой постройки и необходимыхъ инструментовъ для выработки подковъ, лемеховъ,ковки лошадей и разныхъ другихъ крестьянскихъ надобностей по хозяйству.

Но пока онъ строилъ кузницу, печникъ сложилъ горнъ, а ремесленникъ сшилъ и устроилъ кузнечный мѣхъ; весеннія работы кончились и онъ могъ рассчитывать только на сѣнокосъ, когда требовалось чинить косы и серпы и приготовляться къ осеннимъ посѣвамъ. Однако, въ виду недостатка денегъ для

приобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ, приходилось ихъ дѣлать самому и о постороннихъ работахъ нельзя еще было думать.

Весна ужъ близилась къ концу, когда однажды Тумръ вошелъ вечеромъ въ избу и, падая отъ усталости на скамейку, громко воскликнулъ:

— Ну, слава *Мроденъ-ору*! Кузница готова и хоть завтра можно приступить къ работѣ.

Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ въ мазанку вошелъ Янко и, потрепавъ Тумра по плечу, смѣясь, воскликнулъ:

— Ха, ха, ха! Знаешь, какія новости? Большія новости!

— Ну, какія тамъ новости? — ласково спросила Мотруна, видя что усталый мужъ не раздѣляетъ его веселья.

— Въ верстѣ отъ села, возвращаясь изъ лѣсу, я встрѣтилъ цыганскій таборъ, который расположился на лугу для ночевки...

Тумръ вздрогнулъ и проворчалъ что-то непонятное, а Мотруна инстинктивно всплеснула руками.

— Значить, они сюда пришли? — испуганно спросила она.

Сердце ея забилось и она почему-то заволновалась. Тумръ тоже встревожился, но постарался быть равнодушнымъ.

— Что намъ цыгане! — сказалъ онъ. — Переночуютъ и уйдутъ.

— Смотри, Мотруна, — отозвался глухой Янко, — чтобы цыгане не похитили у тебя мужа, какъ своего человѣка.

— Плохо ужъ дѣло, если надо за кѣмъ смотрѣть, — шутя, возразила молодая женщина.

— Береженного и Богъ бережетъ! — возразилъ Янко. — Однако, мнѣ пора домой... Доброй ночи!..

Янко ушелъ. Супруги остались одни; оба молчали, очевидно думая о цыганахъ. Тумръ заходилъ по избѣ, точно его что-то беспокоило и онъ не могъ спокойно усидѣть на мѣстѣ. Жена взглянула на него и удивилась: она никогда не видала его такимъ. Его губы дрожали, глаза горѣли, ноздри раздувались, грудь тяжело дышала и потъ катился со лба. Сѣвъ за ужинъ, онъ не прикоснулся къ похлебкѣ, опять всталъ и заходилъ отъ стола къ двери и отъ двери къ столу, точно онъ хотѣлъ уйти, но боролся съ своими чувствами.

— Слушай, Мотруна! — наконецъ отозвался онъ, останавливаясь посерединѣ избы. — *Ромы* могутъ испортить мнѣ дѣло... Я спѣшилъ окончить кузницу и приняться за работу; а если

они здѣсь, то крестьяне не пойдутъ ко мнѣ и тогда намъ опять горе...

— А почему имъ не идти къ тебѣ?—спросила Мотруна.— Какое можетъ быть предпочтеніе пришлымъ цыганамъ?

— Эти цыгане ничего не сдѣлали имъ, а меня крестьяне считаютъ виноватымъ.

— Что-же дѣлать?—спросила жена, глядя на него въ упоръ.

— Что? Я и самъ не знаю... Надо сходить къ нимъ и сказать, чтобы они проваливали дальше...

— Ты пойдешь къ нимъ?—крикнула Мотруна, вскакивая со скамейки.—Зачѣмъ? Чтобы они убили тебя, отравили, приворожили?! Нѣтъ! я не пущу тебя!..

И Мотруна бросилась ему на шею. Тумръ умолкъ, остановился, какъ вкопанный, поблѣднѣлъ и опустилъ голову, точно приговоренный къ смерти.

— Если ты мнѣ не вѣришь, Мотруна,—отозвался онъ,—болѣе спокойно,—то мы можемъ погибнуть...

— Тебѣ я вѣрю, а имъ нѣтъ!—воскликнула она.—Цыгане могутъ отомстить тебѣ за то, что ты ушелъ отъ нихъ. Тумръ какъ-то насмѣшливо засмѣялся.

— Плохо ты знаешь цыганъ,—замѣтилъ онъ.—За что же они станутъ мстить мнѣ? Мало ли изъ нихъ обзавелись своимъ хозяйствомъ и живутъ своей осѣдлостью!.. А слыхала ли ты когда-либо, чтобы имъ мстили?

— Но они колдуны... у нихъ дурной глазъ...

— На ихъ колдовство тоже есть средства,—врачно возразилъ Тумръ,—мой глазъ тоже силенъ и на него никакая сила не подѣйствуетъ...

Мотруна, на которую Тумръ взглянулъ въ эту минуту, вся вздрогнула и опустила глаза: она почувствовала, что какъ будто ее что укололо, а сердце такъ сжалось, что она не могла вздохнуть и голова ея закружилась.

— Лучше скажи, что ты не довѣряешь, а не боишься за меня,—прибавилъ онъ.—Мнѣ страшнѣе жить между твоими братьями, чѣмъ среди *ромовъ*, однако же я живу и, какъ видишь, не уязвимъ.

— Но зачѣмъ тебѣ идти къ нимъ?—прошептала съ мольбою молодая женщина.

— Чтобы скорѣе удалить ихъ отсюда.

Мотруна не отвѣтила. Тумръ, увидѣвъ на ея глазахъ слезы, опять заходилъ по хатѣ съ такимъ азартомъ, что, казалось, отъ его шаговъ развалится мазаика. Его влекло къ цыганамъ; онъ не успѣлъ еще забыть ни своего бродяжничества по свѣту, ни пламенныхъ глазъ Азы, ни запаха цыганской *какаби* (котла), ни пѣсни, ни холода и голода, ни преслѣдованія и мести!.. Хотя онъ много пережилъ и перестрадалъ, но раны его зажили и онъ успокоился; теперь же эти раны разбередились и облились кровью... Онъ представлялъ себѣ прошлую жизнь, ея роскошь, свободу, разныя перемѣны, переходъ съ мѣста на мѣсто и постоянное движеніе, о которыхъ онъ затосковалъ. Словомъ, сердце его рвалось къ своимъ и мысль вертѣлась въ заколдованномъ кругѣ его дѣтскихъ воспоминаній.

— Это вѣрно они! — подумалъ онъ. — Всѣ ли теперь живы?.. Съ ними ли Аза? Живъ ли Апрашъ, его старая Яга, Пегабай, Пуза?.. Въ томъ ли они еще порванномъ шатрѣ, подъ которымъ у меня вылилось такъ много пота? Тотъ ли у нихъ еще *верденъ* и слѣпой конь?.. Живы ли жена и дѣти Апраша? Хотъ бы однимъ глазомъ взглянуть на нихъ!.. Вѣрно, они расположились въ долину у лѣса... Они не посмѣютъ идти въ деревню... Вѣрно, Апрашъ сидитъ у костра, жена укачиваетъ ребенка, Яга ворчитъ, мальчишки прыгаютъ, скачутъ и шумятъ... Хотъ можетъ быть хлѣба нѣтъ, но все-таки имъ живется веселѣе и свободнѣе, чѣмъ мнѣ. Ахъ, хотъ бы только взглянуть.

Мотруна, казалось, пронизывала его взглядомъ и читала мысли. Тумръ, замѣтно, выходилъ изъ себя и не могъ успокоиться...

Было ужъ поздно, хотя и неизвѣстно, который часъ, и огонь ужъ потухалъ въ печи. Супруги легли спать. Цыганъ завернулъ голову платкомъ и притворился спящимъ. Но онъ не могъ заснуть; потъ градомъ валилъ съ него, а мысли приводили въ трепетъ, и онъ оказался въ состояніи невмѣняемости... Ему казалось, что онъ сгоритъ отъ обуревавшихъ его чувствъ... Наконецъ онъ всталъ безсознательно, весь въ поту, и направился къ двери...

Мотруна еще не спала, хотя прошло ужъ не мало времени

съ того момента, когда они легли. Последніе отблески потухавшаго огня въ печкѣ освѣтили фигуру Тумра. Жена взглянула на него и испугалась, но не посмѣла ни крикнуть, ни вздохнуть, а только закрыла глаза руками, чтобы не видѣть его такимъ ужаснымъ.

Между тѣмъ Тумръ выпрямился во весь ростъ, какъ будто подъ вліяніемъ какой-то невидимой силы; волосы на головѣ стали дыбомъ, глаза остолбенѣли и сдѣлались неподвижными, брови нахмурились и во всей фигурѣ проявлялась такая воля, что Мотруна не смѣла пикнуть. Онъ подошелъ къ двери, стуча ногами, точно скелетъ, взялся за щеколду, открылъ ее и исчезъ въ темнотѣ.

Молодая женщина вскочила и, вся дрожа, пошла посмотрѣть, что онъ станетъ дѣлать. Ночь была лунная и она увидѣла, какъ онъ стрѣлой помчался по прямой линіи черезъ кладбище, и наконецъ скрылся. Она хотѣла бѣжать за нимъ, но лишилась силъ, схватила за грудь и безчувственно упала на порогъ; но крика, вырвавшагося въ этотъ моментъ Тумръ ужъ не могъ услышать, потому что былъ далеко... Онъ бѣжалъ какъ звѣрь, гонимый неизвѣстной силой, самъ не зная куда, перепрыгивая черезъ могилы и кресты, перескакивая канавы, карабкаясь на утесъ и исчезая въ оврагѣ. Казалось, что никакая сила не могла удержать его: онъ перескакивалъ всякія препятствія, въ видѣ терновыхъ кустовъ, кочекъ засохшей глины и сухого хвороста, на которые накалывался, не чувствуя, что изъ его ногъ течетъ ручьями кровь...

Наконецъ, въ глубинѣ долины, близъ лѣса, засвѣтился огонекъ; цыганъ вздрогнулъ и удвоилъ шаги. Луна выплыла изъ за тучъ и освѣтила довольно эффектную картину, открывшуюся передъ его глазами. Ночь была теплая, спокойная и легкій вѣтерокъ еле колебалъ листья кустовъ; небо казалось сѣрымъ, отъ покрывавшихъ его прозрачныхъ облаковъ; на днѣ широчайшаго уема, окруженнаго съ трехъ сторонъ лѣсомъ, видѣлся небольшой цыганскій таборъ, находившійся въ тѣни, съ однимъ костромъ, около котораго двигались какія-то черныя тѣни, точно призраки или привидѣнія, то заслоняя собою огонь, то открывая его... Ближайшая часть лѣса, освѣщаемая костромъ, чудесно изображалась на ночномъ фонѣ лѣсной глубины, гдѣ каж-

дая вѣточка выдѣлялась, точно золоченая, и сверкала своими мельчайшими листиками...

Но Тумръ ничего этого не видалъ и, мчась стрѣлою, наконецъ, вскочилъ въ цыганскій шатерь. Онъ остановился какъ вкопанный, пронзительно крикнулъ и упалъ на землю, какъ дерево, сваленное вѣтромъ.

Небольшой таборъ Апраша, съ момента своего ухода изъ Стависокъ, исколесилъ не малое пространство по краю, испытала различную жизнь и теперь судьба или воля Азы опять пригнала его въ эту сторону. Молодая дѣвушка такъ умѣла управлять всѣми, что хотя Апрашъ и считался главаремъ табора, но въ сущности не онъ, а Аза управляла имъ и дѣлала, что ей вздумается. Кто ее знаетъ, что чувствовало ее дикое сердце! Довольно того, что они вернулись въ Стависки. Вѣроятно, она хотѣла повидаться съ Адамомъ или увидѣться съ Тумромъ.

По уходѣ отъ нихъ послѣдняго, Аза сильно измѣнилась; хотя она была попрежнему живая, но далеко не столь веселая, какъ прежде. Краткое пребываніе ея въ помѣщичьемъ домѣ избаловало ее и она скучала по нарядамъ и драгоценностямъ, которыми она украшала себя. Ей были противны лохмотья, въ видѣ грубыхъ *гати* (рубашки) и *урака* (накидки) изъ простого *гасыка* (сукна); ей хотѣлось тонкой *пахты* (полотна), красного *буцаки* (матеріи) и разныхъ блестокъ, которыя шли ей къ лицу, при черныхъ волосахъ. Но она умѣла создать себѣ изъ ничего нарядъ, одѣть простую *пласту* (одѣяло), украсить себя полевыми цвѣтами и замѣнить роскошь безукоризненной чистотою, но вздыхала по шелкамъ, которые оставила въ домѣ Адама.

Она часто вспоминала о Тумрѣ, наперекоръ своему *дадосу* (отцу, какъ всѣ называли Апраша) и спорила съ нимъ, что молодой и здоровый работникъ оставилъ ихъ таборъ вслѣдствіе того, что они строго обходились съ нимъ. Но Апрашъ выходилъ изъ себя и, сверкая глазами, доказывалъ, что его нельзя было ничѣмъ удержать, и что онъ ушелъ по доброй волѣ.

Аза была увѣрена, что тотъ, кто испыталъ ихъ свободную жизнь, не выдержитъ осѣдлости и примчится, хоть бы онъ былъ прикованъ на цѣпи, и она не ошиблась.

Кочуя изъ деревни въ деревню, изъ мѣстечка въ мѣстечко, цыгане ковали лошадей и деревенскія орудія, а цыганки гадали и лѣчили разныя болѣзни. Аза считалась лучшей гадалкой, ибо она привораживала мужчинъ своей красотой и улыбкой; а если было мало одной, то она не дорожила и нѣсколькими; но, кромѣ нихъ, она не дарила ничѣмъ своихъ поклонниковъ, хотя они валялись у ея ногъ и ходили вереницами. Обладая рѣдкими прелестями, она водила ихъ за носъ и доводила до безумія, а потомъ насмѣхалась и какъ будто мстила. Она съ каждымъ днемъ становилась красивѣе и сводила мужчинъ съ ума. Старыя бабы научили ее испанскому танцу, который она танцевала подъ простой органчикъ, съ кускомъ какого либо полотна. Держа его въ рукахъ и танцуя, она разыгрывала цѣлую антимимическую драму, выражая свою тоску по невидимому идеалу, воспламеняясь и стремясь въ его объятья. По временамъ, она дѣлалась веселой, какъ настоящій цыганскій ребенокъ, и улыбалась тому, котораго никто, кромѣ нея, не видалъ; потомъ танецъ ея какъ будто ослабѣвалъ, и она млѣла, а затѣмъ вдругъ превращалась вся въ бѣшеную страсть и падала въ изнеможеніи, точно пораженная тайными желаніями...

Танецъ этотъ смотрѣла съ особенной охотой молодежь, сначала изъ любопытства, а затѣмъ ради страсти, которая проявлялась при видѣ ея движеній и жестовъ, и Аза зарабатывала имъ больше, чѣмъ Апрашъ молотомъ и наковальней. Старыя цыганки, какъ на примѣръ *Яга* (огонь), видѣли въ ней обезпеченіе своей старости, предсказывали ей блестящую будущность и ухаживали за ней, какъ за королевой. Въ свою очередь и Апрашъ, смотрѣвшій на нее страстными глазами, послѣ умершей жены не цыганки, началъ наряжать ее и ласкать, имѣя на нее свои виды. Бѣдная женщина какъ будто только и ждала, чтобы выкормить послѣдняго ребенка, и умерла въ томъ же молчаньи, въ какомъ она провела всю свою супружескую жизнь съ Апрашемъ. Послѣдній похоронилъ ее безъ слезъ въ сосновомъ лѣсу, прикрывъ ея могилу вѣтвями. Ни онъ самъ, ни дѣти, ни остальные члены табора не пожалѣли ее, ибо считали ее не принадлежащей къ ихъ обществу и называли *гаджей* (чужой).

Послѣ ея смерти такъ и казалось, что Апрашъ женится на

Азѣ. И дѣйствительно, онъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти жены, выразилъ ей свою волю, но она только разсмѣялась и съ гордостью отвѣтила:

— Ты съ ума сошелъ, *дадосъ* (отецъ)! Вѣдь я гожусь тебѣ въ *тяи* (дочери). Ты старъ, а я молода и не имѣю никакой охоты быть цыганской *дайей* (матерью), а тѣмъ больше невольницей мужчины.

— Но ты сама видишь, что мнѣ некого взять въ жены, — замѣтилъ Апрашъ.

— Возьми какую-либо старуху, которая досмотрѣла бы за дѣтьми и пригодилась тебѣ.

— Слушай, Аза! Ты знаешь, что я не люблю шутить!..

— А я смѣюсь надъ тобою, потому что ты заслуживаешь насмѣшки, — воскликнула она, показывая ему свои бѣлые зубки. — Вырви съ своей головы горсть волосъ и посмотри на нихъ... Самъ увидишь, что въ нихъ больше сѣдыхъ волосъ, чѣмъ мнѣ лѣтъ; какою же я могу быть тебѣ женой?

И сколько разъ онъ ни приставалъ къ ней, она всегда прогоняла его. Старухи заступались за нее, а онъ бѣсился и выходилъ изъ себя, но ничего не могъ сдѣлать. Онъ сразу замѣтилъ, что ее тянетъ къ Ставискамъ, гдѣ у нея остались воспоминанія объ Адамѣ и Тумрѣ, однако же онъ не могъ предотвратить направленія, такъ какъ она овладѣла сердцами всего табора и всѣ были противъ него, несмотря на то, что онъ былъ ихъ вождемъ.

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ Ставискамъ, Аза становилась серьезнѣе и принаряжалась, очевидно желая быть интереснѣе, но для помѣщика или Тумра — не извѣстно! Апрашъ грозилъ ей, а она только смѣялась.

Наконецъ они дошли до Стависокъ почти ночью и цыганка потребовала расположиться на старомъ, знакомомъ ей мѣстѣ, но *дадосъ* уперся, остановилъ свой *верденъ* и разбилъ шатеръ въ пустой долинѣ близъ лѣса.

Аза тотчасъ хотѣла пойти въ деревню, но Апрашъ бросился къ ней съ топоромъ и грозилъ убить, если она сдѣлаетъ хоть одинъ шагъ. Женщины заступились за нее и въ таборѣ произошелъ ужасный шумъ... Всѣ, не исключая дѣтей, слушали больше Азу, чѣмъ начальника, такъ что онъ вынужденъ былъ

уступить и бросилъ топоръ, между тѣмъ какъ Аза разразилась презрительнымъ смѣхомъ.

— Не пойду! не пойду! — воскликнула она, наконецъ, — потому что сама не хочу сегодня идти!.. Но вотъ что я тебѣ скажу: я не боюсь ни твоего гнѣва, ни угрозы, ни топора, и съ сегодняшняго дня ты мнѣ не *дадосъ* и я тебѣ не *тай*: мы — чужіе... Ты можешь идти, куда угодно, а мои останутся при мнѣ...

Цыганъ сжалъ зубы, сверкнулъ глазами, но молчалъ.

Что дѣлалось въ сердцѣ свергнутаго начальника, никто не могъ сказать, кромѣ Азы, которая знала его лучше всѣхъ другихъ. Онъ просидѣлъ молча весь вечеръ у костра въ позѣ одного изъ тѣхъ побѣжденныхъ королей, какихъ мы видимъ въ изваяніяхъ, найденныхъ при раскопкахъ въ азіатскихъ городахъ и Египтѣ... Онъ готовъ былъ умереть, если бъ могъ въ своей развѣччанности, но такая досада не сразу убиваетъ человѣка, а только заставляетъ его страдать.

Аза приняла на себя бразды правленія, не обращая ни на кого вниманія. Она велѣла разбить шатеръ, какъ ей правилось, развести костеръ, распредѣлила людямъ мѣста, раздала пищу, приказала налить миску похлебки и поставить ее съ кускомъ хлѣба передъ тѣмъ человѣкомъ, который еще часъ-два тому назадъ былъ начальникомъ табора и которому принадлежали первый лучшій кусокъ и первое мѣсто. Съ этой минуты цыгане перестали обращать на него вниманіе и слушали только одну Азу.

VII.

Придя въ таборъ, Тумръ упалъ неподалеку отъ Апраша, который сидѣлъ теперь на развалинахъ своего, попораннаго женщиной, могущества. Онъ былъ точно безумный и своимъ паденіемъ на землю перепугалъ всѣхъ цыганъ.

Аза схватила горящую вѣтку съ костра и подбѣжала посмотреть, кто вбѣжалъ въ шатеръ. Она какъ будто предчувствовала, что это Тумръ. Взглянувъ на его поблѣднѣвшее и исхудалое лицо, она увѣренно воскликнула:

— Я такъ и знала, что это онъ! Я мысленно привлекала его и привлекла... Но это мертвецъ!.. Это трупъ!.. А - а! — прибавила она, обливая его лицо холодною водою изъ котелка, который подала ей Яга. — Что сдѣлали съ нимъ *гаджи* и бѣлокурая *егани* (жена), ради которой онъ покинулъ *ромовъ*? По лицу видно, сколько онъ выстрадалъ. Ахъ, бѣдный Тумръ! Постарѣлъ, похудѣлъ, измучился!

Въ этотъ моментъ Тумръ открылъ глаза, приподнялся на локтѣ, обвелъ всѣхъ удивленнымъ взглядомъ и остановилъ его на Азѣ, которая стояла передъ нимъ съ сострадательной улыбкой, въ блескѣ своего факела изъ сухой вѣтки, какъ неземное существо. Видѣніе это казалось ему продолженіемъ его сна.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ охрипшимъ отъ изнуренія голосомъ, смотря на свои окровавленные грудь, руки и ноги. — Кажется, я не въ своей хатѣ у кладбища, въ которой легъ спать. Гдѣ Мотруна? Кто меня принесъ сюда?.. Неужели моя жизнь была сномъ?

— Все сонъ!—отвѣтила цыганка, подавая ему кружку съ водою. — Пей, приди въ себя и будь здоровъ!.. Привѣтъ тебѣ нашъ и поздравленіе подъ нашимъ шатромъ! Попробовалъ жизни *гаджей* и узналъ ихъ сердца... Теперь скажи, съ кѣмъ лучше жить: съ ними или съ нами?

— Да что же это... въ самомъ дѣлѣ — сонъ? — сказалъ Тумръ, протирая глаза. — Правда, вчера Янко говорилъ мнѣ о цыганахъ... Я весь вечеръ рвался пойти посмотреть на нихъ... Но вѣдь я былъ дома, легъ спать и какая же сила принесла меня сюда?

— Та, которая гонитъ птицу въ свое гнѣздо, а звѣря — въ берлогу, — возразила Аза, смѣясь. — А кто знаетъ ту силу, которая сильнѣе насъ и которая владѣетъ не только нашимъ тѣломъ, но и душой, заставляя насъ идти хоть на смерть?

Тумръ смотрѣлъ и мало-по-малу приходилъ въ себя.

— Гдѣ Апрашъ? Гдѣ его жена? — спросилъ онъ, не видя этихъ лицъ.

— Жена спитъ вѣчнымъ сномъ въ лѣсу близъ дороги, — отвѣтила Аза, — а Апрашъ лежитъ у костра; съ сегодняшнаго дня онъ пересталъ быть нашимъ *дадосомъ*... Онъ поднялъ на меня свою руку и палецъ, сраженный мною!.. Смотри!—прибавила

она, отодвигаясь въ сторону и открывая собою сидѣвшаго у костра Апраша. — Это тотъ самый человѣкъ, который хотѣлъ имѣть меня своей женой и невольницей. Поклонись ему или плюнь въ лицо—какъ хочешь, и онъ теперь ничего тебѣ не сдѣлаетъ, ибо безсиленъ.

Уколотый ея словами, старикъ вскочилъ, схватилъ топоръ и бросился съ нимъ на Азу; но прежде чѣмъ онъ замахнулся на нее, Тумръ подбѣжалъ къ нему, схватилъ сзади, повалилъ на землю и, ставъ колѣномъ на горло, вырвалъ топоръ изъ рукъ. Глаза ихъ встрѣтились и Апрашъ зарычалъ, какъ звѣрь.

— Да! — отозвался онъ глухимъ голосомъ, — теперь я безсиленъ!.. Теперь не мнѣ командовать вами, а только идти за вашимъ вердемомъ и слушать приказаній! Хорошо... Пустя меня, Тумръ! Умоляю *Мроденъ-оромъ* (Богомъ), *Мутесъ-оромъ* (смертью), *Насуа-оромъ* (болѣзнью), *Ратъ-оромъ* (ночью)!.. Клянусь, ничего вамъ не сдѣлаю... Отпусти меня, невольника!

Аза велѣла повторить свою клятву, а затѣмъ крикнула цыганамъ:

— Отнять у него *товезъ* (топоръ) и *сзурья* (ножъ) и пусть этого оружія у него никогда не будетъ въ рукахъ!.. Спасибо тебѣ, Тумръ! Я обязана тебѣ жизнью... Отпусти его... Самъ великій *Мроденъ-оро* нарочно принесъ тебя сюда на крыльяхъ тоски, чтобы ты спасъ меня!.. Садись и грѣйся у знакомаго тебѣ очага... Расскажи, что ты пережилъ... Видно по твоей *бустъ* (лицу), что ты не былъ счастливъ.

— Да! — отвѣтилъ Тумръ, опираясь на кузнечный мѣхъ, на который посмотрѣлъ, какъ на стараго пріятеля, — и разговора не можетъ быть о моемъ счастьи и судьбѣ, отъ которой никто не уйдетъ! *Гаджи* съѣли меня и жену настойчивымъ преслѣдованіямъ; они отступились отъ меня, какъ отъ трупа, и я долженъ былъ бороться съ ними. Отецъ Мотруны умеръ и я проводилъ его взглядомъ на кладбище, а потомъ братья вынуждены были отдать ее мнѣ; но я жилъ ихъ ненавистью, озлобленіемъ и своей нуждой, и никто, кромѣ одного человѣка, не обратилъ ко мнѣ своего лица.

— Ну, а твоя бѣлокурая *егаша*?

— *Егаша* любила и любить меня, но какая тутъ можетъ быть любовь при голодѣ и неволѣ? Мой домъ былъ для насъ гробомъ, намъ было тѣсно и душно въ немъ, а глаза только и видѣли передъ собою могилы и кресты на обнаженной горѣ.

— Но васъ было двое?

— Трое—съ нуждой, четверо—съ голодомъ и пятеро съ честнымъ Янкой!—пронически воскликнулъ Тумръ.

— Значить, нашелся хоть одинъ добрый человѣкъ?

— Ну, а вы?—прервалъ Тумръ.—Что съ вами было, гдѣ побывали и что васъ опять пригнало сюда? На счастье или несчастье мое?

— Я хотѣла посмотрѣть на тебя, какъ ты живешь,—возразила Аза.—Апрашъ противился, но уступилъ... Ну, а жизнь, по обыкновенію, шла своей колеей, и одинъ день не былъ похожъ на другой. Всѣ работали, трудились, ковали, а я плясала *гаджашъ* за *ловы* (деньги); а затѣмъ, какъ видишь, притащились сюда, можетъ быть ради молодого *рани* (господина) Адама... Ну, что онъ дѣлаетъ?.. Все попрежнему, молодость тяжела для него и жизнь продолжительна?..

— Не знаю,—тихо отвѣтилъ Тумръ.—*Рай* былъ женатъ на какой-то *рани* (госпожѣ), которая водила его за носъ и измѣняла ему...

— Да что-жъ ей было дѣлать, бѣдной?.. Видно, поневолѣ приходилось измѣнять!—разсмѣялась Аза.

— Они ѣздили лѣчиться за границу и *рани* тамъ умерла.

— Умерла!—воскликнула Аза, всплескивая руками.—О, какъ она хорошо сдѣлала, что умерла! Теперь я опять помучу его... Онъ одинъ въ имѣніи?

— Да, одинъ.

— Что-то онъ скажетъ, увидѣвъ старую знакомую?.. Завтра или послѣ завтра я одѣнусь какъ *рани* и пойду къ нему!

Она посмотрѣла на Тумра, молча вертѣвшаго головешку въ рукахъ.

— Да, пойду получить его!—прибавила Аза, смѣясь.—Охъ, еслибъ ты зналъ, Тумръ, сколько я поводила за носъ разныхъ *гаджіевъ*!.. Сколько они подарили мнѣ денегъ и какъ молились на меня! Они ходили за мной вереницами, обѣщая всякія богатства... А если кто былъ неподатливъ, то я жгла

его своими глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не надалъ къ своимъ ногамъ... О, сколько удовольствій они доставляли мнѣ, когда я уводила ихъ въ поле, а потомъ бросала по дорогѣ, какъ обглоданныя кости!..

Въ разсказѣ и голосѣ цыганки было нѣчто ужасное, но во взглядѣ столько прелести и огня, что Тумръ, глядя на нее, не могъ оторвать своихъ глазъ и весь дрожалъ. Онъ смотрѣлъ, слушалъ и не могъ насладиться ея лицезрѣніемъ.

И дѣйствительно, она была прекрасна при блескѣ костра, а побѣда надъ Апрашемъ придавала ей еще больше прелести. Тумръ никогда не видалъ ее такую и восхищался.

— Однако, разскажи мнѣ о своей жизни, *букуни* (хатѣ) *егаша* (женѣ), — ласково отозвался она, ориближаясь къ Тумру.

— Я все ужъ разсказалъ, — печально отвѣтилъ цыганъ. — *Егаша* добрая и честная женщина, только скучаетъ по своимъ, которыхъ не видитъ... Она постоянно плачетъ... Наша *букуни* стоитъ отдѣльно за селомъ у самаго кладбища и она каждый день видитъ передъ собою жилища *Мутесъ-оро* (смерти). Тѣсно въ ней, холодно, голодно и пустынно...

— Ну, а ребенокъ еще не трепещетъ у нея подъ сердцемъ?

— Къ сожалѣвію, не сегодня, такъ завтра раздастся его голосъ, какъ пришельца изъ новаго міра.

— Сегодня или завтра?! — воскликнула цыганка. — Значить, ты погибъ!.. Пусть только заплачетъ ребенокъ, какъ ты ужъ навсегда останешься при своей блѣднолицей *егаша* и изсохнешь отъ труда и заботъ!.. Въ такомъ случаѣ — ступай, приговоренный на медленную смерть! — прибавила она, дѣлая повелительный жестъ. — Теперь ты не нашъ! Уходи отъ насъ, не смотри на нашу свободу и не пользуйся воздухомъ подъ нашимъ шатромъ!.. Тебѣ суждено сгнить подъ крышей невольникомъ и *гаджей*!

Аза произнесла это проклятіе безъ гнѣва и даже съ сочувствіемъ, но Тумръ почувствовалъ его въ глубинѣ своей груди, какъ непредотвратимое и жестокое предсказаніе. Онъ опустилъ голову, поднялся съ земли, бросилъ медленный взглядъ кругомъ, какъ бы прощаясь со всѣми, и еще разъ остановилъ его на Азѣ.

— Ступай! — прибавила она. — Поди въ свой *кгеръ* (домъ),

въ которомъ ждеть тебя твоя *сгаша*!.. Пусть твое сердце не обливаётся кровью при видѣ твоихъ братьевъ *ромовъ*, къ которымъ ты не можешь вернуться...

VIII.

Ослабѣвшій Тумръ тяжелою поступью возвращался по той же дорогѣ, которую онъ такъ легко прошелъ во снѣ. Онъ едва волочилъ свои израненныя ноги; голова его была точно свинцомъ налита, и сердце такъ сильно билось, какъ будто въ немъ стучало сто молотовъ по наковальнѣ, а по временамъ совсѣмъ умолкало, словно замирая навѣки. Онъ удивлялся, какимъ образомъ онъ пробѣжалъ во снѣ значительное разстояніе, и теперь, на обратномъ пути, не видѣлъ конца дороги. Отъ времени до времени онъ поворачивался къ табору, бросая на него свой печальный взглядъ, и искалъ глазами своей хаты и кладбища, но не могъ ихъ найти.

Это былъ моментъ борьбы ночи со днемъ, когда ежедневная смерть уступаетъ мѣсто жизни. Блѣдная луна и звѣзды еще больше начинали блѣднѣть; ночной мракъ уходилъ въ одну сторону, а утренній свѣтъ являлся въ другой, и птицы ужъ начали воспѣвать пробужденіе природы. Кругомъ стояла тишина, нарушаемая лишь просыпавшимися птицами и легкимъ шумомъ лѣсовъ, въ которомъ безпокойно каркали вороны.

Тумръ шелъ, покачиваясь отъ усталости и не видя ни утренней зари, ни разсвѣта... Наконецъ вдали заблѣлись могильные кресты и обрисовались тощія кладбищенскія вербы, а за ними выдѣлилась могила Ленюка и низенькая труба его хаты. Онъ ускорилъ шаги.

— Что-то тамъ дѣлается съ Мотруной?—пробурчалъ онъ, спѣша къ хатѣ.

На порогѣ не было жены, но, подходя къ двери, онъ услышалъ чей-то странный голосъ, не похожій ни на звѣриный, ни на человѣческій, ни на птичій. То скорѣе былъ плачь и непонятный вопль, призывавшій на помощь, сопровождаемый чьими-то словами и разговоромъ.

Тумръ открылъ дверь и прежде всего увидѣлъ голенькаго

малютку, лежавшаго на землѣ подлѣ Мотруны. Бѣдная женщина плакала, привлекая къ себѣ дитя и не помня о своихъ боляхъ: она сдѣлалась матерью.

У порога стоялъ Янко-дурачекъ, который далъ цыгану войти, приблизиться къ женѣ и наклониться къ берлогу. Но когда Тумръ вслѣдъ затѣмъ выскочилъ изъ хаты, чтобы собраться съ мыслями и свободно вздохнуть, карликъ выросъ передъ нимъ точно изъ-подъ земли.

Тумръ удивился, не видя на его лицѣ ни обычнаго сочувствія, ни состраданія. Напротивъ, оно было мрачно и грозно.

— Что съ тобой, Янко? — спросилъ онъ, вытирая потъ со лба.

— Не со мной, а съ тобой, проклятый цыганъ! — воскликнулъ карликъ, сжимая кулаки. — Гдѣ ты былъ ночью, бродяга, когда жена нуждалась въ твоей помощи?

— Я не знаю, что случилось со мною!

— Зато я знаю! Чортъ опуталъ тебя, и ты ходилъ къ своимъ колдуньямъ на танцы!

— Лайся, сколько хочешь, — возразилъ цыганъ, — но спроси у Мотруны, по своей ли волѣ я пошелъ и сознательно ли.

— Берегись, цыганъ! — строго замѣтилъ Янко. — Хотя я маленькій человѣчекъ, но, какъ Богъ святъ, убью тебя, какъ собаку, если ты не станешь смотрѣть за женой и ребенкомъ.

Тумръ насмѣшливо и презрительно улыбнулся.

— Ну, тебѣ ли мнѣ грозить, Янко! — возразилъ онъ.

— И червякъ иногда больно кусается, и я буду этимъ червякомъ для тебя...

И съ этими словами онъ исчезъ по направленію къ селу. Тумръ вошелъ въ хату. Сердце его сжалось при видѣ бѣдной женщины, которая была въ поту и страшно поблѣднѣла. Она взглянула на него, какъ бы умоляя пожалѣть ее и ребенка. Чувствуя себя виноватымъ передъ нею, хотя и не сознавая, какъ все это случилось, онъ сталъ на колѣни у ея постели на землѣ.

— Что случилось со мною? Какимъ образомъ произошло? — спросилъ онъ. — Я ничего не помню и не понимаю.

— Видно, колдунья увлекла тебя своимъ чародѣйствомъ, — отвѣтила слабымъ голосомъ Мотруна. — Ты спалъ, потомъ вско-

чиль и побѣжалъ... Я хотѣла пойти за тобою, но упала... Я тоже не знаю, что сдѣлалось со мною, но когда открыла глаза, то увидѣла малютку и Янко, который, вѣрно, и перенесъ меня на постель...

Тумръ смотрѣлъ на пицавшего ребенка и въ его головѣ пронесся рядъ мыслей, заботъ и обязанностей, какія предстояли ему съ появленіемъ его на свѣтъ... Они вдвоемъ чуть не умирали съ голоду, а втроемъ — и подавно могли умереть... Бѣдной Мотрунѣ нужна была помощь, пеленки для новорожденного, уходъ, пища и... хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ! Чтобъ заработать его, онъ долженъ былъ оставить хату и жену, а ей некому было помочь въ первые дни ея слабаго состоянія.

Цыганъ схватился за голову.

— Нечего дѣлать, — сказалъ онъ. — Въ деревнѣ намъ никто не поможетъ и никто не услужитъ тебѣ, а я не сумѣю... Позволь мнѣ сходить хоть за цыганкой Ягой...

Мотруна приподнялась и прижала ребенка къ груди.

— Цыганку?! — воскликнула она, — охъ, нѣтъ, нѣтъ! Обоидеся безъ чужой помощи... Она отравитъ меня!.. Она похититъ моего ребенка!

— Но, вѣдь, ты жена цыгана? — сказалъ Тумръ, пожимая плечами.

— Да, да! но я боюсь ихъ!.. Сжался надо мною.

— Сжался надъ собою! — возразилъ цыганъ. — Мы можемъ съ голоду умереть, если намъ никто не поможетъ. Вѣдь у насъ ничего нѣтъ, а тебѣ нужна пища...

— А Янко?

— Но для тебя нужна женщина.

— Я встану... я сейчасъ встану...

— Этого нельзя!.. Ты должна пролежать нѣсколько дней... Кто же тебѣ и ребенку сдѣлаетъ, что нужно? Кто сваритъ поѣсть и кто научитъ, какъ ухаживать за малюткой?..

Мотруна промолчала, но по ея лицу видно было, что она боялась, хотя и не знала, что дѣлать... Она хотѣла подняться, но тотчасъ опустилась и застонала отъ боли.

Тумръ сидѣлъ при ней на землѣ, смотря на ребенка и мать въ какомъ-то нѣмомъ отчаяніи, какъ вдругъ дверь отворилась и Мотруна вздрогнула: на порогѣ появилось лицо страшной цыганки...

Это была старая Яга, которую пригнало какое-то предчувствие, а можетъ быть и любопытство. Ея безобразіе и блескъ смѣющихся черныхъ впалыхъ глазъ могли напугать каждаго. Смуглая кожа, черные волосы, разсыпавшіеся нерасчесанными прядями по лбу, лицу и плечамъ, сморщенные щеки, беззубая улыбка и взглядъ хищной птицы представляли портретъ старой сказочной вѣдьмы. Грязная гата (рубашка), порванная сокча (юбка) и платокъ составляли весь ея нарядъ, изъ-подъ котораго выглядывали ея голыя ноги, руки и изсохшая грудь. Будучи сгорбленной, она опиралась на суковатую палку, конецъ которой растрепался отъ продолжительнаго употребленія при ходьбѣ.

Она окинула взглядомъ избу и тотчасъ догадалась, что ея услуги будутъ нужны. Мотруна инстинктивно схватила ребенка и прижала къ груди; Тумръ вскочилъ въ изумленіи, что она такъ неожиданно явилась именно въ тотъ моментъ, когда онъ только-что говорилъ о ней.

Она медленно начала подвигаться къ постели.

— Стой! — крикнулъ Тумръ по-цыгански: — *егани* боится тебя... Отойди къ двери!

— А чего же боится? — спросила она, тоже по-цыгански, сядя у дверей на скамейкѣ. — Развѣ она не цыганская жена и развѣ мы не свои и не родственники?.. Я бы помогла ей ухаживать за ребенкомъ, а то она задушить его, не умѣя обращаться съ дѣтьми... Вѣдь это мое ремесло, и дай мнѣ Богъ прожить еще столько лѣтъ, сколько я вынянчила *ромовъ* и *гаджіевъ*... Не бойся меня, милая! — прибавила она по-деревенски, ломаннымъ языкомъ, стараясь смягчить свой хриплый голосъ и ласково улыбнуться. — Я была полезной въ этомъ случаѣ даже барынямъ шляхтянкамъ... Знаю, какъ ходить за дѣтьми и что дѣлать съ малютками... Тебѣ это впервые и ты, по неопытности, можешь задушить его своими пофлуями.

Она встала и хотѣла подойти, но внезапное движеніе Мотруны доказывало, что она не приметъ ея помощи.

— Слушай, Яга! — отозвался Тумръ: — ты можешь быть намъ полезной иначе... Разведи огонь, поставь воды и сварь намъ что-либо... Она голодна, да и я вчера ничего не ѣлъ... ребенку тоже надо бы...

Старухѣ только этого и нужно было: ей хотѣлось заглянуть во все углы и, если можно, стащить что-нибудь, а потому она, не долго думая, сняла съ себя платокъ, поставила свою палку въ уголъ и засучила порванные рукава рубашки за локоть.

— Гдѣ огонь? гдѣ вода? гдѣ ваша кладовая? — засыпала она вопросами. — Есть ли молоко?

Тумръ испугался столькимъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе отвѣтилъ:

— Огня... поищи въ золѣ, вода должна быть въ ведрѣ... въ кладовой ты почти ничего не найдешь, а молока — и подавно...

— Какъ! даже козы нѣтъ?

— Къ несчастью—нѣтъ!—вздыхнулъ Тумръ.

— О, плохой же ты хозяинъ!—воскликнула Яга, разгребая золу.—Видно, что ты скинулъ съ себя шкуру *ромовъ* и потерялъ ихъ разумъ... Чтобы здѣсь сидѣть и не достать козы!.. Вѣдь сколько ихъ волочится по полю... и никому не принадлежать... Могла какая-либо сама приبلудиться... Ха - ха!.. А если ужъ боялся, чтобъ ее не узнали, то могъ бы промѣнять на базарѣ... Нѣтъ, плохой ты хозяинъ!.. Что же варить? Откуда взять что надо?.. Даже воды, и той одна муть на днѣ ведра.

— За водой я сейчасъ схожу,—возразилъ Тумръ.

— Не ходи!—шепнула Мотруна.—Не оставляй меня одну съ нею.

— Сама ужъ схожу...

— А знаешь ли, гдѣ она?

— Ну, учиться не стану... Вѣрно тамъ, куда идетъ утоптанная тропинка... Можетъ быть, встрѣчу гдѣ-либо козу или корову... выдою для васъ... Нѣтъ ли какого горшечка?

— Нѣтъ, Яга!.. Будетъ горе... бѣда!..

— А такъ-то развѣ ихъ нѣтъ?—возразила цыганка.—Не все ли равно, съ голоду ли поколѣвать, или на висѣлицѣ болтаться?.. Дай горшечекъ.

Старуха только-что хотѣла уйти, какъ появился Янко съ хлѣбомъ, молокомъ, кувшиномъ воды и узелкомъ крупъ. Онъ только полуоткрылъ дверь, сунулъ все принесенное и самъ мигомъ исчезъ.

Яга живо убрала все, а узелокъ моментально засунула за пазуху, притворившись, что она переливаетъ молоко въ горшечекъ, для вскипяченія его.

Разумѣется, никто не замѣтилъ этого воровства.

Съ этого начались услуги старой цыганки въ хатѣ Тумра въ которой она, чувствуя необходимость въ себѣ, сдѣлалась чуть не полной хозяйкой.

IX.

День былъ ясный и солнышко сильно пекло.

Аза, распорядившись всѣмъ въ таборѣ и сдавъ свое начальство цыгану Пузѣ, чувствуя, что она, какъ женщина, не могла управлять всѣмъ таборомъ, собралась въ господскій домъ къ Адаму.

Пуза былъ не молодой человекъ, маленькій, крѣпкій, сильный и безобразный, служившій жертвой Апрашу и его мученикомъ. Онъ давно собирался отомстить старику, какъ вдругъ самъ сдѣлался начальникомъ. Аза нарочно избрала его, зная, что онъ досмотритъ за таборомъ, прижметъ своего врага и не дастъ ему воли. Громада (общество) охотно согласилась считать его своимъ *дадосомъ* (отцомъ), не спрашивая о томъ Апраша, который долженъ былъ подчиниться волѣ остальныхъ.

Молодая цыганка, выкупавшись въ студенной водѣ и причесавъ свои прекраснѣйшіе черные волосы, которые едва могла удержать на головѣ, надѣла ситцевую расшитую узорами рубашку, нѣсколько нитокъ коралловыхъ и янтарныхъ ожерелій, цвѣтную, съ большими букетами, юбку, шелковый передникъ, красный расшитый кафтанъ и тонкій платокъ, завязанный концами на правомъ плечѣ, въ видѣ мантии, закрывавшей лѣвую сторону всей фигуры.

Костюмъ этотъ чрезвычайно шелъ къ ея загорѣлому, но свѣжему и румяному лицу, среди котораго блестѣли бѣлые зубы и глазные бѣлки. Изъ-подъ черныхъ рѣсницъ сверкали огненные глаза, и когда она посмотрѣлась въ разбитое зеркальце, довольная улыбка скользнула по ея губамъ.

— Погибнешь, *рай*, погибнешь въ этихъ пламенныхъ гла-

захъ! — пробурчала она. — Я сожгу его ими и превращу въ уголь, хоть-бы онъ былъ каменнымъ человѣкомъ... Заплачетъ онъ у меня!.. Но, странно, почему мнѣ нравятся человѣческія слезы? — задумчиво продолжала она. — Странно, что увидѣвъ или услышавъ ихъ, у меня является желаніе мучить, убивать, изнурять... точно я звѣрь какой... Однако же, если-бъ я увидѣла слезы или услышала стовы Тумра, то — кто знаетъ? — можетъ быть я помчалась бы его спасать отъ тѣхъ, кто заставилъ его страдать. О, Тумръ! Тумръ!.. Ты теперь не цыганъ... ты полюбилъ блѣднолицую *египти* и Аза тебѣ не мила!.. Однако же онъ примчался вчера... А какъ онъ смотрѣлъ на меня и какъ защищалъ отъ Апраша!.. Такъ и казалось, что онъ съѣстъ меня своими глазами... Только нѣтъ, нѣтъ!.. Онъ погибъ для меня.. и я пойду мучить Адама!

И, посмотрѣвшись еще разъ въ зеркало, Аза вышла изъ шатра. Старыя цыганки, видя ее нарядной, ядовито улыбнулись: онѣ знали, что это значить. Апрашъ закусилъ губы до крови.

Она хорошо знала дорогу въ имѣніе и не шла, какъ ходятъ другіе люди, а точно летѣла, не прикасаясь къ землѣ и распутивъ платокъ, словно парусъ, одинъ конецъ котораго придерживала рукою.

Идучи такъ, она напѣвала какую-то цыганскую пѣсенку и, наконецъ, дойдя до села, свернула по тропинкѣ къ пруду, откуда прошла къ саду, а затѣмъ проникла на барскій дворъ.

Помѣщикъ Адамъ, только что проснувшись, сидѣлъ на крыльцѣ въ халатѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ, какъ вдругъ передъ нимъ, какъ будто изъ-подъ земли, выросло привидѣніе, которое возшло по ступенькамъ и громко разсмѣялось.

— Ха-ха-ха! — начала цыганка, вертясь передъ Адамомъ и дѣлая двусмысленнѣйшіе жесты. — *Рай* Адамъ тужилъ по Азѣ, а Аза по *райю* Адаму и вернулась въ Стависки... Видишь, опять пришла вкусить жизни съ тобою, забросить тебѣ искру въ сердце и улетѣть, какъ аистъ.

Трудно выразить перомъ, какъ измѣнилось окаменѣлое лицо молодого помѣщика, при видѣ этой чародѣйки. Его какъ будто застывшіе глаза заблестѣли, губы полуоткрылись, складки на лбу нервно задрожали и грудь высоко задышала.

Наконецъ, онъ вскочилъ и бросился къ ней.

— Это ты, Аза? Это ты?! Не может быть!

— Да, я, я!—отвѣтила цыганка, бросаясь ему на шею и сжимая его въ своихъ пламенныхъ объятыхъ.—Ты не забылъ меня? а?.. хоть многихъ любишь послѣ меня?

— Откуда ты здѣсь?

— Свалилась съ неба и *балванъ* (вѣтеръ) принесъ меня сюда... Словомъ, я стосковалась по тебѣ, приказала повернуть *верденъ* и вернулась въ Стависки.

— И будешь моей?

— Нѣтъ, *рай* Адамъ!—отталкивая его отъ себя, воскликнула Аза.—Ты будешь моимъ, а я никогда не была и не буду ничьей!

Гордость эта шла ей къ лицу. Однако, была ли то любовь, или простая прихоть дѣвушки—трудно сказать, но изжившійся преждевременно молодой человѣкъ нуждался именно въ такомъ страстномъ развлеченіи, чтобы почувствовать, что онъ еще живетъ. Цыганка жгла его своими глазами, разговоромъ, объясненіями, общаніями и насмѣшками; и хотя онъ страдалъ, но чувствовалъ, что живетъ. Болѣе сильный и гордый человѣкъ не позволилъ бы мучить себя и прогналъ бы ее; но Адамъ не могъ оторваться отъ нея, проклиналъ какъ черта и любилъ какъ ангела.

Аза, зная свою силу надъ нимъ, злоупотребляла ею. Послѣ продолжительнаго бродяжничества по свѣту ей правила роскошная жизнь въ барскихъ чертогахъ, и она съ удовольствіемъ дышала ихъ атмосферой... По временамъ, она какъ будто тѣряла свой огонь, задумчивость омрачала чело и уста какъ будто забывали улыбаться; она сидѣла неподвижно по цѣлымъ часамъ, не то полусонная, не то полумертвая. То опять она вскакивала, сверкала глазами и зубами и начинала свой страстный танецъ, какъ скачки дикихъ людей. Но въ обоихъ своихъ настроеніяхъ она преслѣдовала Адама немилосердными насмѣшками, то съ презрительною серьезностью, то съ веселою вѣтренькостью.

— Ну, какъ я могу тебя любить?—говорила она.—Есть ли на свѣтѣ два человѣка равныхъ по характеру? Я—дикій звѣрь пустыни, а ты—комнатное растеніе, выросшее въ тѣни безъ солнца, вытекшее, вытянувшееся, захудалое, безсильное. Одно

мое объятье и поцѣлуй обожгутъ тебя и, при первой ссорѣ, я могу убить тебя, если не руками, то словомъ!

Униженный Адамъ терпѣлъ и молчалъ, довольный хоть тѣмъ, что она позволяла ему лежать у своихъ ногъ и смотрѣть въ глаза, выразительнѣе которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни.

Днемъ цыганка навѣщала свой таборъ, который расположился близъ имѣнія и находился подъ особымъ покровительствомъ помѣщика, а потому цыгане могли безнаказанно беспокоить окрестныхъ жителей; къ ночи же возвращалась съ старой цыганкой въ барскій домъ. Хотя ей было не по дорогѣ, однако же она почти каждый день проходила мимо хаты Тумра, какъ бы желая встрѣтиться съ нимъ. Она прислушивалась, присматривалась и какъ будто хотѣла проникнуть внутрь, но не смѣла войти. Такъ она ходила каждый разъ, ни съ кѣмъ не встрѣчаясь около хаты и кладбища.

Между тѣмъ дни летѣли въ имѣніи и волоклись черепашьимъ шагомъ въ хатѣ кузнеца. Мотруна лежала въ постели съ ребенкомъ, котораго боялась отпустить отъ себя хоть на одинъ шагъ. Даже во время сна она вся превращалась въ слухъ, боясь, чтобы старая Яга не похитила его, и слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ шагомъ, чувствуя въ ней тайнаго врага. И напрасно она просила мужа удалить ее: онъ только смѣялся надъ ея неосновательными опасеніями. Кромѣ того, ему было веселѣе и легче при ней.

Тумръ не встрѣчался съ Азой, но, узнавъ отъ Яги, что она находится у Адама, весь задрожалъ и поблѣднѣлъ. Хотя онъ не разспрашивалъ о ней, однако услужливая цыганка сама доносила ему, что молодой помѣщикъ съ каждымъ днемъ все больше влюбляется въ Азу.

— Говорятъ,—прибавила отъ себя Яга,—что если-бъ она захотѣла, то онъ женился бы на ней; но глупая *раклори* (дѣвушка) только смѣется и издѣвается надъ нимъ. Да, очень глупая! Другая бы могла воспользоваться случаемъ и сдѣлать много добра своимъ... Правда—*рай*, больной, хилый, безсильный... Но вѣдь не вѣкъ съ нимъ вѣковать!..

И она улыбнулась такой улыбкой, какъ будто хотѣла подать ему кубокъ съ ядомъ.

Это была ужасная женщина, способная на всякую мерзость.

Въ ней угасли всякія чувства и, вслѣдствіе постоянной нужды, выработалась звѣрская зависть ко всему, страсть къ воровству, и она крада безсознательно, инстинктивно, что только попало ей подъ руку. Даже у Тумры, у котораго ужъ нечего было взять, она все-таки старалась стащить послѣднее. Каждый день въ таборѣ у нея отнимали какіе-либо узелки съ крупною или чѣмъ-либо другимъ, выбрасывали ихъ вонъ и избивали ее, но на слѣдующій день она опять принималась за свое ремесло.

Тумръ не обращалъ вниманія на иззянъ, наносимый ему цыганкой, не звалъ и не видалъ, что вокругъ него творится. Онъ былъ поглощенъ своимъ горемъ и болѣзною Мотруны, у постели которой проводилъ все время, будучи увѣренъ, что у нихъ ничего лишняго нѣтъ, кромѣ того, что Янко принесетъ имъ. Его кузница давно была готова, но никто не приносилъ работы, хотя молотъ въ цыганскомъ таборѣ тоже молчалъ: всѣ предпочитали ходить въ сосѣднюю деревню, Рудню...

Такимъ образомъ, онъ былъ обязанъ существованіемъ своей семьи только одному Янкѣ, который былъ бѣднѣе его, но помогалъ, благодаря своему умѣнью стащить или выпросить у добрыхъ людей. Цыганъ хотѣлъ пойти на барскій дворъ, но боялся и откладывалъ свое посѣщеніе со дня на день, а потому голодалъ въ ожиданіи, пока судьба сама пошлетъ ему помощь.

Аза знала обо всемъ отъ Яги, ходившей каждый день въ таборъ, но ничѣмъ не хотѣла ему помочь.

— Такъ ему и надо!—говорила она.—Захотѣлось жениться на бѣлой женщинѣ, жить въ хатѣ и быть *гаджей*, а не *ромой*, то и пусть страдаетъ!.. Жизнь его сидитъ глубоко и голодъ пока не достанетъ ее.

Однако, проходя очень часто мимо кладбища, она съ грустью смотрѣла на мазанку, и, однажды, когда помѣщикъ Адамъ лежалъ у ея ногъ, мучась въ своей страсти къ ней, она отозвалась:

— Слушай, *рай*! Что вамъ сдѣлалъ цыганъ Тумръ, что онъ умираетъ съ голоду?

— Какой цыганъ? гдѣ? когда?..—съ трудомъ припоминая, спросилъ Адамъ.

— Кузнецъ Тумръ, который живетъ въ мазанкѣ у кладбища.

— Да вѣдь я далъ ему жену, корову и денегъ! — отвѣтилъ, зѣвая, Адамъ.—Чего же ему еще?

— Но твои крестьяне преслѣдуютъ его... у него нѣтъ работы, они не даютъ ее и ему нечѣмъ жить... Всѣ отталкиваютъ его отъ себя, братья его жены отреклись... Неужели ты не можешь приказать имъ, чтобы все это было иначе?

— Не могу же я приказать имъ, чтобы они любили... Сама посуди, какъ этого достигнуть?

— Не любить, а слушаться должны!.. Ты ихъ господинъ и можешь приказать, чтобы они ходили къ этому, а не къ другому кузнецу.

— Могу приказать, но едва ли послушаются...

— Попробуй!

— Хорошо, попробую! — отвѣтилъ молодой помѣщикъ и приказалъ созвать на завтра всѣхъ старшинъ громады.

Это была рѣдкость, чтобы помѣщикъ разговаривалъ со своими крестьянами. Онъ былъ снисходителенъ и ласковѣе болѣе по лѣни, чѣмъ по добротѣ, а потому ни во что не входилъ, что вокругъ него творилось, и даже въ высокаторженственные дни, когда приходилось принимать громаду, онъ едва перекидывался съ нею нѣсколькими словами.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда было отдано приказаніе собраться старшинамъ, Ляхъ, Скоробогатый и Сымяха пришли въ корчму и начали высказывать свои догадки, зачѣмъ ихъ зовутъ во дворъ.

— Вѣрно, по цыганскому дѣлу, — отозвался Максимъ.—Ему приглянулась цыганка и она навѣрное просила за кузнеца...

— Ого! — воскликнулъ Скоробогатый, съ гнѣвомъ поднимая свою руку.—Напрасно хлопочеть!.. Ничего изъ этого не выйдетъ... Я отлично помню слова покойнаго Лепюка!.. Цыганъ осрамилъ все общество, взявъ дѣвку передъ нашимъ носомъ... Громада отреклась отъ нея и онъ можетъ уходить съ ней во свояси...

— А жаль!.. — цробурчалъ Сымяха, качая головой.—Хорошій кузнецъ... Бывало, пріѣдешь въ Рудню съ лемехомъ, шкворнемъ, косой или топоромъ, то онъ и хозяина за поясъ заткнетъ... Что и говорить! хорошій работникъ и я самъ его испыталь.

— Не одинъ онъ такой на свѣтѣ! — возразилъ Скоробогатый. — Жили до сихъ поръ безъ него, проживемъ и больше, а громада должна держать свое слово и честь.

— А если баринъ прикажетъ? — спросилъ Ляхъ.

— Да развѣ насъ и въ этомъ стануть караулить, какъ караулятъ, чтобы мы не ходили на сторону въ корчму или, по старому, на мельницу?.. Развѣ цыганъ взялъ меня въ аренду?

— Охъ, какой ты умница! — возразилъ Ляхъ. — Ты хорошо здѣсь говоришь, но какъ ты завтра запоешь передъ бариномъ?.. Поговори-ка за всѣхъ.

— А ты думаешь — не сумѣю?.. И поговорю, и скажу то же самое самому барину.

— А не лучше ли намъ поразмыслить, стоитъ ли эта игра свѣчей? — прервалъ Ляхъ. — Изъ-за чего или изъ-за кого мы бьемся, имѣя подъ бокомъ своего мастера? Кому убытокъ, если не намъ, ходить за десять верстъ къ кузнецу?

— А слово громады? А Лениукъ? — спросилъ Скоробогатый.

— Умеръ, похороненъ и вѣчная ему память!.. Зачѣмъ намъ беспокоить его въ гробу?..

Въ это время подошло еще нѣсколько крестьянъ, Максимъ и Филиппъ, братья Мотруны, и завязался общій разговоръ, что отвѣчать помѣщику, если онъ спроситъ относительно цыгана-кузнеца?

Мнѣнія раздѣлились. Старшій братъ Мотруны и Скоробогатый, а за ними большинство крестьянъ стояли на томъ, что громада должна держать свое слово; а въ виду этого большинства ни Ляхъ, ни Филиппъ, младшій братъ Мотруны, не смѣли сказать слова. Такъ, значить, и порѣшили поставить на своемъ.

На слѣдующее утро старшины собрались у господскаго крыльца и престоили чуть не до полудня, въ виду того, что помѣщикъ колебался выйти къ нимъ.

Наконецъ, онъ рѣшился и вышелъ съ погасшею трубкой на длинномъ чубукѣ. Онъ вѣжливо привѣтствовалъ крестьянъ, которые смиренно поклонились ему, и заговорилъ объ урожаѣ, посѣвахъ и вообще о хозяйствѣ, о которомъ никогда не говорилъ, а затѣмъ, какъ бы вспомнивъ о цыганѣ, такъ повелъ разговоръ:

— Послушайте, любезные, за что вы преслѣдуете бѣднаго

цыгана-кузнеца, который вамъ нуженъ и котораго вы избѣгаете изъ-за какихъ-то глупыхъ предразсудковъ? Онъ построилъ хату и кузницу, а вы и говорить съ нимъ не хотите.

— Да вѣдь и то сказать: мы его не просили селиться здѣсь,—отозвался Скоробогатый, выходя впередъ. —Поселился, потому что самъ хотѣлъ... А что громада рѣшила не ходить къ нему и не давать работы, на то была своя причина...

— Какая же это причина?

— Причиной послужила дочка покойнаго Лепюка, которую онъ взялъ противъ воли отца... А вѣдь это большая обида и стыдъ для всего нашего общества!.. Онъ насильно хотѣлъ втерѣться къ намъ, а мы его не хотимъ. Пустя козла въ огородъ, тогда цыгане станутъ брать всѣхъ нашихъ дѣвокъ...

— Но, если-бъ я васъ попросилъ? —робко продолжалъ Адамъ, видя нахмуреннаго Скоробогатаго.

— Лучше не просите, — отвѣтилъ послѣдній. — Свѣтъ не клиномъ сошелся и пусть его идетъ себѣ, откуда пришелъ... Жену его мы не отнимаемъ... и пусть ее беретъ съ собою.

— Ну, а если я пожелаю, чтобъ онъ остался?

— Лучше и не желайте, баринъ, отъ вашихъ крестьянъ, чтобы они стыдились за свои поступки...

— Какой же тутъ стыдъ? Мало ли у насъ поженилось цыганъ на крестьянскихъ дочкахъ?

— Да, но только не противъ отцовской воли, а съ согласія громады!—возразилъ Скоробогатый, замотавъ головой.

— Говорите, что хотите, но вы не правы... Посердились, повольновались и пора простить и забыть прошлое.

— Лешюка нѣтъ на свѣтѣ, а только онъ одинъ могъ простить свою дочку...

Адамъ, видя упрямство старика Скоробогатаго, обратился къ Максиму, брату Мотруны, который стоялъ въ сторонѣ, скрестивъ руки на груди въ такой позѣ, которая доказывала, что онъ тоже останется при такомъ же мнѣніи.

— Это вы—причина всему,—сказалъ онъ:—вы уговорили громаду идти противъ своего господина... Но, помните, что вы жестоко поплатитесь за это...

— Воля ваша,—гордо возразилъ Максимъ,—у громады есть свой разумъ, и пусть она что хочетъ говорить, а я и братъ

исполняемъ только отцовскій приказъ. Мотруна захотѣла выйти за цыгана и господу видали ее, а мы и слова не сказали, но брататься съ ними и не подумаемъ...

Помѣщикъ не могъ спорить съ громадой: ему только хотѣлось исполнить обѣщаніе и провѣрить силу своихъ словъ.

— Ну, ну! не разговаривать! — сказалъ онъ съ напускной серьезностью. — Я не желаю слушать никакихъ оправданій... Довольно того, что мнѣ не нравятся ваши преслѣдованія и я приказываю, чтобы этого не было!

И онъ ушелъ въ комнаты.

Общество переглянулось между собою съ замѣтной проніей и медленно разошлось.

Аза слушала этотъ разговоръ изъ открытаго окна комнаты и видѣла какъ людей, такъ и Адама; и когда послѣдній вернулся, недовольный своей неудачей, она разсмѣялась ему въ глаза.

— Ха-ха-ха! О, какой ты строгій и страшный и какъ тебя боятся твои крестьяне! — воскликнула она, ложась на диванъ. — Теперь я увѣрена, что они пойдутъ всѣмъ обществомъ къ кузнецу и будутъ просить у него прощенія!.. Ха-ха-ха!

Помѣщикъ покраснѣлъ.

— Чего-жъ тебѣ еще? — сказалъ онъ. — Я сдѣлалъ, что могъ, но это упрямый народъ!.. Впрочемъ, у него тоже должна быть своя воля и его нельзя обвинять.

Цыганка презрительно взглянула на него, встала съ дивана, завернулась въ платокъ и, не прощаясь съ Адамомъ, ушла.

Она по обыкновенію направилась мимо хаты Тумра и, подходя къ ней, замедлила шаги. Ея глаза устремились на дверь мазанки и засверкали какимъ-то гнѣвомъ, упрекомъ или желаніемъ. Наконецъ она остановилась, колеблясь войти или нѣтъ; но въ этотъ моментъ изъ сѣней вышелъ блѣдный и худой Тумръ, который остановился на порогѣ. По его движенію и лицу видно было, что онъ вышелъ безсознательно, быть можетъ только для того, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Далѣе онъ не думалъ идти; его руки висѣли какъ плети, голова опустилась на грудь, волосы растрепались, щеки поблѣднѣли и глаза потускли.

Аза, незамѣчаемая имъ, смотрѣла на него своимъ пламеннымъ взглядомъ не то съ радостью, не то съ состраданіемъ.

Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впередъ, такъ что ея тѣнь упала на него, и онъ, почувствовавъ, что кто-то приближается, медленно и равнодушно приподнялъ свою голову.

— Что съ тобой, Тумръ,—отозвалась она,—ты боленъ?

— Да,—отвѣтилъ цыганъ.

— Яга ничего не говорила мнѣ про твою болѣзнь.

— Да и не зачѣмъ было говорить.

— Ну, а можетъ быть мы что-либо посоветовали-бы?

— О, нѣтъ!—горько улыбаясь, отвѣтилъ Тумръ.

— Почему — нѣтъ?

— Потому что эта болѣзнь—не болѣзнь... въ ней все: и нужда, и голодъ, и отчаяніе, и что-то большее, чѣмъ это можно выразить словами...

Цыганка, заговоривъ съ нимъ, начала незамѣтно удаляться по направленію къ своему табору; Тумръ, какъ бы неохотно подвигался за ней, отвѣчая на ея вопросы. Такъ онъ прошелъ съ нею нѣкоторое время, не замѣчая, что удаляется отъ своей хаты; между тѣмъ Аза продолжала свои разспросы:

— А твоя жена и ребенокъ?

— Тоже, какъ и я!

— Что же вы думаете дѣлать?

— Что думать? Думаемъ умереть...

— Ну, это глупость! Нельзя умереть по приказанію, да и смерть не приходитъ по первому зову. Надо искать средствъ... помощи... совѣта...

— Ничего не поможетъ!..

— А если-бъ я тебѣ помогла?—спросила она, заглядывая ему въ глаза,—если-бъ посоветовала?..

— Ты!?—воскликнулъ Тумръ съ недоувѣріемъ.—Не отдавай и не сули мнѣ того, въ чемъ сама нуждаешься.

— Я нуждаюсь?!

— Ты сама связалась съ *гаджами* и выиграешь у нихъ столько же, сколько и я.

— Я? я?!—разсмѣялась цыганка.—Ты такъ думаешь?

— Думаю, что вижу и что все думаютъ. Ты тоже погибнешь, какъ я.

Аза смѣялась, пожимая плечами и выражая этимъ свое нетерпѣніе.

— О! вамъ всёмъ кажется, что Аза такая мягкая и послушная, какъ всё вы, у которыхъ нѣтъ ни своей воли, ни энергій; что стоитъ мнѣ только показать игрушку или ловы (деньги), какъ я ужъ и соблазнюсь ими! Ты думаешь, что если я хожу къ помѣщику, то онъ и опутаетъ меня?! Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. Не онъ мнѣ, а я ему приказываю.

— Но вѣдь Адамъ—твой любовникъ!

— Столько же, сколько и ты.

— Я?!—оживленно воскликнулъ цыганъ.—Когда же это я былъ имъ?

— Ну, и онъ не былъ никогда.

— А зачѣмъ ты сидишь у него и зачѣмъ увлекаешь?

— Потому что мнѣ тамъ удобно, уютно, тепло, спокойно и не голодно,—воскликнула Аза, заливаясь смѣхомъ.—Для цыганки украсть одинъ день у своей нужды и горя и то ужъ большая польза!.. Можешь ли ты подумать, что такая, какъ я, цыганская раклора (дѣвушка) способна полюбить такую развратницу, какъ этотъ помѣщикъ, которому нуженъ докторъ, а не любовница! Эхъ, Тумръ, плохо ты знаешь меня.

— Когда-то и я зналъ,—тихо вздыхая, отвѣтилъ цыганъ.—Но кто можетъ поручиться за женщину, какая она будетъ завтра или послѣзавтра?

— Однако же я могла бы тебѣ сказать, что будетъ завтра и что должно быть всегда!—отвѣтила цыганка останавливаясь.

Они прошли ужъ далеко и очутились среди поля за деревней. Тумръ только теперь замѣтилъ, что онъ ушелъ черезчуръ далеко отъ своей хаты, въ которой оставилъ одну Мотруну.

— Что-же можетъ быть завтра?—спросилъ онъ съ принужденной улыбкой.—То же, что и сегодня: голодъ и нужда! Вы пойдете странствовать по широкому *нѣбуру* (свѣту), а я долженъ здѣсь умереть.

— Почему это—долженъ? Ты можешь пойти съ нами.

— Я? съ вами! А, жена?

— Съ женой и съ ребенкомъ... Развѣ насъ мало странствуетъ тагъ по свѣту? Чего-же дольше тебѣ ждать здѣсь?.. Чтобы тебя осудили и повѣсили?.. Изъ насъ, цыганъ, еще никто не умиралъ съ голоду и ты найдешь между нами кусокъ насущнаго хлѣба.

— Но жена не захочетъ...

— Да развѣ у васъ управляетъ *египти*, а не *дадосъ*?.. Неужели ты послушаешься глупой жены?.. Если она вышла за цыгана, то и должна слушаться его... Вѣдь и ее здѣсь не желаютъ видѣть.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Тумръ, помолчавъ,— я самъ этого не сдѣлаю.

По лицу его видно было, что онъ что-то скрывалъ, потому что губы его внезапно сжались.

— Почему?

— Почему? — переспросилъ онъ, смѣло посмотрѣвъ на нее и хватая ее за руку.— Потому что и ты пойдешь вмѣстѣ съ нами!.. Понимаешь?

— Такъ что-жь? Развѣ я твой врагъ?—съ упрекомъ спросила цыганка.

— Нѣтъ, но ты сожгла бы меня своими глазами, какъ *райю*, потому что ты безсердечна!

— Неужели?! А на что же тебѣ мое сердце?

— И ты еще спрашиваешь, Аза.

— Да, спрашиваю, потому что ты полюбилъ *египти*.

— Но вѣдь ты тогда возилась съ *гаджей*...

— Точно такъ-же, какъ и сегодня... Но, какое тебѣ дѣло до меня и до моего сердца? Ты раньше не хотѣлъ меня, а теперь ужъ поздно...

— Да, поздно!—опуская ее руку, отвѣтилъ цыганъ. — Я самъ это понимаю, но, къ несчастью, и теперь съ ума схожу по тебѣ!

— Хо-хо! Неужели это правда?—спросила она съ смущеніемъ.

— И ты еще насмѣхаешься надо мною?

— Нѣтъ! я сочувствую тебѣ и только спрашиваю.

Тумръ взглянулъ на нее изъ-подъ нахмуренныхъ бровей и умолкъ. Оба прошли еще нѣкоторое время въ молчаніи, во время котораго измѣнились ихъ мысли и лица. Аза сдѣлалась вдругъ задумчивой... Видно было, что ею овладѣвали какія-то чувства, глаза томно прикрывались рѣсницами и губы дрожали. Тумръ тоже вошелъ въ тотъ экстазъ, съ которымъ онъ бѣжалъ ночью, еще очень недавно, въ таборъ.

Они встрѣтились глазами. Аза испугалась и, почувствовавъ свою слабость къ Тумру, попятилась назадъ.

— Ступай домой!—отозвалась она какимъ-то страннымъ голосомъ.—Ступай... еще увидимся...

— Гдѣ? Когда?

— Не... знаю...—отвѣтила Аза задыхаясь, не будучи въ силахъ уйти.—Можетъ быть сегодня... или завтра.

— Ты опять пойдешь въ имѣніе?

— Нѣтъ, пойду въ таборъ...

— Но потомъ и во дворъ...—загадочно прибавилъ онъ. съ упрекомъ. — Стыдись! Зачѣмъ тебѣ этотъ уродъ? Ты знаешь, что *онъ* не для тебя, а между тѣмъ ты стремишься къ нему и убиваешь его своимъ взглядомъ.

Цыганка опять пожала плечами, глаза засверкали, губы дрогнули и лицо просіяло презрительною гордостью.

— А для чего же мы сотворены? — спросила она вдохновенно. — Неужели только для нужды и горя, для бродяжничества и страданія? Нѣтъ, нѣтъ! Великій *Мроденг-оро* зналъ для чего онъ создалъ насъ!.. Мы предназначены на гибель, несчастье и уничтоженіе *гаджей*... Онъ приказалъ вредить имъ и убивать, какъ враговъ!.. И каждый изъ насъ дѣлаетъ по возможности то, что Онъ приказалъ... Наши матери внушали намъ, что насъ ожидаетъ... Старухи гадаютъ имъ и пугаютъ своимъ гаданьемъ, крадутъ у нихъ дѣтей, а мы, дѣвушки, мучимъ ихъ страстью... Я тоже мучаю и отравляю его своимъ взглядомъ.

Какой-то инстинктивный азартъ говорилъ устами этой дѣвушки, такъ что даже Тумръ испугался ея.

— Развѣ только имъ суждено обладать всѣмъ, а намъ ничѣмъ, кромѣ горя и кочующей жизни? На какомъ основаніи они раздѣлили между собою весь свѣтъ, богатства, землю, воду и воздухъ? Намъ тоже должно что-либо остаться, и мы являемся тѣмъ червякомъ, который гложетъ все!.. Пусть погибаетъ!..

— Пусть!—задумчиво отвѣтилъ Тумръ.—А все-таки, Аза, мнѣ было бы жаль его!

— Потому что ты ужъ не сынъ *эрумасселовъ* (цыганъ), — вспыхнула цыганка, — а *гаджи*, кровью и сердцемъ... Ты точно также нашъ врагъ, если жалѣешь ихъ...

— Ты ошалѣла!

Аза усмѣхнулась такъ, что изъ-подъ ея розовыхъ губъ обнаружилась бѣлые зубы, которыми она какъ будто хотѣла укусить.

— Однако—довольно!..—прибавила она. — Поди въ свою хату, невольникъ, прикованный какъ собака на цѣпи!.. Поди, *гаджи*, домой, а я пойду къ своимъ...

Тумръ хотѣлъ ее спросить, когда и гдѣ они увидятся, но дѣвушка, овладѣвъ собою, умчалась, точно вѣтеръ, и исчезла.

Х.

Вечеромъ Аза опять промчалась мимо хаты Тумра во дворъ. Но что ее влекло туда? Жадность или въ самомъ дѣлѣ инстинктъ мести и преслѣдованія?

Адамъ, по обыкновенію, встрѣчалъ ее слабымъ раздраженіемъ и постояннымъ стремленіемъ овладѣть ею; но съ перваго дня онъ не получилъ отъ нея никакихъ ласкъ, кромѣ жгучаго поцѣлуя, и когда оставался одинъ, то выходилъ изъ терпѣнья и говорилъ про себя:

— Что она думаетъ? Неужели только увлекать меня, раздражать и мучить, чтобы потомъ опять оставить съ носомъ? Но люди и безъ того ужъ смѣются надо мною да и я не узнаю себя... Нѣтъ, надо покончить разъ навсегда: или оставить ее у себя, или высѣчь и прогнать съ позоромъ! Довольно! довольно!

И, рѣшаясь на таковой поступокъ, у него, однако же, не хватало духа исполнить его.

Когда молодая цыганка вошла въ его комнату печальнѣе, чѣмъ когда-либо и сверкнула своими черными глазами, преисполненными жизни и огня, и сѣла на мягкую постель, поджавъ подъ себя ноги, Адамъ строго отозвался:

— Послушай, Аза! Что же будетъ?.. Нужно кончить разъ на всегда.

Но цыганка даже не повернула головы и, оставаясь въ томъ же положеніи, равнодушно отвѣтила:

— Говори, какимъ образомъ ты думаешь кончить со мною?

— Какъ хочешь, только бы покончить! — возразилъ онъ рѣшительно. — Довольно ужъ я наслушался твоихъ насмѣшекъ и обольщеній!.. Пусть твои цыгане уходятъ отсюда, а ты или оставайся, или уходи вмѣстѣ съ ними!

Послѣднія слова онъ произнесъ такъ робко и тихо, точно самъ боялся услышать ихъ.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялась дѣвушка, продолжая смотрѣть на потолокъ. — Ну, а что же ты станешь дѣлать, когда уйдутъ цыгане и я вмѣстѣ съ ними? Расскажи-ка, расскажи! Опять станешь скучать, влюбляться въ грязныхъ крестьянокъ, а можетъ быть женишься второй разъ?..

Эти воспоминанія были неприятны Адаму и болѣе всего раздражали его. Онъ вскочилъ съ кресла и сверкнулъ глазами.

— Замолчи, змѣя! — крикнулъ онъ съ запальчивостью.

— А-а! — холодно воскликнула цыганка. — Кажется, мы начинаемъ сердиться!

Ея равнодушіе и холодность воспламенили слабого человѣка.

— Еще одно слово п...

— И что же будетъ?

Адамъ задрожалъ отъ гнѣва и схватился за волоса: онъ ужъ не могъ больше говорить и заметался по комнатѣ.

Цыганка мелькомъ взглянула на него, чтобы узнать степень опасности, которая грозила ей, если онъ не успокоится.

Въ виду этого, она встала и уставилась на него своими черными глазами, въ которыхъ хранились ядъ и очарованіе.

Помѣщикъ не могъ выдержать этого взгляда, чувствуя, что онъ преслѣдуетъ его, очаровываетъ съ непонятною силой и привлекаетъ къ себѣ; но онъ хотѣлъ выдержать до конца свой гнѣвъ, а потому бросалъ на нее озлобленные взгляды.

Въ концѣ концовъ, онъ былъ побѣжденъ и бросился въ кресло въ мрачномъ молчаніи.

Конечно, цыганка не хотѣла, чтобы ее такъ скоро прогнали изъ Стависокъ, а потому, смотря на Адама, она подумала:

«Несчастный! неужели ты думаешь, что такъ легко отдѣлаться отъ меня? Нѣтъ, я уйду, когда захочу, не съ позоромъ, а сама по себѣ, когда ты будешь молить меня со слезами, чтобы я осталась!.. Погоди, миленькій *рай!*.. Дорого ты мнѣ заплатишь за сегодняшнюю вспышку!..»

— Неблагодарный! — воскликнула она. — Видно, за то, что я вернулась къ тебѣ, ты бранишь и мучаешь меня!..

Ласковая улыбка скользнула по ея губамъ, и она стояла какъ будто задумчивая, разстроенная и несчастная, такъ что Адамъ былъ тронутъ ею и на колѣняхъ приползъ къ ея ногамъ.

— Прости, прости меня! — воскликнулъ онъ. — Не сердись

и не плачь! Я столько выстрадалъ изъ-за тебя, что у меня голова пошла кругомъ... Но скажи хоть разъ, что ты думаешь? Любишь-ли меня или нѣтъ и будешь-ли моею?

Аза замотала головкой.

— Если я буду чьей, то ужъ навѣкъ!.. Отдавая себя добровольно въ неволю, приходится подумать и посовѣтоваться съ своимъ сердцемъ... и я такъ скоро не могу тебѣ отвѣтить... Ты видишь, что я вернулась къ тебѣ.

— Значить, любишь?—спросилъ онъ, приходя въ умиленіе и беря ея руку, которую она подала ему.

— Я сама не знаю: люблю-ли кого и буду-ли когда любить?.. Мое сердце дремлетъ, и кто разбудить его, тотъ и будетъ обладать имъ... Попробуй!

— Но мое сердце?..

— Пусть ждетъ и терпѣть!

— Странная вещь! — пробормоталъ Адамъ, заходя въ по комнатѣ, — гдѣ эта простая дѣвушка могла научиться такимъ словамъ и обольщенію?! Она положительно сдѣлала изъ меня какую-то игрушку и знаетъ, какъ обойти меня со всѣхъ сторонъ!

Азѣ не понравилась эта прогулка, и, желая опять расположить его въ свою пользу, она посадила его подлѣ себя и позволила ему цѣловать въ ротъ, въ носъ, въ глаза, въ голову, которую небрежно склонила на его плечо.

Чародѣйка знала, чѣмъ и какъ успокоить его, и Адамъ сдѣлался мягче воску, совсѣмъ забывъ о томъ, что было минуту тому назадъ.

Оба сидѣли молча. Въ комнатѣ царствовала тишина, нарушаемая поцѣлуями Адама въ голову, которая лежала на его груди. Онъ дышалъ въ атмосферѣ ея дыханія и взглядовъ, и ему было хорошо и приятно.

Въ этотъ моментъ изъ-за густыхъ вѣтокъ сирени показались два жгучихъ глаза, которые заглянули въ полутемную комнату, какъ бы отыскивая въ ней на чемъ остановиться.

Дѣвушка, очевидно, почувствовала вліяніе посторонняго взгляда, безотчетно встрепенулась и вскочила; но было ужъ поздно! Тумръ, слѣдя за Азой, пришелъ за ней во дворъ, рѣшаясь подсмотрѣть, что она дѣлаетъ съ своимъ возлюбленнымъ. Прокравшись между кустами сирени, онъ инстинктивно заглянулъ

въ окно именно той комнаты, въ которой они находились, и моментально отскочилъ, увидѣвъ ихъ въ объятіяхъ.

— А! — воскликнулъ онъ про себя, сжимая кулаки и отходя. — Я убью ихъ обоихъ!.. Сожгу дворъ и превращу въ пепелъ всю деревню!.. Пусть погибаютъ! Эта несчастная обманываетъ меня, обманываетъ его, обманываетъ весь свѣтъ!.. За что этотъ чело-*вѣкъ* пользуется счастьемъ, а я страдаю? За что эти *гаджи* отнимаютъ у насъ лучшій кусокъ изъ нашего добра? Проклятые!.

Такъ думалъ Тумръ, стоя у окна господскаго дома между кустами сирени, тогда какъ Аза, не видя никого, опять положила свою голову на грудь опьяненнаго Адама.

Они сидѣли обнявшись, и изъ устъ ея раздавалась сначала тихая, а потомъ воодушевленная пѣсня ея молодыхъ лѣтъ. Пѣсня эта была хорошо знакома Тумру, и она пробудила въ немъ тысячу воспоминаній. Мало-по-малу, пѣсня дѣлалась громче и веселѣе. Цыганъ страдалъ, слушая ее, но не могъ уйти: въ ней было столько дикой тоски и любви, понятной только ему, что онъ весь дрожалъ. Онъ вспомнилъ, сколько разъ въ жизни слышалъ ее; вспомнилъ всю свою судьбу отъ колыбели, всѣ свои страданія молодости; вспомнилъ судьбу Азы, выросшей на его глазахъ и сдѣлавшейся изъ невиннаго ребенка обольстительной красавицей, по которой онъ теперь страдалъ. Онъ только не понималъ, откуда у него вдругъ появилась къ ней любовь и ревность, которыхъ раньше не испытывалъ; изъ чего возникла тоска по той жизни, которая еще недавно была неважнѣйшей ему, и почему онъ такъ сильно опустился и сдѣлался несчастнымъ.

— Нѣтъ! — подумалъ онъ, — это видно колдовство, отместка *ромовъ* за то, что я оставилъ ихъ. Они залили ядъ въ глаза этой дѣвушки, чтобы она отравила мою жизнь, мою жену, моего ребенка, нагоняя на меня тоску и глупыя желанія! Аза убьетъ меня своимъ взглядомъ. Однако, что же мнѣ дѣлать? Вернуться домой!..

И онъ хотѣлъ убѣжать; но въ этотъ моментъ услышалъ новый куплетъ пѣсни, которая еще больше проникла въ глубину его сердца, пробуждая въ немъ воспоминанія дѣтства, любезность и ласки Азы.

— О, проклятая! — пробурчалъ онъ. — Она, вѣрно, чувствуетъ,

что я здѣсь и что я слушаю ея пѣсню... Она приковываетъ меня, держитъ и вырываетъ сердце!.. Нѣтъ, надо бѣжать!..

И онъ незамѣтно проскользнулъ среди кустовъ, окружавшихъ барскій домъ, вышелъ въ поле и поплелся въ раздумьи домой. Ноги его подгибались и онъ едва могъ превозмочь обаяніе, которое удерживало его и заставляло стремиться мыслью и сердцемъ къ обворожительной цыганкѣ.

Въ хатѣ его, по обыкновенію, было пусто. Старая Яга ушла въ свой таборъ. Мотруна встала съ постели. Для нея начинался второй періодъ ея замужней жизни. Теперь она сдѣлалась матерью дѣвочки, которая еще не понимала, для какой нужды и горя она родилась на свѣтъ... Молодая женщина должна была подумать, что ей дѣлать, въ виду полнѣйшаго бездѣйствія мужа, который за послѣднее время точно приросъ къ избѣ и находился въ какомъ-то полуснѣ. Онъ ни о чемъ не думалъ и не заботился, что у него есть жена и ребенокъ...

Мотруна, едва вставъ съ постели, прежде всего позаботилась о крещеніи ребенка; она пошла въ церковь съ малюткой, надѣясь упросить кого-либо быть восприемниками, но никто не пожелалъ кумиться съ «цыганихой», и священникъ вынужденъ былъ позвать двухъ нищихъ съ паперти и чуть не силою заставить ихъ быть кумовьями.

Возвращаясь домой, она рѣшилась заглянуть въ отцовскій домъ къ братьямъ и робко подошла къ открытому сараю на гумнѣ, въ которомъ инстинктивно надѣялась застать младшаго брата Филиппа. Къ счастью, она увидала его выходящимъ изъ сарая съ кулемъ соломы и загородила ему дорогу.

— Братецъ! — отозвалась она, хватая его за полу кафтана, — остановись и откликнись хоть однимъ добрымъ словомъ. Филиппъ испугался, увидавъ ее, но остановился.

— Что тебѣ, Мотруна? — спросилъ онъ.

Мотруна заплакала и едва могла говорить.

— Посмотри на меня, — сказала она, — и будь милостивъ, если не ко мнѣ, то къ моему ребенку... У насъ нечего ѣсть... У Тумра опустились руки и онъ ничего не можетъ дѣлать... Къ несчастью, пришли цыгане и вскружили ему голову... Я ихъ боюсь, а онъ не обращаетъ вниманія.

— Что-жъ я сдѣлаю?

— Помоги хоть ребенку!.. Я голодна и ему нечѣмъ питаться отъ меня... Хоть бы каплю молока, хоть бы кусокъ хлѣба каждый день!..

У Филиппа навернулись слезы, сердце сжалось и онъ рѣшительно сказалъ:

— Хорошо. Иди за мною!

Мотруна пошла съ слабой надеждой получить что-нибудь. Братъ пошелъ прямо къ хатѣ и, услышавъ стукъ топора Максима, что-то прилаживавшаго къ телѣгѣ у клѣти, сбросилъ кулъ соломы съ плеча и направился къ нему. Ему казалось, что достаточно было показать сестру, чтобы возбудить въ ней жалость...

Когда Филиппъ окликнулъ брата, Максимъ приподнялъ голову и почти не узналъ сестры. Она подошла къ нему заплаканная и, вмѣстѣ съ ребенкомъ, упала къ его ногамъ. Максимъ попятился отъ нея, нахмурился и притворился сердитымъ, хотя вовсе не сердился, потому что ея печальный видъ разилъ его...

— Ну, зачѣмъ пришла?— строго спросилъ онъ.

— Затѣмъ, чтобы вы посмотрѣли, что сдѣлали изъ меня!— возразила со слезами Мотруна.

— Мы?!— заикнулся Максимъ. — Не мы, а ты сама!.. Зачѣмъ было сопротивляться волѣ отца?.. Вотъ, за это Господь и наказалъ тебя!..

— Но ужъ достаточно этого наказанія...

Максимъ смутился. Видно было, что онъ не зналъ, какъ ему выйти изъ этого непріятнаго положенія.

— Спасите меня хоть теперь,— прибавила Мотруна,— если нечѣмъ другимъ, то хоть кускомъ хлѣба, котораго вѣтъ у меня...

— Хлѣба не надаваться всѣмъ,— отвѣтилъ Максимъ,— потому что у насъ мало его... Этотъ годъ былъ неурожайный, а семья у насъ большая, и намъ самимъ едва ли хватить до нови... Зачѣмъ вамъ здѣсь сидѣть, когда вы можете пойти работать въ другое мѣсто?

— А хата? А нашъ трудъ при ея постройкѣ, а наше горе при обзаведеніи кузницей?!— воскликнула сквозь слезы сестра. — Наконецъ, какъ мнѣ идти въ свѣтъ за мужемъ, непривычной къ цыганской жизни среди полей и лѣсовъ?

— Дай ей мѣрку ржи,— обратился Максимъ къ младшему

брату, — только смотри, чтобы жена не видала, потому что у насъ самихъ мало, а ртовъ — хоть отбавляй. Съ Богомъ, Мотруна!

— И такъ ты меня отправляешь...

— Ну, что-жъ?.. Если-бъ ты какъ-либо избавилась отъ цыгана, тогда еще какъ-либо можетъ что устроилось бы, но съ цыганомъ мы никогда не заведемъ дружбы!.. И напрасно хлопчешь... Отецъ приказалъ, громада — рѣшила...

Хотя Максимъ ничего не общалъ, но самый разговоръ его съ сестрой доказывалъ, что ему хотѣлось сдѣлать что-либо для нея. Возвращаясь домой, Матруна повстрѣчалась съ Янко, который гналъ передъ собою хромого вола.

— Откуда ты, Мотруна, — спросилъ пріятель, — и куда идешь?

— Ахъ, Янко! какъ мы давно тебя не видали! — воскликнула Мотруна довольно весело, послѣ встрѣчи съ братьями. — Ты забылъ насъ.

— Не зачѣмъ мнѣ и ходить къ вамъ, — отвѣтилъ безъ обиняковъ дурачекъ. — Я думалъ по началу, что твой цыганъ порядочный человѣкъ, а онъ оказывается такой же негодяй, какъ и другіе... Если-бъ я былъ на твоёмъ мѣстѣ, то давно бы погинулъ его... Пусть его шелъ бы за своими и хоть никогда не возвращался.

Мотруна вздрогнула и остолбенѣла.

— Что же онъ сдѣлалъ тебѣ? — спросила она.

— Ты очень добрая женщина, но слѣпа... Я тоже хотѣлъ бы имѣть такую жену!.. Этотъ негодяй ухаживаетъ за цыганками, какъ мальчишка и, вмѣсто того, чтобы пойти хоть въ Рудню на работу, шляется по полю или спать въ хатѣ по цѣлымъ днямъ... Я золь на него и не стоитъ къ вамъ заходить... Прощай, Мотруна!

Говоря это, онъ поднялъ вѣтку, которою погонялъ вола, и погналъ его дальше.

XI.

Сердце Мотруны, съ момента рожденія ребенка, исключительно принадлежало ему, и остывшій Тумрь не могъ его вер-

нуть себя. Мотруна догадывалась о его привязанности къ Азѣ, тѣмъ больше, что и старая Яга пробалтывалась о томъ; но молодая женщина была настолько горда, что ни однимъ словомъ не упрекнула мужа, скрыла свои страданія, и посвятила себя ребенку, предчувствуя, что тотъ, изъ-за котораго она много выстрадала, можетъ измѣнить ей.

Въ свою очередь, Тумръ, съ той ночи, когда онъ всталъ безсознательно и побѣждалъ въ цыганскій таборъ, сдѣлался до того равнодушенъ и холоденъ, что отъ него нельзя было ожидать возвращенія къ прежней жизни и дѣятельности... Онъ казался какимъ-то переутомленнымъ, одичалымъ и не знавшимъ, что вокругъ него происходило. Когда онъ подсмотрѣлъ за Азой въ окно, и совсѣмъ не хотѣлъ вернуться домой, онъ зашелъ только на минуту, повернулся и опять убѣжалъ, какъ бѣшеный.

Побродивъ безцѣльно, его ноги какъ-то сами направились въ таборъ. Послѣдній представлялъ изъ себя ужасный беспорядокъ подъ новымъ управленіемъ Пузы. Старый вождь только посматривалъ съ насмѣшкой на то, что въ немъ происходило, но молчалъ, примиряясь съ своей судьбой.

Пуза, какъ новый предводитель, злоупотреблялъ своею властью и по цѣлымъ днямъ издѣвался надъ старымъ Апрашемъ. Онъ самъ ничего не дѣлалъ и позволялъ другимъ шлаться по окрестностямъ. Аза, только временно заглядывавшая въ обозъ, не замѣчая, что тамъ творится, но изъ всего видно было, что Пуза не умѣетъ руководить таборомъ.

Тумръ, придя въ таборъ, остановился около *вердена* (телѣги), подъ которымъ лежалъ на землѣ, обособленно отъ другихъ, бывшій начальникъ. Онъ взглянулъ на Апраша и они встрѣтились глазами. Прежняя ихъ ненависть другъ къ другу исчезла, ибо оба они одинаково были несчастливы.

— А! — отозвался Апрашъ съ улыбкой. — Ты опять заглянулъ къ намъ! Видно, тебѣ не сидится въ хатѣ...

— Не лучше и тебѣ живется въ таборѣ, — возразилъ Тумръ, садясь на землю.

— Кто знаетъ? Быть можетъ, ты еще помѣнялся бы со мною на мое горе.

— А ты со мною?

— О, нѣтъ! — гордо возразилъ Апрашъ. — Я еще и въ

этомъ положеніи свободнѣе тебя... Хотя эта *бынкъ-тая* и „громада“ захотѣли избрать Пузу своимъ вождемъ, но посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Они мучаютъ меня, но я привыкъ къ труду; ругаютъ, но я не слушаю ихъ и смѣюсь...

— Какъ! и ты не проклинаешь своей судьбы?!

— Зачѣмъ проклинать, когда можно потерпѣть! *Букелисомъ* (голодь) не беспокоитъ меня и *пири* (горшокъ) всегда при огнѣ, полный похлебки. Не все-ли равно для меня, воду ли носить, дрова-ли рубить или желѣзо ковать молотомъ?

— Но слушаться приказаній?..

— Совершенно справедливо,—тяжело слушаться тому, кто самъ приказывалъ всю свою жизнь, но и къ этому какъ-нибудь можно привыкнуть...

Тумръ вздохнулъ.

— Но вѣдь ты питалъ надежду на Азу и потерялъ ее...

— *Егашин*, что *гвека* (женщина, что змѣя), — возразилъ Апрашъ, подумавъ,—а кто ее можетъ удержать въ своихъ рукахъ? Она выскользнетъ незамѣтно и даже укуситъ.

— Развѣ ты не любилъ ее, старикъ?

— А ты полюбилъ ее, но только ужъ поздно!..—отвѣтилъ съ ироніей бывшій предводитель.—Для меня это была не первая любовь, а ты своей не зналъ; я ужъ много разъ перестрадалъ, а ты только теперь начинаешь страдать!.. О-о! я не завидую тебѣ, а если ты полюбилъ ее, то она заползетъ тебѣ змѣей за пазуху.

— *Бынкъ*—*егашин* (чертъ, а не женщина)!—задумчиво произнесъ Тумръ,—и кто ее знаетъ, что она думаетъ, кого любить и что сдѣлаетъ завтра?

— Обыкновенно—женщина,—холодно возразилъ Апрашъ.—Всѣ одинаковы...

— Нѣтъ,—рѣшительно сказалъ Тумръ,—такой я еще и видалъ...

Апрашъ перевернулся на другой бокъ и громко разсмѣялся.

— Бѣгаетъ то въ обозъ, то во дворъ, соблазняетъ всѣхъ, а сама—точно каменная!..—прибавилъ Тумръ.

— И не мудрено!—воскликнулъ Апрашъ.—Бѣсится, пока перебѣсится! Но я бы ей все простилъ, если бъ она согласилась быть моею!

Тумръ возмутился, не понимая чувствъ старика.

— А я убилъ бы ее за это, если бъ она была моею,— воскликнулъ онъ.

— А! значитъ, ты и въ самомъ дѣлѣ влюбился въ нее!.. Ну, такъ тебѣ и надо!

Тумръ замолчалъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ Апрашъ,—быть можетъ, она и и будетъ когда-либо твоею, когда она надоѣстъ другимъ и ей вздумается прижаться къ черной груди цыгана...

— Нѣтъ... никогда!—прервалъ молодой цыганъ:—иначе я, если-бъ она улыбнулась тогда кому-либо, убилъ бы ее, какъ собаку.

— Если-бъ тебѣ было болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ мнѣ, ты иначе сталъ бы смотрѣть на подобныя вещи,—спокойно отвѣтилъ Апрашъ, пережевывая листъ табаку.—Ты не видалъ Азы, какъ сожгаль отъ насъ, и не знаешь, какой чертъ сидитъ въ этой дѣвушкѣ!.. Ты не имѣешь понятія, сколькимъ она мужчинамъ продавала свои ласки и какой хороводъ водила за собою... Часто и меня разбирала зависть; но я, глядя на нее съ возмущеніемъ, говорилъ себѣ: все прощу ей, только бы она была моею!.. И дѣйствительно, этотъ дьяволенокъ только водить всѣхъ за носъ, чтобы мучить, но не поддается никому... Для нея безразлично, кого бы не путать, только-бы путать... это доставляетъ ей удовольствіе... Даже зтотъ уродъ Пуза страдаетъ по ней, а она только смѣется надъ всѣми и заставляетъ мучиться до безумія.

У Тумра потъ покатился градомъ со лба.

— Значить, ей нельзя вѣрить ни капли?

— Можно, но только когда она зла... Ея злоба всегда искренна. Но если она говоритъ глазами о своей любви и произноситъ устами то же самое, то плюнь ей въ лицо!

Тумръ вздохнулъ, всталъ и ушелъ. Апрашъ взглянулъ на него, и они разстались, не сказавъ больше другъ другу ни слова. Тумръ опять пошелъ колеблющимися шагами, самъ не зная куда, не по дорогѣ, а прямо по полю, то останавливаясь, то мчась, какъ сумасшедшій.

— А!—воскликнулъ онъ про себя.—Значить нечего мнѣ и призадумываться: надо кончить разъ на всегда... такъ жить тяжело. Я видѣлъ ее склоненной на плечо этого мертвеца и

больше не хочу съ нею ни говорить, ни встрѣчаться!.. Вернуться въ таборъ и жить съ цыганами я ужъ больше не могу, какъ равно пребывать съ *гаджаму*, преслѣдующими меня и отталкивающими отъ себя: остается только надѣть петлю на шею.

Эта мысль ужъ часто мелькала у него въ головѣ и теперь положительно засѣла въ ней; жизнь показалась ему тяжелой и невыносимой... Значить надо было умереть...

Онъ дико усмѣхнулся своей злой мысли и невольно схватился за шерстяной поясъ, предназначенный имъ вмѣсто веревки и сдѣланный руками Мотруны. Прикоснувшись къ нему, онъ вспомнилъ о ней.

— Ей легче будетъ жить безъ меня, — пробурчалъ онъ — братья и громада примутъ ее, прокормятъ ее и ребенка! Она тоже не заплачетъ по мнѣ. Зачѣмъ жить въ тягость себѣ и людямъ?

Онъ взглянулъ на небо. Было вѣтренно и мрачно; окрестности показались ему пустыми и дикими и онъ хотѣлъ ужъ распоясаться, бросая взглядъ кругомъ, на чемъ бы повѣситься; но кругомъ было чистое поле и къ тому же онъ услышалъ чьи-то шаги. Тумръ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую къ нему съ горы Азу. Онъ отскочилъ въ сторону и волоса на его головѣ поднялись дыбомъ.

— А! ты здѣсь? — воскликнула она съ улыбкой на устахъ. — Видно ходилъ въ таборъ и ждалъ меня...

— Да, ждалъ, чтобы плюнуть тебѣ въ глаза и болѣе не видѣться съ тобою, — отвѣтилъ онъ съ огорченіемъ.

— Что съ тобой, Тумръ?

— Ничего!.. Я только стоялъ у окна, когда ты плѣла.

— И слушалъ вѣсню?

— И видѣлъ какъ ты лежала, склонивъ голову на плечо райи Адама...

— Надо было ужъ досмотрѣть до конца! — съ гнѣвомъ воскликнула Аза: — ты видѣлъ бы, какъ я разсталась съ нимъ!

— Или сошла? — съ презрѣніемъ отвѣтилъ цыганъ.

— Ты, кажется, въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ? — топнула на него ногой цыганка.

— Нисколько! я только опомнился и теперь знаю, что сдѣлать съ собой!

Говоря это, онъ развязалъ поясъ и началъ рвать его вдоль.

— Сумасшедшій! что ты хочешь дѣлать?—спросила съ испугомъ взволнованная дѣвушка, видя крайне раздраженного Тумра.

— Повѣситься въ лѣсу!.. Какъ тебѣ кажется: вѣдь я не дурно сдѣлаю, если повѣшусь?

— Зачѣмъ? Неужто изъ-за того, что я позволила обнять себя этому старому болѣзненному ребенку?

— О, нѣтъ! Ты не думай, что я стану вѣшаться изъ-за тебя!—отвѣтилъ онъ, продолжая рвать поясъ. — Мнѣ безъ тебя жизнь надоѣла, да ты и не стоишь того!..

Аза стояла испуганная и, видя, что ея гнѣвъ не поможетъ, хотѣла подойти къ нему съ лаской, но Тумръ оттолкнулъ ее, какъ взглядомъ, такъ и жестомъ.

— Прочь, гадина, прочь!—крикнулъ онъ,—поди и продавай свои ласки, кому угодно, а мнѣ нечѣмъ за нихъ платить!

Съ этими словами онъ повернулся и убѣжалъ къ лѣсу, гонимый своимъ адскимъ замысломъ и волненіемъ.

ХП.

Въ данный моментъ, онъ не сознавалъ, что дѣлалъ, не слышалъ зова молодой цыганки, гнавшейся за нимъ, и не замѣтилъ, какъ вбѣжалъ въ лѣсную чащу, гдѣ ударился лбомъ о дерево и упалъ на землю, обливаясь кровью...

Между тѣмъ надъ нимъ шумѣла буря, ломая древесныя вѣтки, и каркали вороны, гонимые предстоящимъ дождемъ. Тумръ лежалъ безъ чувствъ и провелъ такъ всю ночь на мокрой землѣ. Наконецъ свѣтъ и холодъ раскрыли его глаза, и онъ началъ приходить въ себя. Взглянувъ на поясъ, который держалъ сжатымъ въ кулакъ, онъ вскочилъ и пошелъ по лѣсу, подыскивая взглядомъ болѣе удобную вѣтку для повѣшенія, какъ вдругъ увидѣлъ вдали лѣсную лачугу, которую ему показалъ когда-то Янко-дурачекъ. Онъ быстро направился къ ней и, наконецъ, остановился у цѣли своего замысла, адски улыбнулся и взглянулъ на одну изъ балокъ въ потолокъ, которая какъ будто нарочно была приготовлена для него.

Не долго думая, Тумръ перекинулъ конецъ пояса черезъ

нее и началъ завязывать его, какъ вдругъ услышалъ за собою странный смѣхъ. Онъ оглянулся и увидѣлъ позади себя, противъ развалившейся лачуги, Янку, который сидѣлъ точно на пнѣ и, смотря, что онъ дѣлаетъ, разсмѣялся во всю глотку.

— Здравствуй, мой милый цыгань!—крикнулъ онъ, кланаясь ему и махая своей дырявой соломенной шляпой. —Ха-ха-ха!.. Наконецъ-то ты принимаешься за работу! Вишь, какъ хорошо, что я показалъ тебѣ это мѣстечко!.. Вотъ пригодилось... словно нарочно приготовлено для тебя!

Тумръ остоленѣлъ, и выпустилъ петлю изъ рукъ.

— Продолжай! продолжай!—прибавилъ дурачокъ.—Я тебѣ не помѣшаю, а только хочу поучиться, какъ это дѣлается, если при случаѣ самому понадобится сдѣлать это; я не стану вынимать тебя изъ петли или отрѣзать ее, потому что ножика не прихватилъ съ собою.

Цыганомъ овладѣлъ какой-то стыдъ и страхъ и онъ, молча, дрожащей рукой, опять схватился за поясъ, и началъ завязывать петлю.

— Я всегда говорилъ, что ты долженъ кончить этимъ,—продолжалъ Янко,—только не думалъ, что такъ скоро!.. Кончай, кончай свою затѣю, а я, какъ остынешь, скажу въ деревнѣ, гдѣ тебя искать.

— Уходи прочь!—крикнулъ на него взбѣшенный его насмѣшкой цыганъ.—Не издѣвайся надо мною въ послѣднюю минуту и дай хоть спокойно поколѣть...

— Да развѣ я тебѣ мѣшаю? Сохрани Богъ! Если-бъ ты даже спросилъ у меня совѣта, то я тоже посовѣтовалъ бы тебѣ повѣситься! Навѣрное Мотрунѣ будетъ легче жить на свѣтѣ безъ такого дармоѣда, и тебѣ лучше качаться на веревкѣ, чѣмъ томиться въ душной мазанкѣ и голодать изодня въ день. Но ты видно большой плутъ!.. Все только какъ будто дѣлаешь петлю, а повѣситься и не сумѣешь... Помочь бы тебѣ, да говорятъ, что это грѣшно и изъ-за этого можетъ случиться бѣда. Лучше ты ужъ справляйся самъ; долго ли сдѣлать петлю, вдѣтъ голову оттолкнуть подножку и повиснуть!..

Слова эти рѣзали точно ножомъ по сердцу Тумра, онъ понималъ его злую насмѣшку, но молчалъ, сверкая глазами.

— Эхъ, ты, трусишка!—прибавилъ Янко. — Только напрасно обманываешь меня!

Послѣднія слова переполнили мѣру цыганскаго терпѣнія; Тумръ соорудилъ петлю, быстро всунулъ въ нея голову, толкнулъ ногой чурбанъ, на которомъ стоялъ, повисъ и замотался въ судорожныхъ движеніяхъ въ воздухѣ.

— И отлично сдѣлалъ,—пробурчалъ Янко, не моргнувъ глазомъ.—Зачѣмъ жить, когда мѣшаешь себѣ и другимъ—и не приносишь никому пользы? Мотрунѣ безъ него будетъ легче, а его никто не пожалѣетъ, кромѣ меня... все таки онъ не дурной человѣкъ, только жаль, что цыганъ, которыхъ никто не любитъ, и порядочный труженикъ... Какая ни есть хата, а все же онъ построилъ ее одинъ, безъ всего, и если-бъ не эта дьявольская цыганка, то можетъ быть онъ какъ либо и выкарабкался изъ бѣды. Ну, да Господь ему судья! Въ концѣ концовъ, если-бъ онъ не повѣсился, то мнѣ пришлось бы когда-либо накинуть на него петлю! Теперь Мотруна свободна и она или можетъ выйти замужъ за другого, или—и такъ проживетъ!

Думая такъ, Янко вскинулъ на плечи вязанку хвороста, который собралъ до встрѣчи съ Тумромъ, и преспокойно пошелъ домой, напѣвая себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку.

ХІІІ.

Уже позднюю ночью Мотруна сидѣла въ хатѣ у печи, качая ребенка въ повѣшенной къ потолку колыбелькѣ-корзинкѣ. Она цѣлый день не видѣла Тумра и начинала ужъ беспокоиться.

На дворѣ выла буря; осенній выхрь потрясалъ мазанкой, а бѣдная женщина все ожидала его, прислушиваясь къ каждому шелесту и поддерживая огонь въ печкѣ. Но никто не приходилъ и Мотруна рѣшила, что онъ заночевалъ у цыганъ. Когда ребенокъ заснулъ, она тоже вздремнула у колыбели; но это былъ безпокойный сонъ, прерываемый малѣйшимъ шорохомъ. Она выходила ночью и прислушивалась, но его все не было, и такъ она прождала его всю ночь.

Уже солнце взошло и поднялось высоко. Матруна стряпала у печи и посматривала за ребенкомъ, но каждую минуту под-

ходила то къ окошечку, изъ котораго мало было видно свѣта, то къ дверямъ, чрезъ щели которыхъ видѣлась вся дорога, и ея безпокойства возрасло въ высшей степени.

— Неужели онъ не вернется? — задавала она себѣ вопросъ. — Неужели цыгане увели его съ собой, онъ оставилъ меня одну съ ребенкомъ? Не можетъ быть! Вѣрно онъ захворалъ и лежить гдѣ-либо въ полѣ... можетъ, случилось что-нибудь. Надо бы поискать, но кого просить о томъ?..

Наконецъ, она взяла на руки свое сокровище и ужъ хотѣла выйти изъ хаты, какъ на самомъ порогѣ столкнулась со старой цыганкой Ягой. Теперь она и ей обрадовалась и быстро спросила.

— Не видала-ли моего Тумру? Что случилось съ нимъ? Цыганка пожала плечами и таинственно отвѣтила:

— Вчера вечеромъ былъ у насъ... да, былъ, но какъ бѣшеный; потомъ мы видѣли его бѣгущимъ по полю... Аза сказала, что онъ облаялъ ее, оскорбилъ за какія-то слова и грозилъ наложить на себя руки.

— А! — воскликнула Мотруна съ ужасомъ, въ сердце которой откликнулась привязанность: — пойдемъ, поищемъ его!

— Успокойся, — возразила цыганка, — удерживая ее за руку, — напрасенъ трудъ! Что должно было случиться, то ужъ, вѣрно, случилось, потому что со вчерашняго дня много воды утекло... Лучше заранѣе приготовься поплакать: навѣрное онъ лишилъ себя жизни!

Яга такъ холодно и равнодушно высказала свои догадки, что Мотруна чуть не упала и горестно вскрикнула:

— Ахъ, я несчастная, несчастная!

— Ну, что жъ дѣлать! — сухо замѣтила Яга. — Ты еще молодая и найдешь себѣ другого!.. Только бы молодость была.

— Все-таки надо идти искать... Можетъ быть, блуждаетъ гдѣ-либо по полю, — сказала Мотруна, и, съ ребенкомъ на рукахъ, отправилась на поиски, сама не зная куда.

Цыганка не погналась за нею и какъ только та ушла, юркнула въ избу, чтобы обшарить ее въ отсутствіе хозяйки, которая, однако же, направилась къ цыганскому табору, надѣясь, что-либо узнать отъ цыганъ и что, быть можетъ, они окажутъ ей помощь въ поискахъ. Вскорѣ она увидѣла вдали таборъ и затѣмъ встрѣтила Апраша, который несъ воду въ жестяныхъ ведрахъ. Она узнала его и прямо обратилась къ нему:

— Не видали-ль вы Тумра?—спросила она.

— Тумра?—переспросилъ Апрашъ,—смотря на изнуренную женщину.—Это твой мужъ?.. Онъ былъ вчера вечеромъ. А что? Развѣ не вернулся домой?

— Не приходилъ...

— Можетъ, и совсѣмъ не придетъ, — холодно прибавилъ цыганъ, продолжая идти.

Мотруна остановилась, не зная, что ей дѣлать.

Она поворотила къ селу, съ цѣлью увидѣться съ Янкой, но не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣла на горѣ, окружающей долину, блѣдную, съ разгорѣвшимися глазами, цыганку Азу. Двѣ женщины обмѣнялись ненавистнымъ взглядомъ. Посѣщеніе Мотруной табора, послѣ вчерашней встрѣчи Азы съ Тумрой, бросилось цыганкѣ въ глаза и имѣло большое значеніе

— Что съ Тумромъ?—спросила цыганка, быстро спускаясь съ горы къ Мотрунѣ.

— А тебѣ какое дѣло? — отвѣтила съ гнѣвомъ Мотруна.

— Миѣ? — мрачно спросила цыганка, горько улыбаясь. — Развѣ ты не знаешь, кто я?

— Еще бы не знать!—возразила Мотруна съ ироніей, которая, быть можетъ, у нея проявилась первый разъ въ жизни. — Ты—Аза!

— Да, Аза. Но гдѣ же Тумръ? Что съ нимъ случилось?.. Отвѣчай скорѣе!

— Ты лучше меня должна знать это, — пятась отъ цыганки, возразила Мотруна.

— Значить, онъ вчера не вернулся?!

— Нѣтъ, не вернулся!—еле слышно произнесла бѣдная женщина; изъ глазъ ея невольно потекли слезы, сквозь которые, однако же, она съ любопытствомъ смотрѣла на красавицу.

Аза заломила руки и, бросившись на землю, заголосила по цыгански. Плачь этого существа, не созданнаго для слезъ, поставилъ втупикъ Мотруну, она онемѣла отъ страха.

— Она знаетъ, она знаетъ, гдѣ онъ!—подумала Мотруна. — Вѣрно, она убила его!

Въ этотъ моментъ Аза вскочила и съ какою-то тайной надеждой помчалась сначала къ лѣсу, а затѣмъ повернула къ

господекому двору. Она такъ быстро бѣжала, что Мотрунѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, не поспѣть было за ней, и она пошла со слезами на глазахъ по дорогѣ къ своей хатѣ.

Между тѣмъ Аза исчезла изъ глазъ молодой женщины, мчась во всю прыть своихъ ногъ во дворъ. Вѣроятно, ей казалось, что Тумра можно спасти, а потому она побѣжала къ помѣщику съ просьбой разослать людей для разысканія несчастнаго цыгана. Аза вбѣжала въ комнату Адама, который еще лежалъ въ постели, съ такимъ искаженнымъ и испуганнымъ лицомъ, какого онъ еще ни разу не видалъ у цыганки. Она схватила его за руку и страстно воскликнула:

— Спаси! спаси! цыганъ Тумръ вчера хотѣлъ лишить себя жизни и сегодня еще не возвращался домой!.. Ради Бога! пошли людей искать его.

— А мнѣ-то какое дѣло до твоего цыгана!— сухо отвѣтилъ Адамъ, медленно выпуская трубочный дымъ изъ рта.

— Но мнѣ-то, мнѣ дѣло! слышишь, *рай*? Мнѣ дѣло до него!—кричала Аза, тормоша его за руку.— За него я отдамъ тебѣ свою жизнь и самое себя, только спаси его!

Адамъ взглянулъ на нее, не двигаясь съ мѣста.

— Да ты съ ума сошла!—воскликнулъ онъ.— Что онъ твой мужъ или братъ?

— Любовникъ!... единственный человѣкъ, котораго я люблю и безъ котораго жить не могу!—вырвалось у цыганки.— Спаси! спаси его!

— А! если такъ, то мнѣ нечего торопиться... теперь ты будешь моей!

— Если онъ умретъ, то и я умру и не буду ничьей!—крикнула въ отчаяніи цыганка, разрывая на себѣ платокъ и платье.— Пошлите тотчасъ людей!

Ея отчаянный крикъ поднялъ ужъ на ноги всѣхъ слугъ, которые столпились у дверей. Увидѣвъ ихъ, Аза съ мольбою и заламываніемъ рукъ обратился къ нимъ съ слезною просьбою помочь. Но слуги, не имѣя приказанія, и пальцемъ не шевельнули, а Адамъ сидѣлъ неподвижно и поглаживалъ усы, нисколько не интересуясь цыганомъ.

— Слушай!—обратилась Аза къ нему:—буду твоей, только спаси его!

Однако и эти слова не подѣйствовали; цыганка металась по комнатѣ съ распушенной косой и наконецъ, выведенная изъ терпѣнья молчаніемъ сибарита, скомкала свой платокъ, бросила имъ въ лицо Адама и убѣжала изъ комнаты.

Столпившіеся слуги начали перешептываться; они изъ любопытства хотѣли пойти поискать, но и Адамъ, пораздумавъ немного, рѣшилъ послать людей, которые мигомъ разсыпались во все стороны, хотя и не знали гдѣ искать цыгана.

Нѣсколько человѣкъ пошли за Азой и встрѣтили по дорогѣ Янку съ вязанкой хвороста на плечахъ. Все знали, что онъ дружилъ съ цыганомъ и остановили его, хотя и сомнѣвались чтобы отъ дурака можно было что-либо узнать.

— Слушай, ты, Янко, не видалъ ли кузнеца, который живеть у кладбища? — спросили его

— Кого, кого? — притворился онъ глухимъ.

— Да цыгана-кузнеца?

— Цыгана?.. значить — Тумру?.. О, да! видѣлъ, должно быть, не то третьяго дня, не то вчера, не то какъ будто сегодня!

— Гдѣ? гдѣ? — спросила Аза.

Янко былъ достаточно опытенъ и скрытенъ для того, чтобы выбытать все, чему онъ былъ свидѣтелемъ; поэтому онъ почесалъ въ затылкѣ и равнодушно отвѣтилъ:

— Знамо — въ лѣсу!

— Давно?

— Да часа два-три тому назадъ... раннимъ утромъ.

— Что онъ тамъ дѣлалъ?

— Почему я знаю! Вѣрно, ходилъ за дровами, потому что шелъ съ поясомъ въ рукахъ...

— Гдѣ ты его встрѣтилъ?

— Погодите, вспомню! Кажись, на Половой нивѣ!.. нѣтъ... въ просѣкѣ?... нѣтъ!.. А!.. около пустой избы, въ лѣсу!

Все бросились по указанію Янки къ развалинамъ старой хаты, а дурачекъ, вскинувъ опять вязанку хвороста на плечи, тихо пошелъ къ селу, оглядываясь на прошедшихъ мимо него людей и улыбаясь своей глупой улыбкой.

— Ха-ха! — прошепталъ онъ: — немного поздновато придетъ!.. Но чѣмъ я виновать?.. Не надо было мучить честной женщины... А теперь пусть его висить!

Аза первая выбѣжала по троникѣ на лужайку, на которой стояла развалина, и всплеснула руками, увидѣвъ еще издали трупъ Тумры, по лицу котораго разлилась уже мертвенная блѣдность. Она взвизгнула и, прежде чѣмъ подошли люди, вскочила на балку и начала развязывать узелъ пояса. Однако онъ не поддавался и она разгрызла его зубами, какъ тонкій шнурокъ. Трупъ завертѣлся на поясѣ, заколебался и наконецъ упалъ какъ снопъ на землю.

Подоспѣвшіе люди боялись подойти къ сомоуѣйцѣ, но Аза ужъ была при немъ, наклонилась и приложила руку къ сердцу; оказалось, что оно ужъ давно перестало биться, все тѣло застыло и Тумръ былъ безусловно мертвъ.

Цыганка упала безъ чувствъ подлѣ трупа, а люди, пошептавшись между собою, вернулись домой оповѣстить о происшествіи, оставляя Азу одну надъ тѣломъ своего возлюбленного...

XIV.

Крестьяне села Стависокъ выкопали на роспутіи глубокую яму и вечеромъ привезли на парѣ черныхъ воловъ тѣло Тумры, для котораго Янко сбилъ сосновый гробъ, а затѣмъ похоронили безъ пона, безъ народа, безъ слезъ. За тѣлѣгой шли только Матруна съ ребенкомъ. Янко съ лонатой, въ своей дырявой соломенной шляпѣ, и двѣ старыя цыганки, покрытыя платками, шедшія вдали.

Когда волы остановились на холмѣ у могилы, двое людей, привезшихъ тѣло, сняли гробъ съ тѣлѣги и молча опустили въ яму. Янко началъ зарывать могилу, а двѣ цыганки стояли на краю ея пока гробъ не засыпался землею. Матруна молча сѣла на траву и подперлась рукою, тихо укачивая ребенка, который плакалъ отъ голода или отъ предчувствія материнскаго страданія.

Работа по засыпкѣ могилы быстро кончилась, ее обложили дерномъ и положили, по обычаю, нѣсколько сухихъ вѣтвей, къ которымъ каждый прохожій долженъ былъ добавлять какой либо обломокъ.

Всѣ начали расходиться, а Матруна и не думала; глупый

Янко остался подлѣ нея, приводя въ порядокъ вѣтки, чтобы ихъ не разнесло вѣтромъ. Ея глаза блуждали то по окрестностямъ, то останавливались на Янкѣ то на могилѣ, то на ребенкѣ. Но видно было, что она никого и ничего не замѣчала, только по временамъ ея глаза овлажнялись слезами... Янко смотрѣлъ на нее, въ ожиданіи пока она встанетъ, но она продолжала сидѣть въ томъ же положеніи. Начинало смеркаться.

— Ну, что?—спросилъ онъ вдову.—Пойдемъ въ хату.

Мотруна только покачала головой.

— Не ночевать-же здѣсь!—прибавилъ онъ.—Тебѣ еще кое-какъ, но для ребенка нездорово быть на вѣтру и сырости.

Мать прижала малютку къ груди и посмотрѣла на глупаго Янку, который вовсе не былъ такъ глупъ, какъ казался.

— Къ тому же, что намъ тутъ дѣлать? Похоронили и спокойно лежить... Вставай и пойдемъ!..

Онъ закинулъ лопату на плечо, надѣлъ шляпу и подошелъ къ ней. Мотруна закрыла глаза и опять заплакала.

— Плакать можно и дома. Ночь близка, ребенку будетъ холодно и надо идти...

— Куда? зачѣмъ?—воскликнула Мотруна.— Охъ! доля моя, доля! горькая доля! что я буду дѣлать?

Янко, не обращая на ея слезы вниманія, взялъ ее за руку, приподнялъ съ земли и потащилъ впередъ.

Мотруна оглянулась и хотѣла поднять вѣтку, чтобы положить на могилу, но зашаталась и упала. Янко поднялъ ее.

— Помни, что у тебя ребенокъ на рукахъ,—сказалъ онъ.— Довольно плакать... пойдемъ домой!..

Они ужъ порядочно удалились, когда Янко оглянулся и увидѣлъ Азу, которая какъ тѣнь прокрадывалась къ могилѣ и бросилась на нее въ отчаяніи. Не желая, чтобы Мотруна увидѣла цыганку, онъ поторопился ее и началъ громко говорить, чтобы она не слышала тѣхъ стонѣвъ, которые доносились до его слуха, и наконецъ они скрылись въ ярѣ, обрывъ котораго скрылъ отъ нихъ могилу самоубійцы.

Аза осталась одна, убитая горемъ, безъ памяти и въ глубокомъ отчаяніи. Она вскакивала, обходила вокругъ могилы и опять, то садилась, то вскакивала, метаясь, точно дикій звѣрь въ калѣткѣ. Изъ груди ея вырывались не то стоны, не то от-

рывки пѣсни, не то вопросы, упреки и проклятья. Трудно себѣ представить такое отчаяніе и страданіе, въ какихъ она находилась. Казалось, она совсѣмъ забыла о себѣ, о свѣтѣ, о завтрашнемъ днѣ. Ея глаза вышли изъ орбитъ, губы раскрылись, зубы сжались, кожа на лбу осуналась, брови нахмурились и руки закинулись за голову. Молодая грудь высоко поднималась и колыхалась, какъ волна, по временамъ у нея прерывалось дыханіе и она лежала будто мертвая.

Неизвѣстно, долго-ли она пролежала-бы такъ на могилѣ и когда кончились-бы ея мученія, еслибъ къ ней не подошелъ Апрашъ, который остановился передъ нею въ томъ же величіи своей повелительности, какимъ онъ былъ до лишенія его власти. Онъ посмотрѣлъ на нее и подошелъ ближе.

— Аза!—крикнулъ онъ внезапно повелительнымъ голосомъ.— Маршъ въ обозъ!

Она подняла на него свои безумные глаза.

— Въ обозъ, *егани*, къ *какаби* (горшку), разводить костеръ, варить, ѣсть и служить, а не шлаться по ночамъ и не хныкать на могилѣ!

Дѣвушка остолбенѣла, а цыганъ, схвативъ ее за руку, потащилъ за собой. Она не упиралась, не плакала, не стонала; напротивъ, была послушной...

Въ тотъ же вечеръ обозъ немедленно оставилъ Стависки и скрипящій *верденъ* увезъ связанную Азу, къ которой Апрашъ приставилъ старую Ягу, чтобы та караулила ее.

Розжалованный дѣвушкой вождь опять взялъ бразды правленія таборомъ, а *ромы* и Пуза подчинились ему и слушались попрежнему.

XV.

Между тѣмъ помѣщикъ Адамъ, по уходѣ Азы, послѣ открытія тайны ея любви къ Тумру, прежде всего разсердился, чувствуя себя оскорбленнымъ, униженнымъ и несчастнымъ въ соперничествѣ съ цыганомъ. Сначала онъ хотѣлъ погнаться за ней и наказать, но затѣмъ передумалъ, опустилъ руки и постарался успокоиться.

Но тяжело было справиться съ сердцемъ тому человѣку, который съ молодости не научился управлять имъ и побуждать чувства; онъ вскорѣ замѣтилъ, что полюбилъ цыганку больше, чѣмъ самъ могъ надѣяться. Въ виду этого, онъ рѣшилъ погнаться за таборомъ и, не обращая ни на что вниманія, взять ее силою. Однако, пока онъ думалъ да гадалъ, цыгане ушли ужъ далеко и исчезли безслѣдно.

Но такіе люди, какъ Адамъ, чувствуютъ обиду только въ первыя минуты, а затѣмъ свободно забываютъ ихъ, и онъ, вмѣсто погони за Азой, поѣхалъ въ городъ искать развлеченій, чтобы легче забыть свое прошлое.

Но въ хатѣ послѣ Тумры долго осталась память о немъ. Тамъ каждый гвоздикъ, каждая дощечка, каждый чурбанчикъ напоминалъ съ какимъ трудомъ строилась мозаика, и бѣдная Мотруна осталась въ ней оплакивать свою горькую судьбу.

Хотя послѣ смерти цыгана братья болѣе сочувственно стали относиться къ ней, но мало чѣмъ могли помочь и улучшить ея бытъ. Братья, быть можетъ, взяли бы ее къ себѣ съ ребенкомъ, но ихъ жены и слушать этого не хотѣли, а потому она должна была поневолѣ остаться на мѣстѣ и сама заботиться о своихъ средствахъ къ жизни.

Но Господь послалъ ей покровителя и помощника въ лицѣ Янки дурачка. Будучи особенно расположеннымъ къ Мотрунѣ, онъ и теперь не оставлялъ ее безъ своей помощи, благодаря чему сдѣлался какъ бы семьяниномъ. Въ тотъ же вечеръ, по возвращеніи съ похоронъ, онъ привнесъ вязанку соломы и устроилъ себѣ берлогу въ сѣняхъ избышки Мотруны, подъ лѣсенкой на чердакѣ, а на слѣдующій день пошелъ домой, прихватилъ разныя лохмотья, называвшіяся его собственностью и, не сказавъ ни слова, навсегда оставилъ отцовскій домъ.

Такимъ образомъ, Мотруна получила въ немъ больше чѣмъ работника и слугу, даже брата, который постоянно и неусыпно заботился о ней и сиротѣ.

Въ семьѣ Янки не скоро было замѣчено его отсутствіе, но когда онъ понадобился сестрамъ и братьямъ, которыхъ онъ выручалъ въ самыхъ тяжелыхъ и мелкихъ работахъ, они почувствовали его недостачу. Узнавъ, гдѣ Янко, старшій братъ пошелъ къ нему съ цѣлью погнать его домой. Онъ засталъ

его сидящимъ въ сѣняхъ на кучѣ соломы и вяющимъ изъ пакли веревку.

— Ты что здѣсь дѣлаешь, дармоѣдъ? — крикнулъ на него братъ. — Домой, лѣнтяй эдакій!

Янко приподнялъ голову, прищурилъ одинъ глазъ, плюнулъ и продолжалъ свою работу.

— Ты что же это себѣ думаешь?

— Думаю остаться здѣсь, и останусь! — спокойно возразилъ Янко.

— Такъ мы тебѣ и позволимъ! Сейчасъ домой!

— Зачѣмъ я вамъ дома? Мало ли вы еще издѣвались надо мной, называя дармоѣдомъ и лѣнтяемъ?.. Я не хочу даромъ ѣсть вашъ хлѣбъ... да и не ѣлъ... Я за свой трудъ не получалъ отъ васъ ни шубенки, ни свитки, ни новой рубашки, ни даже лаптей... Вы говорили, что я не нуженъ, я и ушелъ, а теперь ты уходи отъ меня съ Богомъ, мой братецъ, и кланяйся отъ меня старому псу Лыскѣ...

Братъ хотѣлъ его избить, но получилъ такой отпоръ, котораго не ожидалъ отъ карлика: Янко вышвырнулъ его изъ сѣней и заперъ дверь, задвинувъ ее коломъ поперекъ.

Братъ, поругавшись вдосталь, вынужденъ былъ уйти и пожаловался на Янку во дворъ. Карлика туда позвали на расправу; но онъ съ такимъ азартомъ защищалъ свои права, что ему безусловно позволили остаться при Мотрунѣ.

Мотрунѣ и Янкѣ даже и въ голову не приходило, чтобы ихъ заподозрили въ близкихъ отношеніяхъ; но злые языки не прощали ни кривому карлику, ни больной Мотрунѣ и говорили о томъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такая мысль могла родиться только въ головѣ старыхъ бабъ и завистливыхъ невѣстокъ, лишившихся помощи безобразнаго уродца. Тѣмъ не менѣе сиплетня существовала.

Между тѣмъ они оба молчали по цѣлымъ днямъ и только изрѣдка Янка, чтобы развлечь скучающую Мотруну, рассказывалъ ей разные рассказы и сказки, которые самъ слышалъ. Едовушка молча слушала его; она до того привыкла къ этому молчанію, что отъ нея трудно было иногда добиться слова. Только по временамъ она пѣла пѣсни у колыбели и тяжело вздыхала, но не жаловалась на свою обособленность и скуку.

Такъ текла ея жизнь изо дня въ день, монотонно и однообразно, превращаясь по численности дней въ недѣли, мѣсяцы и годы. Вокругъ нея была оживленная жизнь: люди рождались и умирали; любили и женились; радовались и плакали; только въ ея лачугѣ царствовала полнѣйшая тишина и спокойствіе, хотя обросла мхомъ и сама она чахла и блѣднѣла отъ постоянного и часто непосильнаго труда.

Въ свою очередь и Янко желтѣлъ и горбился; ребенокъ ужъ началъ ходить и ему нужна была питательная пища. Однако ее негдѣ было взять въ достаточномъ количествѣ, да и работы не всегда можно было достать: многіе боялись довѣрить ей, во избѣжаніе ближайшихъ отношеній съ нею, какъ съ нищей. Хотя, благодаря стараніямъ Янки, не было недостатка въ насущномъ хлѣбѣ, но не было также и самыхъ необходимыхъ вещей, для удовлетворенія потребностей жизни. Лѣтомъ, когда дѣвочка подросла, она могла брать ее съ собой въ поле на работы и нанималась жать, полоть, сгребать сѣно, конать картофеля и проч. Янко тоже ходилъ работать и иногда зарабатывалъ вдвое больше, чѣмъ Мотруна, и такимъ образомъ они прикапливали средства къ зимѣ, а зимою она только пряла и и они проживали накопленное лѣтомъ, такъ какъ пряжей нельзя было много заработать.

Однако, находясь въ постоянной борьбѣ съ трудомъ, Янко, чрезъ нѣсколько лѣтъ началъ чувствовать ослабленіе силъ. Будучи человекомъ съ предрасудками, онъ не понималъ отчего слабѣлъ и приписывалъ это злему глазу которой-либо изъ нѣвѣстокъ. Въ виду этого, онъ началъ ходить къ знахарямъ, у которыхъ сталъ лѣчиться «съ глазу», принималъ отъ нихъ всякія лѣкарства, заговоры и наговоры, благодаря чему еще хуже расхворался и наконецъ слегъ въ постель. Только какой-то особенной силѣ воли онъ былъ обязанъ тѣмъ, что, по временамъ, поднимался и, съ палкой въ рукахъ, все-таки помогалъ Мотрунѣ въ ея домашнихъ работахъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ себя плохо и однажды вечеромъ, когда ему сдѣлалось чрезвычайно дурно и онъ почувствовалъ приближеніе своей смерти, онъ тихо всталъ съ постели, взялъ посохъ въ руки и, не попрощавшись съ Мотруной, которой не хотѣлъ надѣлать хлопотъ, въ случаѣ своей

смерти, пошелся къ братьямъ... Чтобы добрести до нихъ, онъ долженъ былъ употребить послѣднія усилія... Ему сдѣлалось совсѣмъ дурно, однако онъ доползъ до дверей, но едва переступилъ порогъ братней избы, какъ грохнулся около самой печки, почти безъ чувствъ.

— Ха-ха! — слабо засмѣялся онъ. — Вы, братья мои, хотѣли, чтобы я вернулся къ вамъ?.. Ну, вотъ я и явился къ вашимъ услугамъ!.. Теперь вы должны хоть похоронить меня за отцовщину...

Черезъ часъ Янки не стало, и братья, хотя сильно разсердились, но должны были похоронить.

Невозможно описать жалости Мотруны, когда она, совсѣмъ неожиданно, узнала о смерти Янки. Она такъ сжилась съ нимъ и до того изучила карлика, что съ разу угадала его мысль, что онъ даже въ послѣдніе минуты своей жизни помнилъ о ней и не хотѣлъ сдѣлать непріятности, а тѣмъ больше хлопотать относительно похоронъ. Сильно привыкши къ нему, она не знала, какъ ей прожить безъ него и какъ она справится одна съ ребенкомъ...

Такимъ образомъ, судьба второй разъ лишила ея человѣка, на помощь котораго она могла рассчитывать.

Пройдя за его гробомъ и положивъ на него, по обычаю, каравайчикъ хлѣба и кусокъ полотна, она попрощалась, поцѣловавъ крышку гроба, и вернулась домой въ пустую, даже очень пустую хату, думая о томъ, что она теперь будетъ дѣлать одна съ ребенкомъ, и ея руки опустились. Но щебетанье дочурки привело ея въ себя: она воспрянула духомъ и вспомнила о томъ, что теперь она одна должна заботиться какъ о себѣ, такъ и о дочкѣ...

Она по прежнему прjala, но теперь некому было ни отнести пряжи, ни выпросить новой, и это приходилось дѣлать самой...

Въ такой нуждѣ, грозящей каждый день голодомъ и смертью, росла несчастная дѣвочка Маруся. Мать, какъ и всѣ матери, видѣла въ ней свое маленькое чудо и возлагала на нее въ будущемъ большія надежды. Впрочемъ, даже чужіе и несочувствовавшіе Мотрунѣ смотрѣли на нее съ большимъ интересомъ, когда дѣвочка, держась за фартухъ матери, бѣжала за ней, подпрыгивая какъ птичка...

Марысь, какъ ее вообще называли, оказалась прелестнѣйшей дѣвчуркой, въ лицѣ которой замѣтны были соединенные восточный и сѣверный типы и третій, совсѣмъ особенный, придававшій ей только особенную прелесть. Она обладала черными глазками, но простыми и немного искривленнымъ носомъ, высокими лбомъ и выдающимся, преисполненнымъ улыбки, губами, замѣчательно бѣлымъ тѣломъ и свѣтло-русыми волосами. Еще въ дѣтствѣ можно было замѣтить, чѣмъ она могла быть, когда вырастетъ и разовьется.

Мотруна любила ее до безумія, наряжала ее во что могла, и жила ею, любясь ея личикомъ, умомъ, смышленностью, ласковостью и добротой. Изъ каждаго ея слова она замѣчала ея желаніе скорѣе вырасти и быть полезной матери... Будучи еще маленькой, она старалась помогать ей во всемъ и часто удивляла ее своими вопросами или отвѣтами, которымъ могли позавидовать болѣе взрослые дѣти, такъ что Мотруна готова была молиться на своего ребенка. Между тѣмъ Маруська, съ утра до вечера, то играла въ избушкѣ, то пѣла, то бѣгала по двору, интересуясь каждымъ предметомъ, и когда мать почему-либо печалилась и плакала, она становилась у ея колыбель и спрашивала:

— Мама! о чемъ ты плачешь?

Воспитываясь въ полномъ недостатокѣ, Маруся обладала особеннымъ инстинктомъ помогать своему горю, и часто въ ея дѣтской головкѣ проявлялись такія мысли, какихъ не было у матери. Къ тому же она умѣла такъ приласкаться къ каждому, улыбнуться и понравиться, что даже старыя бабы, возвращаясь изъ мѣстечка, бросали ей то яблоко, то баранокъ, то какое-либо другое лакомство.

Такъ прожила Маруся до двѣнадцати лѣтъ; съ этого времени жизнь ея начинается измѣняться и дѣлается болѣе или менее самостоятельной.

Конецъ второй части.

ХАТА ЗА ОКОЛИЦЕЙ.

ПОВѢСТЬ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

І. КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К^о», Фонтанка 95.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 іюля 1900 года.

Часть третья.

I.

Хата за околицей почти никогда не была новой, благодаря своему устройству изъ древесныхъ кустовъ, обмазанныхъ глиною, а чрезъ двѣнадцать лѣтъ она и совсѣмъ сдѣлалась старушкой, которою можно было поддерживать, подбадривать, подмазывать, затыкать и вставлять сгнившія бревнышки. Крыши тоже не кому было починить соломой, а потому ее задѣлывали дерномъ, который хотя и не пропускалъ дождя, но былъ слишкомъ тяжелымъ для тонкихъ стропилъ, которыя совсѣмъ перегнулись до основанія потолка съ настилкой изъ моха и земли.

Зато лѣтомъ весь дернъ на крышѣ зеленѣлъ, напоминая лугъ, съ котораго былъ взятъ, а когда разцвѣталъ, то было посматрѣть. Среди всякой луговой травы, цвѣли цвѣточки, которыя какъ будто удивлялись, какимъ образомъ они попали на крышу. Туда же занесло сѣмечко двухъ березокъ, которыя, растя, мало по малу выросли выше трубы. Но хуже всего было то, что бревнышки, не связанные шипами между собою, выворачивались, избенка перекашивалась, кривилась и садилась въ землю, такъ что поневолѣ приходилось класть заплатки изъ хвороста и глины, размываемой дождемъ, высушиваемой солнцемъ и выдуваемой вѣтромъ. Единственное оконце, мало пропускавшее свѣта, находилось въ землѣ, и въ дверь приходилось входить совсѣмъ согнувшись, благодаря чему хату можно было назвать не мазанкой, а землянкой. Разумѣется, въ ней было сыро и душно, какъ въ плохомъ погребѣ.

Тѣмъ не менѣе Мотруна жила въ ней съ дѣвочкой, не выдавшей лучшихъ жилищъ и считавшей свою лачугу волшебнымъ дворцомъ, который она любила и не промѣняла бы на хорошую бревенчатую хату.

Несмотря на замѣнутую жизнь съ печальною и съ каждымъ днемъ блѣднѣющею матерью, невыносившею сырой атмосферы, дѣвочка однако же была румяной, улыбающейся и цвѣтущей. Вообще деревенскія дѣти растутъ какъ птички небесныя и какъ цвѣты въ полѣ, предоставляемая судьбой воспитанію природы. Имъ не страшны ни холодъ, ни зной, ни дождь, ни буря; только бы былъ хлѣбъ и они были сыты.

Но у дочки Мотруны часто даже и этого не доставало, ибо мать была черезчуръ робка и молчалива, а крестьяне недогадливы, равнодушны и несострадательны. Будучи еще молодой и достаточно сильной для заработка, Мотруна не хотѣла нищенствовать или посылать подрастающую Маруську съ Христовымъ именемъ, а потому часто, при неимѣнніи работы или при какомъ-нибудь недугѣ, терпѣла голодъ и питалась, чѣмъ попало, и это расшатывало организмъ бѣдной женщины.

Хотя теперь ужъ ее не отталкивали, какъ въ былое время, тѣмъ не менѣе называли съ презрѣніемъ „цыганихой“, а ея дочку „цыганочкой“, а это обижало ее и возбуждало самолюбіе, благодаря чему она только въ крайностяхъ обращалась за помощью, обѣщая отработать пряжей или чѣмъ-нибудь другимъ. Въ особенности было непріятно Мотрунѣ, что ея дѣвочку избѣгали деревенскія дѣти, сторонились, убѣгали и насмѣхались, называя ея дочкой колдуньи. Какъ дѣвочка ни старалась понравиться имъ, быть ласковой и услужить, но дѣти никакъ не хотѣли съ нею дружить и Маруся всегда была одинокой и обособленной.

Благодаря этому, она привыкла быть одной и люди нисколько не привлекли ее. Она сидѣла по цѣлымъ днямъ на порогѣ и смотрѣла то на кладбище, то на утесъ, въ которомъ ласточки вили свои гнѣзда, мелькая передъ нею стрѣлою инося матерьялъ для гнѣзда. Она наблюдала за ними и видѣла, какъ они живутъ и чѣмъ питаются. По ихъ безпокойству и суматохѣ, она научилась узнавать перемѣну погоды и приближеніе бури. Ее забавляли также воробьи, сороки, во-

дившіяся на кладбищенскихъ вербахъ, вороны и другія птицы, за которыми она наблюдала и знала ихъ жизнь и обычаи. Въ особенности ее утѣшали маленькіе суслики, которые водились въ большомъ количествѣ и покрывали поля и дороги.

Въ хорошей день или лунную ночь суслики имѣютъ обыкновеніе выходить изъ норокъ и дышать свѣжимъ воздухомъ. Ихъ оживленные движенія, скачки и прыжки забавляли дѣвочку и она сидѣла не шелохнувшись, чтобъ не испугать и не лишить себя удовольствія смотрѣть на нихъ.

Такъ какъ эта мѣстность была пустынна, то Маруся имѣла возможность наблюдать за каждой птичкой, пролетавшей въ лѣсъ на ночлегъ; между ними были рѣдкіе гости, какъ напримѣръ, утки, скворцы, журавли и проч.

Словомъ, ей было на что смотрѣть, чему радоваться и удивляться. Молодые глазки видѣли насквозь свѣтъ какимъ-то непонятнымъ инстинктомъ сердца и предчувствія. Часто цѣлыя тучи комаровъ или весеннихъ бабочекъ привлекали ея вниманіе и она слѣдила за ними, пока они не исчезали гдѣ-либо вдаль, думала о нихъ и о цвѣточкахъ, которыхъ никто не сѣетъ, не поливаетъ, а они сами росли. Всѣ мечты ея были точно чудесныя сказки, какъ поэтическая пѣсня и какъ сама молодость, преисполненная восхищенія.

Зимою, сидя съ матерью взаперти, дѣвочка щебетала безъ умолку, рассказывая ей, что она видѣла лѣтомъ, и часто задавала матери такіе вопросы, на которые та не могла отвѣтить, а только вызывали улыбку на ея поблѣднѣвшія губы. Но Маруся чудеснымъ образомъ отгадывала то, что мать не могла объяснить. Къ тому же матери часто было не до отвѣтовъ, и въ то время, когда дѣвочка видѣла все въ радужномъ цвѣтѣ, она плакала, жаловалась и .. даже проклинала...

Такое противорѣчивое настроеніе матери съ ея восторженными стремленіями къ весенней природѣ дѣвочка никакъ не могла понять и сообразить. Въ ея стонахъ и оханьяхъ она только видѣла ея страданія, которыхъ не замѣчала въ любимыхъ ею твореніяхъ, и поэтому стала думать, что мать, вслѣдствіе своей болѣзни, не сочувствовала ничему прекрасному. Ея понятія о жизни были еще такъ первобытны, дѣтски-наивны и обманчивы, что, слушая ихъ, нельзя было не

умилиться и не заплакать. Она шла противъ судьбы своей какъ жертва на закланіе, увѣнчанная цвѣтами, не зная, что ее ждетъ впереди и не видя ни ножа, ни костра, ни висѣлицы, а только путь, устланный одними розами.

Итакъ, Маруся росла, какъ Божье творенье, не зная ни горя, ни печали, ни заботы. Между тѣмъ, мать замѣтно старѣлась съ каждымъ днемъ и съ каждой недѣлей, стремясь къ преждевременной могилѣ—она не жила, прозябала, и даже родное дѣтище не привязывало ее къ жизни, потому что совсѣмъ изнурилась и ослабѣла.

Разумѣется, болѣзнь ея пришла не сразу, а началась съ достопамятнаго ей замужества. Всякія непріятности, заботы, хлопоты, думы о насущномъ кускѣ хлѣба, холодъ, голодъ, недоѣданіе и недосыпаніе—незамѣтно подтачивали и разрушали ея организмъ; но все же она надѣялась, что прежде, чѣмъ ей будетъ суждено умереть, она выраститъ дочку. Однако, она ошиблась и однажды замѣтила, что не можетъ поднять двухъ ведеръ воды и что самое хожденіе по хатѣ сильно утомляетъ ее.

Она сѣла на постель и заплакала.

Маруся видѣла ея слабость, но приписывала ея худобу и безсиліе лѣтамъ, считая ее вдвое или втрое старше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Замѣтивъ это въ послѣдній разъ, она близко приняла къ своему сердечку материнское ослабленіе и съ большой охотой предложила ей помочь. Она и то ужъ во многомъ ей помогала, въ особенности въ пряжѣ, которую очень любила и не дурно прядла.

— Отдохни, мамочка, — сказала она, ласкаясь къ ней. — Въдь я ужъ подрастаю и могу замѣнить тебя кое въ чемъ... Хоть два ведра воды я еще не легко поднимаю, но я могу носить ихъ неполными, да и вязаночку дровъ свободно принесу изъ лѣсу... Отдохни, милая!

Щебетанье ребенка вызвало на глаза матери еще большія слезы, и она прижала дѣвочку къ своей изсохшей груди.

— Ахъ, горлянка ты моя ненаглядная, голубка ты моя милая! — тихо отвѣтила мать: — охоты-то у тебя много, да силенки-то мало!.. Не мудрено поднять ведра съ водою на мѣстѣ, но взнести ихъ на гору или принести дровъ изъ лѣсу — не шуточное дѣло. Тяжелыя работы тебѣ еще не подъ силу!..

— Ничего, справлюсь какъ-нибудь!.. Вѣдь вы часто говорили мнѣ, что если кто захочетъ, или нужда заставить, то можетъ сдѣлать все и поставить на своемъ!

— Это только въ сказкѣ говорится!

— А что такое сказка?

— Людской вымыселъ для утѣхи человѣка... Можетъ прежде и бывало такъ, но теперь не то... Теперь и свѣтъ скучный и люди безсердечны!..

— Нѣтъ, мамочка, это тебѣ такъ кажется; да и что намъ до людей, если они злые? Добраго человѣка, какъ ты говорила, охраняетъ добрая сила; значитъ, злая сила ничего не сдѣлаетъ доброму...

— Дай Богъ! — отвѣтила мать и вздохнула. — Ей хотѣлось спросить, что бы она стала дѣлать, если-бъ мать умерла?—но не рѣшилась, боясь огорчить ребенка, который между тѣмъ радовался, что будетъ помогать матери и хозяйничать въ хатѣ.

Богъ знаетъ, что творилось въ головкѣ дѣвочки, но въ эту ночь она не могла заснуть, вертѣлась на постели и ея сердечко сильно билось.

— Ужъ я знаю, какъ взяться за хозяйство и какъ повести его!—мечтала она, ворочаясь на жесткой постели.—Прежде всего я выйду на дорогу, и когда люди поѣдутъ на ярмарку, буду кланяться имъ и ласково улыбаться. Можетъ быть, кто-нибудь сжалятся и подарить мнѣ хоть ягненочка, или козленочка, или курочку чубатенькую... Я выращу и выкормлю ихъ и черезъ годъ у меня будетъ вдвое больше, а черезъ два—много-много, цѣлое стадо... Въ селѣ есть много пряжи... Вѣдь я ужъ умѣю прясть, хотя грубо, но ровно, и можно хоть на рубашки... Авось заработаю что-либо, то крупичицы, то мучичицы, то хлѣбца, то молочка... Ну, и поидетъ у меня хозяйство, и поидетъ!.. А потомъ я вырасту... ко мнѣ придутъ сваты изъ богатой хаты, принесутъ матери подарокъ, поклонятся ей и въ ручку поцѣлуютъ, въ церкви будетъ свадьба, много народу... свекорь посадить мою маму въ теплую свѣтелку и она будетъ жить съ нами...

Мечтамъ ея не было конца и она видѣла себя полной хозяйкой въ бѣлой избѣ съ амбарами, въ которыхъ было хлѣба

полны закромы, много лошадей, скота, птицъ и... и сонъ смежилъ ея усталые глаза, преисполненные радости.

Но когда она проснулась, то увидѣла надъ собою блѣдную, худую, пожелтѣвшую мать, которая стояла у ея постели, опершись на костыль. По одеждѣ она угадала, что мать собирается куда-то уйти...

— Куда ты, мама?—спросила она, думая, что мать хотѣла идти по воду.— И зачѣмъ ты встала съ постели?

— Лежи, лежи, дитя мое!—отвѣтила мать, — а мнѣ надо сходить въ село...

— Зачѣмъ? Пошли меня и я живо добѣгу.

— Нельзя послать... надо самой пойти къ Солодухѣ, посоветоваться на счетъ моей болѣзни...

— Лучше я ее приведу сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ... мнѣ надо самой... ты сиди дома.

— Но ты совсѣмъ слабенькая, мама...

— Ничего, какъ-нибудь доплетусь... Я скоро ворочусь... Не хочу разлеживаться...

И Мотруна, хотя шатаясь и держась за косякъ, вышла за дверь. Маруся посмотрѣла ей вслѣдъ и съ бьющимся сердцемъ вернулась къ постели.

— Если такъ!—подумала она, надѣвая юбочку и накидывая передникъ на голову, такъ какъ шелъ дождикъ, — я сейчасъ принесу воды, затоплю печку, сварю похлебку, и пока мама вернется, у меня все ужъ будетъ готово. Она увидитъ, какая я хозяйка...

И дѣвочка принялась за работу. Между тѣмъ Мотруна еле плелась по тяжелой дорогѣ, останавливаясь черезъ каждые два-три шага; а до старой знахарки Солодухи было не близко; ея хата находилась въ другомъ концѣ села, а село большое и дорога гористая... Для молодого и здороваго человѣка было пустякомъ пройти двѣ-три версты, а для больного, да еще по дождливой погодѣ, черезчуръ тяжело.

Солодухѣ тоже свѣтъ не былъ раемъ, хотя она меньше нуждалась, чѣмъ цыганиха. Прежде всего у старухи былъ мужъ, хотя слѣпой и пьяница, который частенько поколачивалъ ее, но онъ былъ хитрый и ловкій бродяга и часто приносилъ ей деньги, хлѣбъ, сухари и разные другія подаванія.

Кромѣ того, у нея былъ свой заработокъ. Она караулила ворота изъ села въ поле, отпирала и запирала ихъ для проѣзжихъ и лѣчила людей... Какъ она изучила народную медицину, это она и сама, пожалуй, не знала, а все же лѣчила: одному помогла, а потомъ и другой пошелъ; ну, вотъ она и сдѣлалась знахаркой, одной на все село. Кромѣ того, она была повитухой и костоправкой... Хотя сельчане не любили ее, за ея острый языкъ, но когда являлась нужда, то поневолѣ обращались къ ней.

Мужъ Солодухи, старый Ратай, какъ его называли въ селѣ, не постоянно нищенствовалъ и бродяжничалъ, потому что былъ лѣнивъ, но больше всего сидѣлъ въ корчмѣ или лежалъ дома, а ходилъ, главнымъ образомъ, на ярмарки и на богомолья.

Несмотря на то, что Ратай былъ слѣпой, онъ такъ ловко и хорошо ходилъ, что не нуждался въ поводырѣ, и если оставался на отдыхъ, то зналъ и помнилъ куда идти, не спрашивая людей. Находясь въ полѣ или въ лѣсу, въ селѣ или въ мѣстечкѣ, онъ не сбивался ни съ одной тропинки, которыя были проложены то людьми, то скотомъ, то звѣремъ, такъ что всѣ только удивлялись. Даже когда онъ напивался, то пока стоялъ на ногахъ, никогда не сбивался съ дороги и, проспнувшись съ больной головой, не спрашивалъ, куда идти и въ какую сторону.

Онъ съ женой—были пара: оба любили выпить и пили до тѣхъ поръ, пока у нихъ было за что пить. Будучи моложе, она шлѣлась по цѣлымъ мѣсяцамъ и не заглядывала домой, а Ратай въ то же время короталъ свою жизнь то на телѣгѣ, то подъ телѣгой. Подъ старость они сошлись опять и стали сторожить ворота, ссориться и ворчать другъ на друга.

Солодуха была высокаго роста, крѣпкая, сильная, здоровая и, въ сущности, настоящая знахарка, если не болѣзней, то людей. Достаточно было ей посмотреть на человѣка, какъ она угадывала, что онъ думаетъ, а если онъ былъ боленъ, то сколько ему осталось до смерти.

Вообще, въ хатѣ Солодухи и Ратая, при ихъ ремеслѣ, не было бы недостатка, если-бъ они не пили, а напротивъ, могъ быть полнѣйшій достатокъ; но все то, что они приберегали на черный день, уходило на водку, и они иногда перебивались,

какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Оба они не были злыми и когда могли—дѣлали добро, и ихъ даже не считали, какъ другихъ знахарей, колдунами, которые могли повредить людямъ или скоту...

Салодуха, несмотря на сырую погоду, сидѣла на порогѣ, упершись рукой въ подбородокъ, а за ней въ сѣняхъ лежалъ старикъ на вязанкѣ соломы. Вдругъ она увидала идущую къ ней Мотруну. Взглянувъ на нее издали, она закачала головою и воскликнула:

— Кто бы могъ сказать, что я знала ее дѣвочкой и ея мать была моложе меня?.. А теперь — поди-жъ ты! совсѣмъ сдѣлалась старухой!.. Вотъ тебѣ и цыгань! вотъ тебѣ и любовь!

— О комъ ты говоришь?—спросилъ Ратай.

— Знамо, о цыганихъ! Еле идетъ, бѣдная... видно посовѣтоваться... Но кому суждено умереть, то ужъ никакія травы не помогутъ. Я давно знаю, что она до зимы не доживетъ. Душа еле держится въ тѣлѣ и только ищетъ щелочки, куда бы улетѣть.

— Ой-ой! какая ты знахарка,—заворчалъ старикъ,—вотъ если-бъ ты такъ знала свой послѣдній часъ!.. Окопачивай людей, но не морочь меня!.. Развѣ я тебя не знаю?

— Замолчи, старый песъ! Я и тебѣ еще предскажу послѣдній часъ.

— Не дожидаться тебѣ этого, змѣя!

Они навѣрное поссорились бы, если-бъ въ эту минуту не подошла Мотруна. При ея приближеніи, Салодуха приняла видъ, соответствующій ея знахарству, ласковый, но таинственный.

— Что съ тобой, моя голубка, приключилось?—спросила она:—никакъ занемогла?

— Даже хуже, чѣмъ ты думаешь!—возразила Мотруна,—совсѣмъ умираю!

— Ну, что попусту говорить! Христось съ тобою! Развѣ кто можетъ самъ себѣ предсказать смерть? Ну, что съ тобою? Скажи, моя голубка... Авось что-либо и найду для твоей болѣзни.

— Э! гдѣ тебѣ!—покачала Мотруна головою, садясь на колоду, противъ порога.

Такое недовѣріе къ ея знахарству задѣло старуху и она болѣе рѣзко спросила:

— А зачѣмъ же ты ко мнѣ пришла, какъ не за совѣтомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. не за совѣтомъ... за милостью и за милосердіемъ!—отвѣтила Мотруна, отдохнувъ. — Мнѣ ужъ не жить на бѣломъ свѣтѣ!.. Я давно чувствую, что не доживу до сѣдыхъ волосъ... Не жаль было бы мнѣ разстаться со свѣтомъ... но ребенокъ... Вотъ такъ жизнь потихоньку, потихоньку уходила да и совсѣмъ ушла... Теперь ужъ ее ничѣмъ неворотить... Но, Господь знаетъ, что дѣлается... проклятіе отца тяготѣть надо мною... Въ селѣ нѣтъ у цыганихи брата, а у ребенка не будетъ дяди и опекуна... Маруся можетъ погибнуть... Такого мученія, какъ мое, ты не можешь понять, потому что у тебя нѣтъ дѣтей... Я-бы хотѣла жить... и мучиться, чтобъ только выростить его... но Господь не позволяетъ за мои грѣхи... Что будетъ съ Марусей... ума не приложу!..

— Богъ не оставитъ ее!—возразила Солодуха,—и на свѣтѣ живутъ не волки, а люди!

— О, Богъ всегда и со всѣми, но Онъ строго караетъ за грѣхи... а люди...

— Чортъ бы ихъ побралъ, этихъ людей!—отозвался старикъ изъ своей берлоги,—они не лучше волковъ!

Никто изъ двухъ женщинъ не обратилъ вниманія на стараго Ратая и Мотруна продолжала свое.

— Ахъ, дитятко! дитятко! Что будетъ съ нею?.. Смерть моя приходитъ, а она держитъ меня за сердце!..

— Ну, вотъ, глупости!—сказала Солодуха, пересаживаясь къ Мотрунѣ на мокрую колоду. — Неужели, какъ голова заболитъ, такъ ужъ и умирать?! Поживешь еще... Лучше скажи, что съ тобой?

— Сама видишь, что конецъ мой приходитъ!—возразила больная, грустно улыбаясь.—Всю жизнь сохла, чахла, слабѣла, застывала—и вотъ, не сегодня, такъ завтра умру.

— Будетъ тебѣ ужъ пророчить смерть!

— Что-жъ, коли я чувствую ее!.. Надо умирать и не мнѣ ужъ помочь... помогите ребенку...

Старуха покачала головой.

— Какъ ей помочь!.. — отвѣтила старуха. — У тебя есть свои!..

— Свои! свои!—съ горечью произнесла больная,—эти свои хуже чужихъ и о нихъ нечего вспоминать. Посовѣтуй что дру-

гое. Сохрани Богъ—помру, и она останется одна, несчастная, въ пустой избушкѣ, безъ куска хлѣба!.. Погибнетъ, бѣдная!

— Возьмутъ во дворъ!

— Ну, это ужъ послѣднее дѣло!—запротестовала Мотруна, махая руками.—Не хочу, не хочу! Видѣла я сиротъ, выросшихъ на барскомъ дворѣ... Маруся будетъ красивой дѣвушкой и красота погубить ее... Лучше пусть съ голоду умретъ, только честной. Вы вотъ, Солодуха, бездѣтны... возьми Марусю и замѣните ей меня... будьте ей матерью и отцомъ.

При этихъ словахъ, выраженныхъ съ болью въ сердцѣ, Солодуха и Ратай вскочили съ своихъ мѣстъ и пробурчали что-то непонятное, послѣ чего настало глубокое молчаніе, во время котораго супруги переглянулись. Хотя Ратай былъ слѣпой, но его бѣлки повернулись въ сторону старухи.

Мотруна, захвативъ воздуха всей грудью, тяжело вздохнула и продолжала, не обращая вниманія на ясно обнаружившееся на ихъ лицахъ неудовольствіе.

— Она не объѣстъ васъ и сдѣлаетъ все за троихъ... Такого ребенка вы не найдете во всемъ селѣ... На нее можно и хату оставить, и послать куда... Она все понимаетъ... умная дѣвочка, тихая, покорная! У васъ будетъ слуга и собственный ребенокъ...

— Ну, что говорить преждевременно!—возразила старуха, —что думать о смерти и вызывать волка изъ лѣсу!

— Онъ ужъ самъ вышелъ и стоитъ противъ меня,—тихо и еле дыша произнесла больная.

— Больному всегда смерть мерещится...

— Ну, такъ какъ-же? Возьмете мою Марусю?

Старикъ вышелъ къ порогу и началъ прислушиваться, качая головой.

— Видишь ли,—отвѣтила съ колебаніемъ старуха, вертя уголь передника въ рукахъ,—объ этомъ надо подумать, чтобы не пригласить гостя къ порожней мискѣ. Ты сама знаешь, какая наша жизнь... У насъ самихъ не всегда бываетъ хлѣбъ... Конечно, мы охотно подѣлились бы, чѣмъ Богъ пошлетъ, но у насъ ей едва ли будетъ хорошо...

— А гдѣ же ей можетъ быть лучше? Если-бъ какой-либо богатый человѣкъ и взялъ бы сироту, то онъ станетъ помы-

кать ею, какъ чужой. У васъ нѣтъ своихъ дѣтей, сами вы бѣдные, понимаете горе и нищету, а потому и не станете упрекать и колоть ей глаза за съѣденный кусокъ хлѣба.

Старики молчали. Наконецъ Ратай вышелъ изъ сѣней и, опираясь на костыль, остановился передъ Мотруной.

— Что тутъ долго говорить, сосѣдка! — отозвался старикъ. — Мы возьмемъ Марусю! А если Солодуха не захочетъ, то я намну ей бока костылемъ.

Старуха разсмѣялась и подошла къ мужу. Ей не хотѣлось заводить ссоры при посторонней и къ тому же больной женщинѣ.

— Ахъ, ты старый хрычъ! — ласково отозвалась она. — У тебя все шутки на умѣ!.. Ну, ну! убери свой костыль для собакъ, а мы и безъ него поладимъ какъ-нибудь.

Ратай проворчалъ что-то и замолкъ. Мотруна залилась слезами.

— Возьмите! возьмите! и будьте ей родными... покровителями! Только бѣдные люди знаютъ, что такое нужда, а я за васъ и въ гробу буду молиться!..

— Ну, ужъ успокойся за своего ребенка! — прервала Солодуха. — Кого Богъ сотворилъ, того голодомъ не уморилъ! Еще ты сама вырастишь ее!

— Спасибо! — отвѣтила больная. — Коли умру, то ужъ кто-нибудь похоронить, а только бы ребенокъ былъ пристроенъ!.. Теперь я спокойно могу умереть.

И Мотруна хотѣла встать, опираясь на палку, но едва она поднялась, какъ опять грузно сѣла на колоду.

— Куда же тебѣ идти такой больной? — сказала Солодуха. — Посиди и отдохни. Пойдемъ въ избѣ, на дворѣ сыро.

— Нѣтъ, поплетусь, — отвѣтила больная съ какимъ-то безумнымъ взглядомъ. — Авось доплетусь какъ-нибудь до своего порога.

— погоди! — воскликнула старуха, всплескивая руками. — Вонъ ѣдетъ поповскій работникъ Мойсей, попросимъ его, и онъ довезетъ до кладбища...

— Хорошо бы, если-бъ подвезъ...

— погоди... вѣдь я вылѣчила его на прошлой недѣлѣ, а онъ даже чаркой водки не угостилъ за это... я ужъ устроюсь съ нимъ.

Солодуха махнула работнику.

— Слышь ты! — крикнула она: — хочешь, чтобъ опять чирій сѣлъ у тебѣ подъ мышкой?

— Что ты, что ты, баба! Я радъ, что отъ того избавился!.. Спасибо, что вылѣчила!..

— То-то же!.. Отвези-ка больную цыганиху въ ея хату. Она совсѣмъ не можетъ идти!..

— Почему не отвезти? Отвезу!.. Только пусть лучше укроется, чтобъ люди не видали, а то какъ бы въ корчмѣ не засмѣяли меня, что я побратался съ цыганихой!..

Солодуха помогла больной сѣсть на телѣгу съ соломой, и она уѣхала. По дорогѣ болѣзнь ея усилилась отъ тряски и безпокойства за судьбу дочери, и она только съ помощью Моисея слѣзла съ телѣги и еле доплелась до своей постели.

Въ хатѣ было пусто, потому что Маруся ушла въ лѣсъ собирать сухія вѣтки для прибавки ихъ въ печку, и Мотруна успѣла отдохнуть, пока она вернулась съ вязанкой дровецъ.

Когда она пришла, Мотруна встала и ужъ неизвѣстно съ какими силами подошла къ пустому кублу *), на днѣ котораго лежало немного бѣлья и платья. Она вынула оттуда рубашку и старый передникъ, потомъ умылась и молча начала одѣваться.

— Ты опять, мамочка, хочешь куда-нибудь идти? — спросила Маруся.

— Да... надо... можетъ быть... — отвѣтила мать заикаясь. — Надо-бы къ Богу.

— Но вѣдь ты сегодня и безъ того устала!.. — не понимая ее, сказала дѣвочка.

— Нѣтъ... не особенно, Моисей привезъ меня...

— Все-таки лучше бы отложила до завтра...

— Дѣло важное, дѣточка... и съ Богомъ нельзя шутить, — отвѣтила Мотруна, — на глазахъ которой навертывались слезы, но она ихъ проглатывала. — Не безпокойся... Если не смогу, то и не пойду, а надо идти.

— Нѣтъ, мамочка, лучше лягъ и полежи; я сейчасъ подкину въ печку дровецъ. Ужъ я вчерашній крупникъ разогрѣла и тебѣ бы не мѣшало поѣсть...

*) Кубель — родъ сундука — ушата съ крышкой, запирающійся деревяннымъ болтомъ, продѣтымъ въ уши кубла.

Съ этими словами Маруся подошла къ печкѣ и подбросила сухихъ вѣтокъ на потухавшій огонь. Между тѣмъ мать, одѣвшись и завернувши голову платкомъ, пошла къ постели и легла. Дѣвочка осталась довольной, что мать послушалась ее. Она живо вытащила ухватомъ горшокъ изъ печи и поставила его ближе къ огню, чтобъ онъ вскипѣлъ, а сама, будучи тоже голодной, начала грызть, какъ мышка, сухой сухарь.

Мотруна молчала и закрыла глаза, какъ будто засыпая. Дѣвочка обрадовалась, что мать заснула и на цыпочкахъ ходила по хатѣ. Уже крупникъ вскипѣлъ, миска и ложка были приготовлены, а Мотруна, казалось, спала глубокимъ сномъ.

Маруся кашлянула нѣсколько разъ, думая, что мать услышитъ и проснется, однако она не шевельнулась.

— Пусть ее поспитъ, — подумала она, — а какъ проснется, то и поѣсть... будетъ здоровѣе.

Подкинувъ дровецъ, она отодвинула горшокъ отъ огня, а сама сѣла на скамейку, взяла прялку и затаила дыханіе, чтобы не разбудить больную.

Между тѣмъ Мотруна, казалось, спала спокойно, но ни однимъ вздохомъ не проявляла ни своихъ страданій, ни жизни; лицо ея поблѣднѣло и глаза полуоткрылись, но были тусклы и неподвижны, какъ и ротъ.

Именно, въ этомъ снѣ Господь послалъ ей вѣчное упокоеніе. Но ребенокъ, никогда не видѣвшій смерти, не понималъ этого и радовался ея спокойствію.

Отъ времени до времени дѣвочка посматривала на постель боялась даже шелохнуться. А между тѣмъ Мотруна сдѣлалась изъ блѣдной совсѣмъ бѣлой, потомъ пожелтѣла и наконецъ посинѣла.

Было ужъ далеко за полдень, а больная все еще не просыпалась. Маруся, смотря за огнемъ и крупникомъ, и сама вздремнула, проснулась и опять заснула въ однообразной тиши, такъ что даже не замѣтила, когда заходящее солнышко заглянуло въ окошечко своимъ померанцевымъ блескомъ, падавшимъ прямо на лицо покойницы.

Дѣвочка удивилась, что день такъ скоро прошелъ, а мать все еще спала. Но ея неподвижность только доказывала ребенку, не понимавшему своего несчастья, что мать, послѣ крѣпкаго и продолжительнаго сна, встанетъ совсѣмъ здоровой.

Ужъ начало смеркаться и ночь настала, а она все не просыпалась и дѣвочка рѣшила, что едва ли мать, проснувшись ночью, захочетъ ѣсть. Она оставила крупникъ, налила себѣ въ мисочку, поѣла и сама, не раздѣваясь легла спать, такъ что-бы быть всегда готовой вскочить, если мать станетъ будить ее.

Но бѣдный ребенокъ, уставшій отъ долгаго ожиданія пробужденія матери, едва положилъ голову на подушечку, какъ заснулъ безмятежнымъ сномъ.

Быль уже день, когда Маруся проснулась и перекрестилась въ удивленіи, что она проспала всю ночь на одномъ боку. Она взглянула на мать, которая лежала все въ томъ же положеніи, но только черезчуръ блѣдная, и эта блѣдность поразила ее.

Дѣвочка быстро вскочила съ постели, подошла на цыпочкахъ, къ матери и начала присматриваться. Она боялась даже громко вздохнуть.

— Вотъ такъ сонъ!—подумала она.—Даже не повернулась и недохнетъ!

И Маруся прикоснулась осторожно къ рукѣ умершей. Почувствовавъ, что она совсѣмъ холодная, дѣвочка призадумалась, но ей и въ голову не пришло, что мать умерла. Маруся слышала какъ-то ея разговоръ о больныхъ и о томъ, что всякая болѣзнь можетъ пройти сномъ, и поэтому подумала и успокоилась...

Опять день прошелъ, какъ и вчера. Маруся развела огонь, разогрѣла старый крупникъ, позавтракала и сварила къ обѣду свѣжій, который закрасила остатками масла, а затѣмъ вышла на дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Но, странно, она почему-то безпокоилась и ее тянуло въ хату, хотя весенній день предсказывалъ установленіе хорошей погоды. Маруся посидѣла минуту, вернулась въ избу и посмотрѣла на мать; но та все была въ томъ же положеніи.

Прошелъ полдень, насталъ вечеръ и наконецъ ночь, а она все не подавала признака жизни. Эту ночь дѣвочка не хотѣла даже ложиться спать и дремала у печки, постоянно просыпаясь и смотря, не проснулась ли мать...

Настало утро. Дѣвочка подумала, не разбудить ли больную и про себя произнесла:

— Два дня и двѣ ночи!.. это не много ли?

Она подошла къ матери и опять прикоснулась къ рукѣ, которая была холодна, какъ ледъ, потянула ее, позвала, заговорила, но ничего не помогло.

— Надо сходить къ Солодухѣ,—подумала она.— Она знахарка и знаетъ, какъ разбудить, коли надо. Вѣдь мама не разъ обращалась къ ней... Поставлю крупникъ на скамейкѣ и если мама проснется, то у нея будетъ что ѣсть... а сама побѣгу.

Маруся накинула платокъ на голову, вышла изъ хаты и бѣгомъ помчалась къ Солодухѣ.

Ратая не было въ этотъ день дома: онъ пошелъ на ярмарку собирать гроши, и старуха была одна. Она стряпала себѣ обѣдъ у печки, когда Маруська вѣжала къ ней, запыхавшись, въ избу.

— Что ты, голубка моя?—спросила она дѣвочку.

— Ой, бабушка, бабушка!—воскликнула Маруся.—Что-то моя мама...

— Что съ ней?—перебила ее знахарка.

— Она спитъ уже третій день!.. Какъ вернулась отъ васъ и какъ легла—все спитъ... блѣдная такая и холодная.

У Солодухи ложка выпала изъ рукъ, и она схватилась за голову.

— Что ты говоришь?—вскричала она.

Дѣвочка, напуганная выраженіемъ ея лица, уставилась на нее глазами, на которыхъ навернулись слезы.

— Да, она спитъ!—прибавила она тише.—Я пробовала ее разбудить, но она не слышитъ и такая холодная, холодная!

— Ахъ, Боже мой!.. Значить, она умерла!

— Нѣтъ, она только спитъ и крѣпко спитъ! Вы знаете лѣкарство и можете ее разбудить.

Ратаиха опустила голову, нахмурила брови и молча пошла въ уголъ избы надѣть кожухъ на плечи.

— Пойдемъ!—сказала она, гася водой головешки въ печи, разгребая ихъ и засыпая угли золой...

Она заперла деревяннымъ ключемъ избу и двинулась въ путь съ ребенкомъ, который никакъ не могъ согласовать своихъ ногъ съ ея старческими шагами. Она спѣшила и дорога казалась ей безконечной и скучной.

Солодуха, входя на гору близъ хаты, вынуждена была

остановиться и отдыхать. Маруся опередила ее, вошла въ хату и посмотрѣла на мать, по лицу которой разлились черныя пятна. Вскорѣ за нею вошла и старуха, взглянула на покойницу и махнула рукой.

— Она умерла!—воскликнула она:—она давно умерла.

Маруся какъ снопъ упала на землю и залилась слезами.

II.

Старая знахарка не долго пробыла въ избѣ. Прежде всего надобно было донести во дворъ, сходить къ попу, позаботиться о „домовникѣ“, какъ называли крестьяне гробъ, и о нищихъ, которые помолились бы за усопшую.

Солодуха, идя по дорогѣ и встрѣчая людей, всеѣмъ рассказывала о случившемся, и вѣсть о смерти Мотруны быстро облетѣла всю деревню. Мало по малу болѣе любопытные начали сходить въ хату, въ которой Маруся стояла на колѣняхъ у постели покойницы и горько плакала.

Между тѣмъ старуха оповѣстила господскій дворъ и пона, боясь, чтобы послѣдній не запретилъ похоронить цыганиху на кладбищѣ, въ виду того, что она умерла безъ исповѣди и причастія; но священникъ, выслушавъ жалкую исторію сиротки, и не подумалъ запрещать. Оставалось позаботиться о гробѣ, который однако же никто не хотѣлъ сдѣлать. Даже братья, семья которыхъ чрезвычайно расплодился и, благодаря неурожаю за послѣдніе годы, ужасно обѣднѣла, отказались не только отъ сооруженія гроба, но и отъ своего присутствія, и его сдѣлали по просьбѣ попа въ господскомъ дворѣ. Нѣсколько бабъ принесли свѣчи и маленькій крестъ отъ похороннаго братства и просидѣли ночь у покойной. Онѣ хотѣли увести дѣвочку отъ трупа, но та какъ будто застыла и осталась дежуришь всю ночь.

Утромъ принесли гробъ, сколоченный изъ сосновыхъ досокъ; Маруся помогала женщинамъ укладывать мать, поправила голову, закрыла ноги, сложила руки, помолилась, поцѣловала ее и крышку забили гвоздями.

Это были похороны поистинѣ нищаго человѣка, безъ соблюденія принятыхъ обычаемъ обрядностей, и каждый, принимавшій участіе въ похоронахъ старался только скорѣе свалить эту обузу съ плечь...

Кто-то изъ dobroхотныхъ благодѣтелей выкопалъ ямку, и узкую и мелкую, только бы вставить гробъ, и сбилъ крестъ изъ тонкихъ, даже не обстроганныхъ брусковъ. Раннимъ утромъ пришелъ дячекъ и нѣсколько человѣкъ изъ похороннаго братства съ большимъ крестомъ и хоругвью. Кладбище было подъ рукою, Мотруну перенесли на рукахъ и похоронили близъ кладбищенскихъ воротъ подъ вербой.

Маруся шла за гробомъ съ Солодухой и бабами, первая бросила горсть сырой земли на гробъ матери и стояла, плача, пока ее закопали.

Такъ какъ въ бѣдной избушкѣ нечѣмъ было помянуть Мотруны, то всѣ быстро разошлись по домамъ. Братья покойной, какъ сказали, не присутствовали на похоронахъ и даже не заглянули въ хату...

Когда всѣ разбрелись, Маруся сѣла на могилу матери и заголосила. Солодуха стояла въ сторонкѣ призадумавшись и бормоча про себя:

— Покойница просила взять ее къ себѣ... Но какъ взять сироту: не столько сдѣлать, сколько съѣсть; не столько утѣхи, сколько хлопотъ!.. А жаль! Дѣвочка можетъ пропасть, если ее не возьмутъ во дворъ... Собственно, она не будетъ намъ въ тягость и какъ либо можетъ насъ выручить въ чемъ...— хоть за водой сходить, а когда старика нѣтъ дома, то по крайности будетъ съ кѣмъ слово сказать!.. Что дѣлать? И такъ съверно, и такъ не хорошо. Ну, такъ и быть возьму! Дѣвочка хорошая, она привыкла къ горю и привыкнетъ къ труду.

Старуха подошла къ Марусѣ и громко отозвалась:

— Ну, довольно плакать! Вставай и иди за мной. Слезами не поможешь!.. Всѣ мы на то родимся, чтобы потомъ умирать!.. Теперь не воскресишь и надо подумать о себѣ.

Маруся не отвѣчала, а только, вставъ съ могилы, подошла къ воротамъ, оперлась о столбикъ и еще горче заплакала.

— Ну, Господь съ тобою,—сказала Солодуха, беря ее за руку.—Пойдемъ... Перекрестись и иди со мной.

Она вывела ее на дорогу и затѣмъ, остановившись у хатки, медленно спросила:

— А, можетъ, у тебя есть что прихватить съ собою?

— Какъ прихватить? Что прихватить? Зачѣмъ?—спросили Маруся, недоумѣвая и смотря на старуху удивленными глазами.

— Что есть, то и прихвати... Пойдешь ко мнѣ?..

— Къ вамъ?! Зачѣмъ?

— А какъ же ты останешься одна?

— Да вѣдь это наша хата и зачѣмъ мнѣ идти въ чужую? Солодуха остолбенѣла и перекрестилась.

— Неужто ты хочешь остаться здѣсь?

— А гдѣ-жъ мнѣ быть?—спокойно отвѣтила дѣвочка.

— Господь съ тобою! перекрестись!.. Какъ быть одной?

— Что-жъ дѣлать, коли осталась одна?

— Какъ же ты будешь жить?

— Такъ же, какъ и вдвоемъ... Не умру съ голоду... Тяжко будетъ, а все-жъ въ своей хатѣ.

Старуха не вѣрила своимъ ушамъ.

— А какъ же ночью? Ты одна и тебѣ не будетъ страшно?

— Чего?

— А кладбище?

— Да вѣдь я и днемъ, и ночью бываю на немъ!—вздыхнула Маруся,—и мнѣ нечего бояться.

— Все-таки, могила матери!---пробурчала старуха, не понимая Маруси, которая отвѣчала ей смѣло и совсѣмъ спокойно, какъ будто будущность нисколько не пугала ее и была самою обыкновенною вещью.

— Итакъ, ты думаешь остаться одна, какъ персть?—спросила она, помолчавъ.

— Что жъ дѣлать, когда нельзя иначе! Это отцовская хата и если я уйду, то дворъ посадить кого либо другого...

— Да кто-жъ согласится сидѣть здѣсь?..—возразила Солодуха.—Ну, пойдемъ въ хату и тамъ поговоримъ. Можетъ, ты сама не знаешь, что говоришь.

Дѣвочка не преклословила и они вошли въ мазанку. Никогда эта хата не была веселой, а теперь и совсѣмъ сдѣлалась печальной. Похороны оставили послѣ себя слѣды, вездѣ было на-сорено, на лавкѣ лежалъ каравайчикъ хлѣба, кѣмъ-то прине-

сенный на похороны, и полотенце, въ которое долженъ быть завернуть хлѣбъ. Постель не была застлана и носила слѣды лежавшаго на ней покойника, въ печкѣ не было огня и въ хатѣ царствовалъ непріятный холодъ.

Дѣвочка сѣла у припечка и опять заплакала, при видѣ пустоты, которую она почувствовала безъ матери. Солодуха начала приводить все въ порядокъ, убирать къ мѣсту и выметать избу.

— Настоящая пустыня! — отозвалась она, заглядывая во все углы. — Ничего нѣтъ, ни одежки какой, ни тряпокъ, ни чего сварить... Какъ ты здѣсь будешь жить? Если-бъ мнѣ, старухѣ, кто-нибудь заплатилъ, чтобы я жила здѣсь, то и я ни за что бы не согласилась... Я опытиѣ тебя, а все же изъ ничего — ничего не могу сдѣлать!.. Все-таки я еще могу кое-что заработать, а ты погибнешь здѣсь одна.

— Не погибну и не уйду! — рѣшительно отвѣтила Маруся, вытирая слезы. — Тутъ я выросла и тутъ умерла моя мать... Это мой уголь, и я не оставляю его.

Но старуха настаивала и уговаривала пойти къ ней.

— Вѣдь мать передъ смертью затѣмъ и приходила ко мнѣ, чтобы мы взяли тебя и пріютили, какъ родную. Умирающему не отказываютъ. Хотя у насъ тоже нѣтъ никакихъ достатковъ, а все-жъ хлѣба тебѣ не пожалѣемъ. Будешь сидѣть въ тепломъ углу, ѣсть теплую пищу и помогать мнѣ, а тутъ ты съ говоду померешь!

— Спасибо вамъ и вашему старику! — отвѣтила Маруся, которая вытерла слезы и вооружилась энергіей. — Вы добрые люди, и ужъ если обѣщали мамѣ заботиться обо мнѣ, то, при случаѣ, навѣщайте меня и если можно приносите хлѣбца, когда его у меня не будетъ... Я тутъ останусь... папа строилъ эту хату, я привыкла къ ней и мнѣ будетъ скучно безъ нея...

— Но я боюсь за тебя, какъ ты будешь жить?

— Какъ и съ мамой.

— Но вѣдь васъ было двое!

— Двоимъ больше и нужно... А мнѣ много ли надо одной?

— Да гдѣ ты видѣла или слышала, чтобы ребенокъ жилъ одинъ и тѣмъ больше — дѣвочка? Если-бъ ты была побольше и не дѣвочка, тогда еще туда-сюда! Большіе и тѣ подыски-

вають себѣ кого-либо, чтобъ не жить въ одиночествѣ, а вѣдь ты ребенокъ, сирота!.. Этого не можетъ быть!

— Мало-ли чего на свѣтѣ не бываетъ, а какъ случится, то люди и удивляются!—отвѣтила, подумавъ, Маруся.—Что-жъ дѣлать? Матери не купишь и другого отца не найдешь, кромѣ Бога, Который, какъ мама говорила, не оставляетъ сиротъ...

— Развѣ нищенствовать пойдешь?

— Мама не нищенствовала и я не пойду! — воскликнула дѣвочка, смотря на старуху въ упоръ.

Солодуха закусила губу, очевидно, вспомнивъ своего Ратая.

— Я не хочу этого хлѣба, хотя онъ такой же, какъ и всѣ другіе,—прибавила Маруся.—Я скоро расту, вырасту и сама заработаю, о, непременно заработаю!.. Сами увидите.. Вѣдь я ужъ умѣю прясть, а за то, что попряду, мнѣ дадутъ хлѣба, и я буду сыта въ своей хатѣ... Вотъ, лучше позвольте мнѣ какъ-нибудь зайти къ вамъ посовѣтоваться; а если я буду голодна, то тогда дадите мнѣ поѣсть...

Старуха усмѣхнулась.

— Ахъ, дитятко, дитятко!—воскликнула она:—какія несообразныя мысли бродятъ въ твоей головкѣ. Хоть бы у тебя и было много хлѣба, то какъ ты обойдешься безъ посторонняго лица, безъ разговора и безъ живой души въ этой пустоши?.. Когда ты останешься одна и будешь сидѣть по цѣлымъ днямъ и ночамъ, то твои мысли голову тебѣ просверлятъ и ты съ ума сойдешь отъ одури!.. Я старуха, да и то, какъ нѣтъ старика, то такая скука меня беретъ, что я готова хоть пса поцѣловать, только бы было съ кѣмъ время раздѣлить!.. Не выдержишь, не выдержишь!..

— Ничего. выдержу!—грустно возразила Маруся.—Я не буду одна... Вокругъ меня много птичекъ, зайчиковъ, сусликовъ и мышей... Всѣ они знаютъ меня...

Солодуха обозлилась и плюнула.

— Въ такомъ случаѣ, попробуй! —отвѣтила она, берясь за своей костыль.—Оставайся съ Богомъ, а мнѣ пора домой... Но помни, что когда тебѣ наскучитъ быть одной, то у тебя есть пріютъ... Прощай!

И Солодуха вышла изъ избы, оглядываясь, не погонится

ли за ней Маруся; но дѣвочка осталась и, опершись на руку, глубоко призадумалась.

III.

Разумѣется, для Маруси трудно было начать новую жизнь въ одиночествѣ и съ собственными миниатюрными силами. Но нужда и воля, даже изъ ребенка, дѣлають чудеса.

Передъ вечеромъ голодъ далъ почувствовать себя, и дѣвочка должна была подумать, что поѣсть; но въ хатѣ ничего не было, кромѣ хлѣбца, принесеннаго къ-то на похороны, для положенія его на гробъ, и хотя этой обрядности не было совершено, но и хлѣбъ не былъ взять обратно, по существующему суевѣрію, а положенъ на скамейку.

Маруся, увидѣвъ его, отрѣзала ломоть и съѣла его съ водой, затѣмъ растопила печку и поплакала еще въ раздумьи, чѣмъ она будетъ жить, что дѣлать и сколько ей придется трудиться. Думая обо всемъ, она вспомнила, что у нея есть пряжа, которую дала еще матери зажиточная крестьянка Семенова, что ей надо допрясть ее и что она получить за это нѣсколько копѣекъ. Бѣдняжка зажгла плошку съ масломъ, схватила прялку и съѣла за работу; но будучи изнуренной голодомъ, слезами и всемъ пережитымъ за эти дни, у нея не было силенки, и она едва вытянула нитку, какъ сонъ началъ смежать ея вѣки, веретено упало изъ рукъ, прялка отклонилась къ печи, и она заснула невиннымъ дѣтскимъ сномъ.

Между тѣмъ Солодуха, проходя по деревнѣ, не могла себя представить, какъ это дѣвочка рѣшилась остаться одна одишечная и какъ она будетъ жить.

— Вѣдь она еще совсѣмъ ребенокъ, — разсуждала она, — и хотя у нея есть умишко, но еще неокрѣпшій, и гдѣ-жъ ей справиться въ житьѣ-бытьѣ?! Можетъ погибнуть, несчастная!.. Не пойти ли во дворъ или къ попу, войту, громадѣ?.. Все-таки не мѣшаетъ посовѣтоваться... Цыганка не цыганка, а все же Божеское твореніе и было бы стыдно для всего села дать умереть съ голоду.

Думая такъ, она повстрѣчалась съ нѣкоторыми изъ сель-

скихъ старшинъ, разговаривавшихъ съ бабами, которыя присутствовали на похоронахъ. Поравнявшись съ ними, она тоже остановилась.

— Ну, что теперь съ нею будетъ? — спросили ее, зная, что она осталась покровительницей дѣвочки.

— Не знаю, что будетъ, — возразила она серьезно. — Но дѣвченка не далась увести изъ хаты, и сколько я ни уговаривала ее, она поставила на своемъ и осталась... Жаль смотрѣть на дѣвчурку... погибнетъ, несчастная!

— Можно-бы взять ее изъ-за хлѣба, — отозвался старый Мартинъ Негуда. — Вотъ и я одинокъ и жена больная...

— Напрасно и говорить! — прервала старуха: — никуда не пойдетъ... Говорить, что сама справится съ своимъ горемъ...

Люди, равнодушные къ чужому несчастью, поговорили и разошлись. Солодуха тоже пошла домой.

Маруся, сидя у печки, въ которой огонь погасъ, проспала всю ночь сидя, и когда солнышко встало, проникло въ оконце и освѣтило ея глаза, она вскочила со скамейки и протерла глаза. Ея мысли до того перепутались, что она сразу не могла сообразить, проспала-ли она ночь или часъ, въ виду чего вышла на дворъ и узнала по солнцу, что это было утро.

День былъ ясный, погода чудесная, воробьи щебетали подъ крышей и по дорогѣ, воздухъ былъ переполненъ пѣньемъ птичекъ и все радовалось и оживало.

Маруся осмотрѣлась кругомъ и ея глаза остановились на свѣжей могилѣ матери. Оставивъ дверь открытой, она побѣжала на кладбище, упала на сырую землю и залилась горькими слезами. Долго-ли она плакала — неизвѣстно, но въ это время, со стороны села, показался старикъ, который, несмотря на свою слѣпоту, ровно и смѣло всходилъ на гору, точно онъ былъ зрячій.

Наконецъ онъ остановился и повернулъ бѣлки къ могилѣ, прислушиваясь къ воплямъ дѣвочки. У него былъ замѣчательный слухъ, и онъ догадался, кто плакалъ. По этому голосу старикъ направилъ свои шаги прямо къ кладбищенскимъ воротамъ, перешелъ гнилой мостикъ и, руководимый плачемъ, подошелъ прямо къ Марусѣ, которая замѣтила его только въ тотъ моментъ, когда онъ отозвался:

— Довольно плакать! Умершимъ вѣчная память, а живымъ—надо жить и думать о себѣ. Вставай и пойдемъ!

— Буда? Зачѣмъ?—спросила Маруся, не зная старика Ратая.

— Къ намъ! Не будешь же ты одна жить въ хатѣ! Твоя мать просила насъ взять тебя къ себѣ...

— Вы, дѣдушка, вѣрно, мужъ Солодухи?

— Да, я старый и слѣпой дѣдъ!.. Собирайся скорѣй, моя рыбка, и—въ путь.

— Но вѣдъ я вчера сказала вашей женѣ, что никуда не пойду и останусь въ своей хатѣ.

— Хороша хата—на могилѣ!.. Сколько ни плачь, а хлѣба на ней не выплачешь... Ступай лучше къ намъ...

— Не пойду!—рѣшительно отвѣтила она.

Между нею и старикомъ произошелъ такой же споръ и объясненіе, какъ вчера съ Солодухой. Маруся настаивала остаться и поставила старика втупикъ, онъ не зналъ, что дѣлать и наконецъ приказалъ ей показать свою хату.

Они пошли. Ратай ощупалъ дверь, склонилъ голову и перешагнувъ порогъ. Онъ обошелъ ощупью всю хату, ощупалъ столъ, скамью, печку, сѣни, боковушку, въ видѣ кладовушки, и наконецъ сѣлъ подлѣ печки на скамейкѣ.

— Настоящій цыганскій шатеръ,—замѣтилъ онъ, — хуже всякой землянки... Какъ тутъ жить!

— Но вѣдъ мы жили съ мамой, съ нашимъ горемъ и бѣдой, и намъ было хорошо, а одной мнѣ довольно и угла.

— Однако, скажи, какъ ты намѣрена жить и что предпринять?.. Я хочу знать.

— Буду прясть, благо даютъ пряжу, а за нее мнѣ дадутъ и хлѣба, и брупъ, а то и какую-нибудь тряпку надѣть.

— Но у тебя мало силы и ты ослабнешь...

— Тогда полежу и отдохну... Никто, какъ Богъ! А мать постоянно говорила, что Онъ не оставляетъ сиротъ!..

Ратай былъ удивленъ, но убѣдившись, что онъ ничего не достигнетъ, быстро снялъ катомку съ плеча и высыпалъ изъ нея на столъ много кусковъ различнаго хлѣба.

— Нечего дѣлать,—сказалъ онъ,—если не хочешь идти къ намъ, такъ вотъ тебѣ мое подаваніе для начала... Будь здорова, моя голубка и пусть Господь утѣшитъ тебя въ твоемъ горѣ.

Ратай быстро ушелъ, свободно перешагнувъ порогъ и не задѣвъ головой за низенькую дверь, такъ увѣренно и ловко, точно онъ самъ строилъ эту хату.

— Такой ужъ, видно, этотъ родъ,—ворчалъ онъ про себя, сходя съ горы,—и если-бъ мнѣ кто-либо сказалъ изъ другого села, что такой ребенокъ хочетъ жить своей волей, то я ни за чтобы не повѣрилъ; дѣдъ умеръ, не позволивъ дочкѣ выйти замужъ; дочка вышла, поставивъ на своемъ; братья поклялись, что она имъ чужая и вотъ, теперь она... всѣ держутъ слово!

Онъ остановился на минуту.

— А что, если-бъ я зашелъ къ Максиму и Филиппу. Кто знаетъ? Можетъ быть, и сдѣлали бы что-либо для сиротъ?.. Попробую! Не травятъ же они меня собаками! отгоню ихъ костьюлемъ и всѣ морды посворочу!..

Дорога къ роднымъ сироты Маруси шла подлѣ корчмы, которую Ратай никогда не проходилъ мимо. И теперь онъ тоже зашелъ, выпилъ водки и, прибодрившись, смѣло пошелъ къ хатѣ братьевъ Мотруны. Они не дѣлились между собою: хотя семьи ихъ значительно увеличились, но земли не прибавилось, потому что у помѣщика не было лишней пустоши, а съ двухъ надѣловъ было тяжело жить. Къ тому же неурожайные годы и ихъ жены ссорились изъ-за каждой бездѣлицы, а когда приходилось идти на барщину, то онѣ посылали другъ друга и чуть не дрались между собою, такъ что братьямъ приходилось разнимать ихъ, ссориться между собою и хотъ уходить изъ хаты. Братья тоже сваливали барщину другъ на друга и съ каждымъ годомъ бѣднѣли. При жизни Лепюка, его хозяйство было однимъ изъ лучшихъ въ селѣ, а теперь его нельзя было узнать: отъ многочисленныхъ быковъ осталось только пара валовъ, одинъ старый, другой слабый, такъ что совѣстно было выѣхать въ поле на работу. Бѣда заглядывала во всѣ углы и никто изъ братьевъ не хотѣлъ признаться, что былъ виною тому.

Обо всемъ этомъ отлично зналъ старый Ратай, тѣмъ не менѣе пошелъ къ нимъ, и когда показался на порогѣ, сопровождаемый лаемъ двухъ собакъ, Максимъ, набивавшій обручи на старое ведро, прямо его встрѣтилъ:

— Шелъ бы ты съ Богомъ, старикъ: у насъ у самихъ хлѣба нѣтъ!

— А развѣ я за подояніемъ?—огрызнулся на него Ратой.— Видно не узналъ меня?.. Стану ли я ходить не въ праздники по своей деревнѣ?.. Тыфу! Точно не знаешь Ратая!.. А если и зайду въ будни, то вѣрно не съѣмъ кусокъ вашей скамейки, коли отдохну немного.

Максимъ покраснѣлъ отъ стыда.

— Не бранись, старикъ, и не сердись!—возразилъ Максимъ.— Я и впрямь не узналъ тебя... Садись и отдохни.

— Ну, я-то не умѣю сердиться, потому что мой хлѣбъ приучилъ меня ко всему: и къ состраданію, и къ брани... Все для меня, что съ гуся вода!..

И старикъ, ощупавъ лавку, помолчалъ немного и прислушался, чтобы узнать по разговору, сколько человѣкъ въ избѣ.

— А знаете, добрые люди, какое я наслѣдство получилъ?—отозвался онъ вздохнувъ.

— Ну, какое это?—спросили братья.

— Да отъ вашей сестры Мотруны!..

Братья замолчали, точно имъ кто заморозилъ рты; между тѣмъ старикъ продолжалъ:

— И я очень радъ!.. Я давно хотѣлъ имѣть ребенка, и Господь наградилъ меня на старости лѣтъ готовымъ, выращеннымъ и такимъ, что и передъ королемъ не постыдишься... Да, Мотруна оставила мнѣ свою дочурку.

— А-а-а!—протянули сквозь зубы братья.

— Да. Прекрасная дѣвочка, только жалъ, что она такая же чубатая курица, какъ вы, и упряма, какъ козелъ...

Всѣ молчали.

— Я ужъ было обрадовался, что возьму ее въ хату, но она ни за что не пошла и осталась одна въ своей мазанкѣ. Виданая ли то вещь: одна, какъ палецъ, безъ куска хлѣба!.. Говорить, не пропадетъ, и сама станетъ хозяйничать!.. Но куда!.. Сама еле отросла отъ земли.

Братья и ихъ жены переглянулись между собою.

— Что вы говорите!—отозвался Филиппъ.—Вѣдь она еще ребенокъ!

— Да, но не такой, какъ ваши, которые держутся за юбку

матери и сами за порогъ не выльзутъ!.. Вашимъ дай миску и ложку, да еще ротъ открой, чтобы ѣли...

— Какая бы она ни была, но она погибнетъ, какъ рыжая крыса, — отозвался Максимъ. — Не даромъ нашъ отецъ проклялъ ихъ родъ. Цыганъ повѣсилъ, Мотруна съ голоду поколѣла, и сироту ожидаетъ таже доля...

— Ну, зачѣмъ такое мрачное предсказаніе! — возразилъ Ратай. — Чѣмъ она виновата, что ея родные нагрѣшили? Господь милосердъ и не дастъ ей погибнуть... А кто виноватъ, тотъ ужъ и покаялся.

— Странно! — замѣтила Максимиха. — Что же она думаетъ? Неужели будетъ одна одинешенька?

— Дѣйствительно, странно, — сказалъ старикъ. — Я самъ не знаю, что будетъ. Но мнѣ кажется, что она погорюетъ-погорюетъ, да и сбѣжитъ къ намъ. Собственно говоря, и вамъ не мѣшало бы принять въ ней участие и помочь хоть кускомъ хлѣба.

Никто не ожидалъ такого замѣчанія, и всѣ въ одинъ голосъ крикнули:

— Да что ты, старикъ!.. У насъ не такъ много хлѣба, чтобы швыряться имъ и всѣмъ помогать!

— Гмъ!.. Ни у кого его не много, и я знаю, что у васъ мало... Но кто виноватъ, что Господь не благословляетъ васъ? Быть можетъ, за то и не благословляетъ, что вы оттолкнули отъ себя Мотруну, за ея слезы!.. Все-таки вы живете, хоть и не богато, и вѣрно нашлась бы какая-нибудь корка для сироты. Можетъ быть, этотъ посѣвъ принесъ бы вамъ плодъ сторицей.

— Оставь насъ въ покоѣ! — сказалъ Максимъ; — я ужъ вижу, съ чѣмъ ты подѣзжаешь... Нечего насъ тутъ всѣхъ мутить... То говоришь, что къ себѣ берешь, то она сама будетъ хозяйствовать, а самъ думаешь взвалить всю обузу на наши плечи!.. Но ничего изъ этого не выйдетъ!

— А! вотъ какъ!.. — воскликнулъ старикъ, стукнувъ ко-
стылемъ по полу. — Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу: если бъ вы даже хотѣли ее взять, то я вамъ не отдамъ, да она и не пойдетъ ни къ вамъ, ни ко мнѣ. А то, что я хотѣлъ сказать, то скажу: можетъ быть ваша подачка была бы вкуснѣе моего нищенскаго хлѣба, но она не умретъ съ голоду, какъ ея

мать, и пока я живъ, у нея не будетъ недостачи въ хлѣбѣ; а вамъ пусть живется всегда, какъ теперь, когда вы такіе злые люди!

И Ратай, застучавъ костью по полу, быстро ушелъ изъ хаты, сильно стукнувъ дверь. Собаки залаяли, провожая его за ворота. Братья и ихъ жены опѣшили и молчали.

— Какой онъ умный! — наконецъ отозвалась Максимиха. — Хотѣлъ намъ всучить еще лишній ротъ, точно у насъ мало своихъ ребятишекъ.

— Молчи, баба! — сказалъ Максимъ: — не нарекай на своихъ дѣтей, а то Господь уберетъ ихъ отъ тебя.

— Что попусту языки чесать, — отозвался Филиппъ. — Старикъ правъ! Кому, какъ не намъ, опекать сироту? Вѣдь она дочка родной нашей сестры, и грѣшно и смѣшно оставить ее!.. А если возьметъ чужой, то насъ пальцами затыкаютъ.

— Она цыганская кровь, — возразилъ Максимъ, — и пусть идетъ къ своимъ, а намъ дѣла нѣтъ до нея.

— Извѣстное дѣло, пусть идетъ! — сказала Максимиха.

— И впрямь, мы не такъ богаты, чтобы брать чужихъ, когда своимъ еле хватаетъ, — замѣтила Филиппиха. — Смотри, чтобы твоимъ дѣтямъ хватило хлѣба до нови!

Филиппъ нахлобучилъ шапку, засунулъ топоръ за поясъ, взялъ узелокъ съ хлѣбомъ, закурилъ трубку у печи и вышелъ вонъ изъ избы. Очевидно, онъ пошелъ въ лѣсъ.

Оставшіеся долго молчали, думая о сиротѣ, а только боялись ротъ открыть и поговорить о томъ, о чемъ говорило въ это время все село. Всѣ ужъ знали, благодаря Солодухѣ, о рѣшеніи дѣвочки жить одной, и каждый интересовался, какъ это будетъ.

— Интересно знать, какъ цыганочка станетъ хозяйничать, — отозвалась Филиппиха. — Вѣдь ей не болѣе тринадцати лѣтъ и ужъ думаетъ, что безъ людей обойдется... Стоило бы посмотреть, какъ это у нея пойдетъ?

— Ратай возьмутъ ее, — сказалъ Максимъ.

— Солодуха говорила, что она ни за что не пойдетъ.

— Увидимъ...

— Увидѣть-то увидимъ, но Филиппъ въправду казалъ, что намъ слѣдуетъ ей помочь, иначе люди и впрямь станутъ

убазывать на насъ пальцами... Пока жила мать—дѣло другое, а надъ сиротой надо сжалиться.

Она робко высказала послѣднія слова, боясь, чтобы на нее не взѣлись Максимъ съ женой, но оказалось, что оба ничего не имѣли противъ этого, а только Максимъ, для очистки совѣсти, сказалъ:

— Какая ты богатая! Теперь не прежнія времена, когда у насъ были полны закромы и стоги хлѣба въ запасѣ... Сама знаешь, что самимъ придется одолжаться и платить за зерно съ мякиной чистымъ зерномъ съ надбавкой... Вѣдь и поле-то обсеваемъ вмѣстѣ съ Семеномъ.

— Ну, много ли ей надо?! — болѣе смѣло возразила жена Филиппа:—кое что... только бы люди не говорили... да и совѣсть была спокойнѣе... Отъ этого не обѣдняемъ...

— Давать-то не мудрено, но откуда брать? — вмѣшалась Максимиха.

— Ну, такіе пустяки найдутся.

Максимъ молчалъ. Невѣстки, послѣ долгой распри между собою, наконецъ примирились и начали шептаться... Очевидно, духъ сожалѣнія вступилъ въ ихъ сердца и онѣ совместно обдумывали, какъ и чѣмъ помочь сиротѣ.

IV.

Между тѣмъ Маруся, ничего не зная о намѣреніи тетушекъ, усердно занялась устройствомъ своего хозяйства. Она осматрѣла всѣ лохмотья, оставленные матерью, сложила ихъ въ узелъ и, съ замирающимъ отъ страха и грусти сердцемъ, перестлала постель, на которой лежала покойница, вымела избу, развела огонь и пошла за водою.

О, сколько мыслей бродило въ этой головкѣ, не просвѣщенной опытомъ! Она придумывала, какъ обзавестись всѣми предметами хозяйства, гдѣ добыть дровъ, горшковъ, хлѣба, денегъ.

— Нужно работать! — думала она:—а чтобы на все хватило времени, я буду вставать пораньше; вода не далеко, и для меня одного ведра довольно; а дрова? Хворосту валяется не мало; вечеромъ, когда нельзя будетъ прясть, стану соби-

рать... Богъ не безъ милости, заработаю кусокъ хлѣба пражей... Материны рубахи перешью... въ будни буду ходить въ старыхъ, а въ праздникъ надѣну новую... А какъ эта износится, матрина будетъ въ пору. Не объ чемъ тужить! съ Божьей помощью, все ладно будетъ!..

Вотъ она принесла воды; дрова разгорѣлись, пламя живо и весело охватило сухой хворостъ, Маруся вымыла горшокъ и, наливъ въ него воды, поставила къ огню; вопросъ о томъ, что приготовить—остановилъ ее на минуту. Нечего было выбирать: она накрошила черствого хлѣба, всыпала щепотку соли и приготовила себѣ похлебку, вкусную для голоднаго желудка.

— Вѣдь и этимъ жить можно,—говорила про себя Маруся, опоражнивая миску. — Вечеромъ поѣмъ хлѣба и не умру съ голоду!

Въ избушкѣ сдѣлалось теплѣе; Маруся старательно вымыла горшокъ, перекрестилась и принялась пряхъ.

А время между тѣмъ летѣло на легкихъ крыльяхъ; въ судьбѣ ея ничто не измѣнилось, но однажды маленькая хозяйка услышала у входа въ избу чьи-то голоса. Не думая, чтобы кому-нибудь, кромѣ Ратая или его старухи, вздумалось посѣтить ея хату, Маруся спокойно осталась на своемъ мѣстѣ и продолжала работу, но дверь отворилась и въ избу вошли двѣ незнакомыя женщины.

Это были жены Лепюковъ. Маруся никогда ихъ не видала; хозяйка и гости начали пристально осматриваться, любопытство такъ овладѣло обѣими бабами, что онѣ не произносили ни слова, а только глядѣли во всѣ стороны, изрѣдка останавливая глаза на своей племянницѣ.

Маруся, поставивъ прялку въ сторону и вставъ со скамьи, ждала пока онѣ заговорятъ; наконецъ, жена Максима, получивъ толчекъ отъ своей спутницы, съ улыбкой произнесла:

— Богъ помощь!

— Благодарствуйте.

— Хотя мы и не знакомы, голубушка, да такъ что-то вздумалось навѣстить тебя, посмотретьъ, что ты дѣлаешь и какъ живешь.

— Награди васъ Господь!—отвѣтила Маруся: — кой-какъ живется, съ горемъ пополамъ.

— Гляди-ка, гляди!..—шепнула одна посѣтительница:—какой у нея порядокъ, какъ чисто!.. А кто тебѣ пособляетъ?

— Никто!—печально отвѣтила дѣвушка:—двѣ руки, третья голова; кому охота пособлять сиротѣ? Иногда Ратай навѣдывается, а то и его старуха—больше никто.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — отозвалась жена Филиппа:—я не понимаю, какъ ты, голубушка, живешь здѣсь: тутъ страшно жить!

— Да, тутъ пусто... но мнѣ не страшно и не скучно, тутъ чирикають воробьи, сороки стрекочать, солнышко свѣтитъ, а то мышъ вылѣзетъ да ищетъ что поѣсть: есть на что поглядѣть и къ чему прислушаться.

Жена Максима закрыла лицо въ удивленіи, а ея спутница разинула ротъ.

— А ночью какъ?—спросила послѣдняя, боязливо осматриваясь.

— Э! что ночью? Какъ поработаешь днемъ, такъ ночью славно спится. Покойница маменька мнѣ говорила, что ангелы стерегутъ того, кто, перекрестясь, съ молитвой ложится спать.

— Какъ она хорошо говорить!—подумала жена Филиппа:—вотъ надѣлилъ Господь умомъ разумомъ; иной старикъ такъ не сумѣетъ...

Маруся, предложивъ гостямъ садиться, принялась за работу; онѣ отказывались и продолжали съ любопытствомъ осматривать избу, не переставая шептаться и сообщать другъ другу свои впечатлѣнія. У обѣихъ въ передникахъ были для сироты подарки, но онѣ не умѣли ихъ предложить. Дитя своей простотой, смѣлостью и отвагой возбудило вмѣстѣ съ сочувствіемъ уваженіе къ себѣ.

— Садитесь!—говорила Маруся:—но у меня нечѣмъ васъ потчевать; въ избѣ только и есть нѣсколько кусковъ хлѣба.

— Какъ? неужто кромѣ хлѣба ты ничего не ѣшь?—спросила жена Филиппа.

— Да куда кой—какъ перебиваюсь хлѣбомъ; а вотъ, дастъ Богъ, окончу пряжу, такъ будетъ и крупа, и еще что-нибудь. Добрыя хозяйки даютъ мнѣ работу, зная, что ни одинъ клочекъ не пропадетъ въ моихъ рукахъ... по вѣсу отдаю.

Семенова, Коцюкова, Павлова хорошо меня знают; я пряду имъ самую тонкую пряжу.

Бабы прислушивались къ каждому слову дѣвушки и не могли надивиться ни ея смѣлости, ни разсудительности. Онѣ всматривались въ прекрасное личико и въ душѣ желали, чтобы ихъ дочки были также умны и красивы.

— Такъ ты и дрова сама носишь? — спросила жена Максима.

— А что-жъ дѣлать? Все, все сама дѣлаю: силъ, слава Богу, на все хватаетъ.

Маруся разсказала имъ о томъ, какъ она живетъ; бабы слушали ее, не проронивъ ни слова.

— Господи, Боже мой! — говорили онѣ. — Чудо, а не дѣвка! Не надивиться, не наслушаться!

Онѣ просидѣли еще нѣсколько времени, но не отдали милостыни, ибо она показалась имъ слишкомъ ничтожной.

Вѣсть о сиротѣ разошлась по всему селу: бабы разсказали встрѣчному и поперечному все, что видѣли и слышали въ хатѣ за околицей, и въ Ставискахъ только и говорили о дочкѣ цыгана. Ненависть къ ея отцу и матери уже остыла; а данныя, сообщенныя Ратаемъ, Солодухой и тетками, возбудили всеобщее любопытство и даже участіе къ Марусѣ.

Наконецъ, слухи о ней проникли въ барскую усадьбу; къ несчастью, участь ея не вызвала сочувствія. Знакомый читателю помѣщикъ готовился сбросить съ себя бременное тѣло. Онъ давно бы ужъ умеръ, если-бъ одно обстоятельство, о которомъ читатель сейчасъ узнаетъ, не подлило въ его чахлый организмъ нѣсколько капель жизни.

Давно уже Адамъ искупалъ продолжительной борьбой и отчаяніемъ растроченныя силы молодости. Боже! какъ тяжелы были эти дни расплаты! Страдалецъ рвался и извивался какъ ящерица, не разъ помышляя о самоубійствѣ, какъ вдругъ Богъ послалъ ему новую надежду на жизнь.

Однажды утромъ, совсѣмъ изнуренный, онъ вышелъ, самъ не зная зачѣмъ, на крыльцо и наткнулся на человѣка, котораго легко можно было принять за нищаго.

Это былъ плѣшивый, больной старичекъ, въ сѣрой рясѣ монашескаго покроя, съ четками у пояса и съ палкой въ рукѣ.

Онъ стоялъ неподвижно у крыльца, опершись обѣими руками на посохъ; его лицо было совершенно спокойно.

Адамъ, всегда закрывавшій глаза при встрѣчѣ съ бѣдностью, бросился было назадъ въ комнату; старикъ, даже не измѣнивъ позы, продолжалъ стоять на мѣстѣ. Равнодушіе незнакомца удивило Адама и онъ подошелъ къ нему.

— Послушай, любезный,—спросилъ онъ,—что тебѣ надо?

— Одежда, возрастъ и лицо мое, кажется, должны бы сказать тебѣ, что мнѣ надо.

Хозяинъ нехотя бросилъ ему злотъ и почти съ гордостію произнесъ:

— Ступай съ Богомъ!

Старичекъ съ покорностью принялъ милостыню, но не тронулся съ мѣста.

— Чего тебѣ еще?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Адамъ.

— Да такъ! Хочу посмотреть на тебя.

— На меня?

— Да... Ты не узналъ меня, а я и родителей твоихъ и тебя когда-то зналъ хорошо. О, Боже!.. до чего ты дожилъ! какъ ты жалокъ!

— Я? ты кто такой?—съ любопытствомъ и гнѣвомъ спросилъ хозяинъ.

— Я Осипъ Мнишевскій... Помнишь, мы были сосѣдями?

— Какъ? Ты Мнишевскій?

Адамъ началъ всматриваться въ лицо нищаго.

— Мнишевскій! въ такомъ положеніи?—воскликнулъ онъ.

— Какъ видишь! Самъ знаешь, что я владѣлъ двумя деревнями, жилъ на широкую ногу, кутилъ, а теперь таскаюсь, по свѣту и прошу милостыни... Но знаешь ли, Адамъ, теперь я чуть-ли не счастливѣе, чѣмъ былъ когда-то, и ты,—я думаю, при всемъ своемъ богатствѣ, бѣднѣе меня...

Адамъ припомнилъ веселые пиры, богатство, роскошь, постепенное паденіе и наконецъ исчезновеніе цѣлаго рода Мнишевскаго, подалъ старику руку и, довольный тѣмъ, что могъ развлечь себя, ввелъ его въ домъ.

Мнишевскій изобразилъ яркими красками всю пустоту жизни, проведенной въ роскоши, и тотъ благодѣтельный случай, который вывелъ его чизъ этой страшной пропасти.

Разбитый, больной, пожираемый злобой и отвращеніемъ къ жизни, онъ лежалъ въ больницѣ, и тутъ-то зерно исправленія запало въ его душу изъ устъ сестры милосердія, которая ухаживала за нимъ. Поднося къ губамъ страдальца лѣкарство, она шептала молитву, вливая въ его грѣшную душу сладкія надежды и ведя ее къ очищенію. Кроткое слово, дышащее чисто христіанскою любовью, влило въ душу больного невѣдомое доселѣ спокойствіе. Здѣсь впервые онъ узналъ всю сладость и силу молитвы.

Мнишевскій оставилъ больницу съ пустыми карманами, но съ чистой совѣстью, и пошелъ ко святымъ мѣстамъ.

— И въ то время,—продолжалъ онъ:—когда я съ посохомъ въ рукахъ и сумой за плечами очутился среди большой дороги,—спокойствіе, дотогѣ чуждое мнѣ, проникло въ мою душу, и никогда я не былъ такъ счастливъ! Ты думаешь, что я завидую тебѣ или жалѣю о томъ, что не имѣеть никакой цѣли и ведетъ къ гибели? Нѣтъ! Я забрелъ въ эту сторону, съ цѣлью навѣстить могилы моихъ отцовъ и помолиться надъ ними; а потомъ снова отправлюсь въ путь и буду спокоенъ и счастливъ.

Такъ говорилъ Мнишевскій и каждое слово его глубоко запечатлѣвалась въ сердцѣ Адама. Онъ никогда еще не слышалъ ничего подобнаго и когда-нибудь долженъ былъ перемениться. Въдѣ лишніе годы жизни даны были ему не для чего иного, какъ только для исправленія.

И Адамъ задумался надъ своей глупо прожитой жизнью. Голосъ совѣсти впервые раздался въ его сердцѣ и онъ потребовалъ перерожденія. Разумѣется, нравственный переворотъ не могъ совершиться сразу правильно и тихо, ибо натура Адама привыкла къ бурнымъ чувствамъ и жаждала потрясеній. Однако онъ вдругъ круто повернулъ въ сторону и очутился на пути, совершенно противоположномъ первому.

Черезъ годъ никто не узнавалъ Адама; къ несчастью, исправленіе его не было совершенно; выйдя на другую дорогу, онъ сдѣлался аскетомъ. Бросивъ все, онъ ничего не ѣлъ по недѣлямъ, носилъ власяницу и вериги, бичевалъ себя и въ этомъ видѣлъ нравственную заслугу. Но, надѣвъ власяницу, онъ не изгналъ изъ своего сердца гордости и эгоизма; въ немъ не было ни христіанскаго смиренія, ни любви къ ближнему; и онъ

попрежнему оставался неприступнымъ, не понималъ снисходительности, такъ же строго осуждалъ другихъ, какъ и себя, требовалъ отъ человѣка невозможныхъ подвиговъ, превышающихъ силы, — и заслужилъ названіе изувѣра и фанатика.

А тутъ какъ на бѣду въ сердце его закралась скупость. Какъ могла совмѣститься эта страсть съ фанатизмомъ — рѣшить не берусь; но Адамъ умѣлъ примирять ихъ. Барскій дворъ, свидѣтель многихъ бурныхъ и безумныхъ сценъ, превратился въ печальную тюрьму.

Конечно, Маруся не могла рассчитывать на милость такого барина, тѣмъ болѣе, что никто не осмѣливался напомнить ему о сиротѣ. Принимая участіе въ дѣвушкахъ, управляющихъ долго качалъ головой и кончилъ тѣмъ, что утвердилъ за ней участокъ земли, подаренный когда-то ея отцу.

V.

Въ одно воскресное утро, сидя надъ могилой матери, Маруся услышала звуки колоколовъ, сзывавшихъ народъ христіанскій къ обѣднѣ.

— Пойду и я, — сказала Маруся: — нужно только немножко принарядиться.

Сказано, сдѣлано. Она умылась, причесалась, вынула лучшую бѣлую рубашку и праздничный фартукъ, надѣла новенькіе, купленные еще матерью, сапожки, и спустилась въ село. Она была прекрасна въ этомъ бѣдномъ нарядѣ. Какъ только она явилась на улицѣ, глаза всѣхъ устремились на нее. Бѣдняжка покраснѣла, ускорила шаги, но толпа любопытныхъ преслѣдовала ее до самой паперти. Здѣсь сидѣли въ праздничныхъ нарядахъ крестьяне Стависокъ и, въ ожиданіи богослуженія, вели шумную бесѣду. Много было тутъ и нашихъ старыхъ знакомыхъ: Ратай сильнымъ голосомъ пѣлъ что-то, Солодуха глубокомысленно разсуждала о чемъ-то съ бабой сосѣдней деревни, а далѣе въ разныхъ кружкахъ можно было видѣть Филиппа, Максима и ихъ женъ.

Какъ только дѣвушка показалась въ воротахъ, всѣ знакомые и незнакомые съ любопытствомъ обступили ее. Взрослые

подходили къ ней съ вопросами, дѣвушки поправляли на ней то платочекъ, то красный поясокъ. И сколько тамъ было шума, шопота, и намековъ! Старухи мѣрили сироту взглядами, а одна, отозвавъ Солодуху въ сторону, таинственно произнесла:

— Видишь, кума?

— Кого?

— Да Марусю цыганку?

— Вижу, вижу. Дѣвушка пригожая!

— И какъ еще пригожа!—замѣтила баба, качая головой;— но тутъ что-нибудь да есть.

— А по моему, ничего тутъ нѣтъ.

— А вотъ я тебѣ скажу, что думаю; пожила я-таки на свѣтѣ и много видѣла; что ни говори, кума, а тутъ что-нибудь да нечисто; ужъ я знаю цыганъ, народъ не христіанскій, съ чертями хлѣбъ-соль водятъ. Попробуй запереть нашего ребенка въ какую-нибудь конурку, да онъ и трехъ дней не выдержалъ бы!.. Самъ бѣсъ дѣвчонкѣ помогаетъ.

— Полно вздоръ молотъ! Ишь ты распустила паруса! *Гдѣ Римъ, гдѣ Крымъ, гдѣ бабиньска корчма!* *).

— Ну, погоди: ужотко сама увидишь, что я правду говорю. Ужъ я много кой-чего слышала. Мотруна была баба бойкая и ничего у нея не было—ни коровы, ни козы, а молоко не переводилось. Вотъ оно что! А мужъ? Что и говорить: ужъ кто не знаетъ, что ему чортъ помогать строить избу... Покойные теперь точно упыри, встаютъ по ночамъ, кормятъ и поятъ свое дѣтище...

Эти слова, произнесенныя съ глубокимъ убѣжденіемъ и таинственностью, произвели на Солодуху большое впечатлѣніе: она взглянула на Марусю, пожала плечами и не нашлась, что отвѣтить суевѣрной бабѣ, а та между тѣмъ продолжала:

— Глянь ка, глянь, кума! Волосы будто прилизаны, щеки словно снѣгомъ выбѣлены, а сапожки? а поясъ? а рубашка? Подумаешь, изъ богатой семьи. Откуда она беретъ все это? Съ неба, вишь, окромя дождя, снѣга и града ничто не падаетъ! И на лицѣ не замѣтно ни голода, ни холода, ни какой бѣды. Я вотъ свою молокомъ пою, а толку мало—уродъ уродомъ.

*) Пословица, осмѣивающая сочетаніе разнородныхъ представленій, не имѣющихъ между собою ничего общаго.

Вокругъ разговаривавшихъ старухъ собралось много бабъ. Всѣ слушали съ величайшимъ любопытствомъ рѣчи догадливой старухи. Мысль, брошенная съ дерзкой смѣлостью, охватила умы всѣхъ и бабы начали говорить о томъ, будто Солодуха съ Мартыновой видѣли собственными глазами, какъ Мотруна вставала изъ гроба, шла въ избенку, причесывала дочку и прjala съ нею. Къ вечеру нелѣпная басня съ прибавленіями обошла всѣ избы села.

Марусѣ страннымъ показалось, отчего при выходѣ изъ церкви никто не подошелъ къ ней; дѣти издали посматривали на нее, а женщины отворачивались, и бѣдная сиротка печально побрела домой. Но такъ какъ ей дѣлать было нечего, то она рѣшилась зайти къ Семеновой за новой работой. Когда она вошла въ избу, Семенова, сидя на скамьѣ, снимала свой головной уборъ; на лицѣ ея выражалось крайнее безпокойство.

Это была жена зажиточнѣйшаго въ Ставискахъ крестьянина, баба важная, толстая, сѣдая, управлявшая мужемъ и всемъ домомъ; она была добрая, но суевѣрная, какъ всѣ бабы. Сплетня о Морусѣ, такъ удачно пущенная съ церковной паперти, глубоко и непріятно подѣйствовала на нее; она съ замирающимъ сердцемъ думала, что можетъ быть мотки, предназначенные въ приданное одной изъ любимыхъ дочерей, прjались нечистой силой.

Маруся замѣтила съ перваго взгляда, что старуха недовольна ея приходомъ, и бѣдняжка сдѣлалась еще скромнѣе, поцѣловала жилистую руку богатой старухи и остановилась у дверей, мысленно моля Бога, что бы она не отпустила ее ни съ чѣмъ.

Старуха, посматривая изъ-подъ сѣдыхъ бровей, продолжала свое занятіе.

— Что скажешь, Маруся?—спросила она наконецъ.

— Да что, маменька, какъ всегда, пришла просить работы. Не откажите, ради Создателя. Безъ васъ у меня не было бы и хлѣба.

— Такъ ты работы просишь?—произнесла мрачно Семенова;—легко тебѣ говорить; а тутъ въ избѣ и мочки, можетъ быть, не найдется.

— Христось съ вами, маменька! У кого же и быть работѣ, какъ не у васъ! У такой хозяйки кублы биткомъ набиты льномъ, бѣлымъ какъ снѣгъ.

Семенова подавила самодовольную улыбку.

— Есть, правда твоя, есть!—сказала она,—но пусть свои попрядуть; вѣдь Катька, Парашка и работница сидятъ, сложа руки.

— А на мою долю неужто и клочка не найдется?—произнесла сиротка съ такимъ сожалѣніемъ и съ такой глубокой печалью, что старухѣ совѣстно стало кривить душой.—Когда-то вы были милостивы къ намъ, — прибавила дѣвушка: — не оставьте сироты...

Семенова поднялась со скамьи, помѣшала кочергой въ печкѣ и нѣсколько разъ прошлась по избѣ; было замѣтно, что она рѣшала важный вопросъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, моя голубушка!—сказала она наконецъ:—про тебя ходятъ не хорошіе слухи: говорятъ, что ты изъ рода знахарей, что всѣ ваши съ нечистымъ водились... и Богъ знаетъ, что такое! и прядешь-то ты будто не сама, а нечистая сила тебѣ помогаетъ...

Услышавъ это, Маруся перекрестилась и въ ужасѣ всплеснула руками.

— Боже мой! воскликнула она:—предъ кѣмъ я провинилась? За что меня обижаютъ, сироту беззащитную? Вѣдь я и въ церковь хожу, и крещусь, и молюсь такъ же, какъ и другіе.

Слезы полились ручьями изъ свѣтлыхъ глазъ Маруси.

Семенова была добра и сострадательна, и она съ искреннимъ участіемъ произнесла:

— Полно плакать! полно! они Богъ вѣсть, что еще выдумаютъ. Я ничему не вѣрю и вѣрить не хочу! Не любили они твоего отца, ни матери, и тебѣ готовы повредить... Я рассказала тебѣ только такъ... а ты не плачь, да подумай хорошенько, что дѣлать... Они не перестанутъ кленать на тебя, пока ты будешь сидѣть въ своей мазанкѣ. Надо, чтобъ они видѣли тебя. Они не возьмутъ въ толкъ, какъ ты можешь жить одна, да еще у самаго кладбища, что ты ѣшь и кто тебя одѣваетъ, а потому и болтаютъ всякую чушь.

Маруся не переставала плакать; старуха старалась успокоить ее и наконецъ вынула изъ печи горшокъ, налила въ миску какого-то кушанья, погладила по головѣ сироту и посадила ее

за столъ. Тутъ посыпались вопросы за вопросами. Вниманіе дѣвушки мало-по-малу, обратилось къ другимъ предметамъ, слезы высохли и она смѣло и расторопно отвѣчала хозяйкѣ. Старухѣ стало совѣстно, что она огорчила невинное дитя; стараясь какъ-нибудь загладить свою вину, она не только дала Марусѣ работу, но и хлѣба, сыру, крупъ, сала и даже хохлатую курочку-насѣдку.

Поцѣловавъ руку доброй старухѣ, дѣвочка, успокоенная, ошастливленная и обласканная, съ самыми свѣтлыми надеждами отправилась въ свое бѣдное жилище.

Такъ занималась заря новой жизни одинокой обитательницы хаты за околицей. Средства ея съ каждымъ днемъ увеличивались. Семенова щедро платила за работу, Солодуха и Ратай дѣлились съ Марусей послѣднимъ кускомъ хлѣба; даже ея дяди иногда оказывали ей помощь. Нелѣпная басня о вмѣшательствѣ нечистой силы въ дѣла сироты скоро разсѣялась.

Узнавъ, какимъ образомъ скромная, трудолюбивая дѣвушка пріобрѣтаетъ средства къ жизни, разсудительные люди сами посмѣялись надъ своимъ легковѣріемъ и старались искупить нанесенное сиротѣ оскорбленіе. Благодаря добрымъ людямъ, у Маруси явилось нѣсколько голубей, цѣлое стадо куръ, трое гусей, кошка и собака. Въ мрачной избушкѣ, такъ долго бывшей обителью плача и скорби, стало веселѣе, и жизнь одинокой и юной владѣлицы потекла ровно, спокойно и ясно... Но новыя событія измѣнили теченіе ея жизни.

VI.

Жаркій лѣтній день оканчивался однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ вечеровъ, какіе въ нашей сторонѣ рѣдкость; вѣтерокъ не колебалъ утомленной зноемъ растительности, ни одна тучка не пестрѣла на небѣ; воздухъ былъ такъ прозраченъ и чистъ, что внимательный глазъ, казалось, могъ бы замѣтить, какъ цвѣты впитывали въ себя прохладную росу. Кончивъ прясть, Маруся вздумала пойти за водѣй; послышавшійся издали топотъ коня остановилъ ее.

Дорогой мимо кладбища, насвистывая веселую пѣсню, ѣхалъ

въ село на савраскѣ какой-то молодой парень. Завидѣвъ вдали дѣвушку, онъ поѣхалъ тише и, прервавъ пѣсню, пристально посмотрѣлъ на незнакомку. Это былъ бѣлокурый, скромно и опрятно одѣтый юноша, съ охотничьей сумкой на плечахъ, въ такихъ же сапогахъ и въ соломенной шляпѣ домашняго издѣлія. По наружности его можно было принять за писаря или лѣсничаго. Сквозь загаръ, покрывавшій щеки, просвѣчивалъ яркій, свѣжій румянецъ молодости; въ глазахъ, полныхъ огня, выражались любопытство и смѣлость; по устахъ пробѣгала веселая, лукавая улыбка.

Молодые люди съ интересомъ посмотрѣли другъ на друга. Марусѣ стало какъ-то неловко: ей пришло въ голову, что незнакомецъ навѣрное слѣзетъ съ лошади, начнетъ говорить съ ней и попроситъ воды... Но ни чуть не бывало: онъ посмотрѣлъ только на избенку, на кладбище, на Марусю и поскакалъ дальше, продолжая насвистывать свою веселую пѣсню.

Маруся начала спускаться къ колодцу, но глаза ея какъ-то сами собою послѣдовали за незнакомцемъ. Ей было пріятно смотрѣть, какъ онъ смѣло скакалъ чрезъ плотину, не обращая вниманія ни на глубокія ямы, ни на высокіе пни; конь его рвался, фыркалъ и подымался на дыбы. Его веселая пѣсня щекотала слухъ дѣвушки, и ей почти стало грустно, когда всадникъ скрылся за избами и въ воздухѣ замерла его удалая пѣсня.

Впечатлѣніе, произведенное этой внезапной встрѣчей, не изгладилось, подобно другимъ, и хотя Марусѣ некогда было мечтать, однакожъ въ ея воображеніи часто представлялся всадникъ на саврасомъ конѣ. Хотя она старалась забыть его, но въ ея сердцѣ возникало безсознательное желаніе узнать — кто онъ? откуда?

Спустя нѣсколько дней, когда Маруся, по обыкновенію, рано утромъ шла на могилу матери помолиться, вдали послышался конскій топотъ и вскорѣ она увидѣла того же молодого человѣка на конѣ. Онъ скакалъ такъ же быстро, какъ и тогда. Поровнявшись съ избенкой, всадникъ остановилъ лошадь и долго смотрѣлъ на низкую дверь и узенькое окно. Замѣтивъ, что дверь заперта, онъ хотѣлъ было хлеснуть лошадь и ѣхать дальше, но, взглянувъ на кладбище, увидѣлъ Марусю и остано-

вился. Всадникъ, не зная какъ начать разговоръ съ дѣвушкой, долго молчалъ, вертясь на одномъ мѣстѣ, и наконецъ, собравшись съ духомъ, крикнулъ:

— Дѣвушка! а, дѣвушка! кто живетъ въ этой избушкѣ?

— Я... А что?

— Что жъ ты дѣлаешь на кладбищѣ?

— Тоже, что и всегда—молилась, а теперь пряду.

— А не можешь ли мнѣ дать водицы попить?

— Подожди, сейчасъ.

Оставивъ прялку на кладбищѣ, Маруся побѣжала въ избу и черезъ минуту явилась съ ковшемъ и подала его незнакомцу. Молодой человѣкъ съ выраженіемъ особеннаго любопытства, словно не вѣря глазамъ своимъ, присматривался къ каждому движенію дѣвушки. Онъ взялъ дрожащей рукой ковшъ и медленно, будто нехотя, поднесъ его къ губамъ; тѣмъ временемъ конь рылъ копытомъ землю, а собачка, выбѣжавшая за Марусей, вѣроятно, желая опредѣлить, что за человѣкъ пріѣзжій, обнюхивала его со всѣхъ сторонъ. Должно быть, по ея изслѣдованію, въ молодомъ человѣкѣ не оказалось ничего дурного, потому что она скоро успокоилась и начала смотрѣть ему въ лицо.

— Такъ это ты тутъ живешь?—сказалъ парень, поглядывая то на дѣвушку, то на ковшъ.—Удивительно!..

— Что жъ тутъ удивительнаго?

— Противъ кладбища!—проворчалъ молодой всадникъ.—Ты живешь съ родителями?

— Нѣтъ! У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Такъ съ кѣмъ же ты живешь?

— Ни съ кѣмъ,—одна!

— Будто одна? Это невѣроятно.

— Съ кѣмъ же мнѣ жить?... Я сирота.

Незнакомецъ почти безсознательно дѣлалъ вопросы и, казалось, не слушалъ отвѣтовъ; его мысли были устремлены къ предмету другого рода. Чтобы продлить разговоръ, онъ хотѣлъ было спросить еще кой о чемъ, но ему стало совѣстно. Отдавъ ковшъ и поблагодаривъ дѣвушку, онъ дернулъ узду, конь махнулъ головой и помчался къ лѣсу. Собака, сидѣвшая совершенно спокойно, съ пронзительнымъ лаемъ бросилась за нимъ,

а Маруся, задумчиво и печально проводивъ глазами таинственнаго всадника, возвратилась на могилу матери.

Но не успѣла еще улечься пыль, поднятая копытами скакуна, какъ у самаго кладбища раздалась хорошо знакомая Марусѣ пѣсня стараго Ратая. Онъ вышелъ изъ корчмы, гдѣ, вѣроятно, осушилъ пару косухъ, потому что пѣлъ во все горло; ужъ такая его была натура: если трезвъ, то молчить, а выпьетъ двѣ-три косухи—во весь ротъ затянетъ пѣсню, всегда, впрочемъ, серьезнаго содержанія.

На пѣсню старика собачка отвѣчала лаемъ.

— Ага! Маруся ужъ на кладбищѣ! — рывкнулъ Ратай: — добраго утра! Богъ въ помощь! Ну, что слышно?

Говоря это, онъ вошелъ на кладбище и сѣлъ подлѣ дѣвушки.

— Ничего не слышно, — отвѣчала дѣвушка.

— О, брешешь, цыганенокъ! — смѣясь, сказалъ Ратай: — а кто наемдни проѣзжалъ мимо твоей избенки? Кто сегодня былъ тутъ, а?

Маруся покраснѣла, какъ пюнь, и выпустила изъ рукъ вертено.

— Да кто же былъ?

— А на саврасой-то лошаdkѣ, а? Вѣдь былъ кто-то, былъ? Не запирайся... Славный парень; и хотъ мои глаза не видѣли, зато уши слышали. Полно, Маруся, таиться, признайся!

— Отчего жъ и не признаться? Передъ тобой, дѣдушка, таиться нечего. Вотъ какъ это было: наемдни, вечеромъ, онъ проѣзжалъ мимо избенки и поглядѣлъ на меня; а сегодня опять проѣхалъ, водицы захотѣлъ выпить, попросилъ, я и подала... А ты, дѣдушка, знаешь его?

Ратай покачалъ головой. Маруся задрожала, какъ въ лихорадкѣ; ей было какъ-то неловко.

— Пожалуй, я расскажу тебѣ, что и откуда знаетъ моя старая голова. Былъ я въ корчмѣ; слышу, тамъ только и говорятъ, что объ этомъ парнѣ. Безъ нужды, — говорятъ, — онъ начинаетъ ѣздить мимо кладбища; а недавно, — говорятъ, — заѣхалъ въ корчму и спрашиваетъ: «Кто живетъ въ хатѣ, что за околицей? Какая тамъ дѣвушка?» Извѣстно, догадались: знать, у молодца тамъ зазнобушка! Вотъ и подняли его на смѣхъ. Повертѣлся онъ, поглазѣлъ, да и убрался. Шальной

онъ, голубушка, берегись его, а то какъ разъ голову свернетъ. Вѣдь ты не знаешь... онъ барченокъ; отецъ его богачъ и живетъ въ Руднѣ... Отца его зовутъ Хоинскій, а сына, просто—Оомка. Онъ служитъ лѣсничимъ. Деньжонки у батюшки, какъ слышно, водятся большія; онъ торгуетъ чѣмъ Богъ пошлетъ, и счастливо торгуетъ, а сынишка протираетъ глаза батькинымъ деньгамъ,—такъ ужъ ведется у этихъ пановъ: коли отецъ дѣльный, работающій, то сынокъ — вѣтрогонъ, сорванецъ. Вотъ и Оомка точно такой же. Нечего сказать, парень онъ не пьющій, да къ вашему полу больно ужъ падокъ, въ огонь и въ воду готовъ броситься за вами. Увидитъ пригожую дѣвку, ну, и начнетъ подвозить турусы на колесахъ; гостинцы покупаетъ, на вечеринки ходитъ, по заборамъ лазить. Ужъ не одну дуру онъ надулъ. Много перебралъ и шляхтянокъ, и мужичекъ. Да и къ тебѣ не даромъ въ другой разъ понавѣдался: надоѣла, должно быть, Катерина, такъ къ тебѣ пристать хочетъ. Смотри, берегись!

— Спасибо, дѣдушка, за совѣтъ,—отвѣчала Маруся:—хорошо, что сказалъ, кто онъ... Пусть только теперь покажется мнѣ на глаза, я сумѣю выпроводить его...

— Вотъ люблю! молодецъ дѣвка!—произнесъ старикъ, хлопая въ ладоши:—проучи барченка, да все-таки и сама будь осторожна: береженаго и Богъ бережетъ! На себя много не надѣйся: ты молода и онъ—тоже; у обоихъ кровь горячая и, коли пристанетъ—бѣда, не отвяжешься.

— Э, дѣдушка, нечего опасаться! Господь хранить отъ бѣды...

— Хорошо, хорошо, голубушка! Но я съ тобой больно заговорился, а завтра ярмарка и нужно идти; хромой Лайда тоже, пожалуй, притащится и станетъ на лучшее мѣсто... Ну, прощай, Маруся, да смотри покрѣпче запирай двери, чтобы не ввести вора въ грѣхъ.

Старикъ ушелъ въ веселомъ расположеніи духа и, какъ только вышелъ на дорогу, снова затянулъ пѣсню, начавъ съ того стиха, на которомъ прервалъ его лай собаки. Маруся продолжала прясть, и Богъ знаетъ, какія чувства волновали ея дѣвичью грудь; она часто вздрагивала и то поглядывала на дорогу, то на обширное поле, то погружалась въ думу и вере-

тено падало изъ рукъ. Въ этотъ день работа тихо подвигалась впередъ.

Стало смеркаться; Маруся ушла домой, заперла дверь на задвижку и уже готова была лечь спать, какъ на дорогѣ слышался топотъ и въ тоже время раздался лай собаки, расположившейся на ночь у двери. Но вдругъ все стихло... Оомка (это былъ онъ) осадилъ коня. Маруся подбѣжала къ окну, посмотрѣла и отскочила на середину избы.

Воцарилось молчаніе, но вскорѣ раздался стукъ въ двери: сердце бѣдной дѣвушки забилося, а собака залилась звонкимъ лаемъ.

Оомка опять постучался въ окно.

— Кто тамъ? — дрожащимъ голосомъ спросила Маруся.

— Я!

— Кто—я? Что тебѣ надо? — спросила дѣвушка смѣлѣе.

— Да я! чего ты боишься?... Что это у тебя такъ рано дверь заперта?

— Я одна, рано запираю дверь и никого ночью не впускаю въ избу.

— Жаль! А я хотѣлъ воды испить да и сказать тебѣ кое-что! Ну,пусти!

— Ступай съ Богомъ; село не далеко, тамъ и напьешься.

— Отопри окно и возьми отъ меня гостинецъ.

— Спасибо, я не беру, а окно у меня не отпирается.

— Проклятая избенка! — проворчалъ парень. — Ну, такъ прощай! — прибавилъ онъ громко: — я на завалинѣ оставляю подарокъ.

На дворѣ слышался топотъ и веселая пѣсня, вмѣстѣ съ нимъ, понеслась въ село.

Сердце Маруси билось все сильнѣе и сильнѣе; слово «подарокъ» еще звучало въ ушахъ; воображеніе чудными красками расписывало первое приношеніе любви молодого, богатаго чело-вѣка; бѣдной дѣвушкѣ хотѣлось хоть взглянуть на него, но инстинктивный страхъ сжималъ ее сердце и подгибалъ ноги. «Оомка далеко, никто не увидитъ», подумала дѣвушка и колеблющимися шагами направилась къ двери. Тутъ ее встрѣтила вѣрная собака и съ сердитымъ лаемъ бросилась къ ней. Маруся, принявъ это за предостереженіе, воротилась къ постели.

Она долго не могла заснуть; нужно было не мало силъ, чтобъ

побѣдить желаніе принять подарокъ и умирить взволнованныя чувства.

На другой день, какъ только разсвѣло, Маруся высунула голову, чтобъ посмотрѣть на свою неожиданно пріобрѣтенную собственность, стоявшую ей нѣсколько часовъ душевнаго волненія; она увидѣла свертокъ неопредѣленнаго цвѣта; бѣдная дѣвушка колебалась, но возбужденное любопытство рѣшило борьбу. Она подошла поближе и увидѣла нѣсколько аршинъ лентъ малиноваго цвѣта и большой красный платокъ, какого бѣдная дѣвушка съ роду не видала. Она развернула дрожащими руками платокъ и съ жадными глазами начала разсматривать его. Она бы взяла эту, по ея мнѣнію, драгоценную вещь, но какое-то непонятное чувство заставило ее отказаться отъ нея. На душѣ ей стало легко; но она принялась за свою работу уже не съ тою беззаботностью, которая проглядывала во всей ея фигурѣ. Она попрежнему въ опредѣленный часъ вышла на могилу матери, съ своею прялкой, и попрежнему потянулась въ рукахъ ея длинная нитка, но работа шла какъ-то вяло, а мысли упорно вертѣлись около платка и лентъ.

Такъ прошло нѣсколько часовъ; ужъ солнце поднялось высоко, когда съ дороги послышался знакомый топотъ; дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу; она торопливо начала дергать мочку—и веретено засвистѣло въ рукѣ.

Всадникъ остановился противъ избушки и оглянулся; лай собаки обратилъ его вниманіе въ ту сторону, гдѣ сидѣла Маруся.

— Что за чортъ! зачѣмъ она сидитъ всегда на кладбищѣ?—соскакивая съ коня, проворчалъ раздосадованный Оумка.

Молодой человѣкъ, какъ и всѣ обитатели деревень и мѣстечекъ, былъ суевѣренъ и ни за что не рѣшился бы, какъ говорится, точить дѣвущкѣ лѣсы на кладбищѣ; ему сдѣлалось досадно на самого себя и на Марусю, и онъ не зналъ, что дѣлать.

— Здравствуй, голубушка! — сказалъ онъ, опершись на кладбищенскій валь.—Ну, что? Какъ тебѣ нравится мой гостинецъ? Въдь могу я чего-нибудь ждать отъ тебя за подарокъ? Не правда ли?

— Вотъ еще что!..— произнесла Маруся, поднимая голову.

Твой подарокъ лежитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты его положилъ, если только ночью его кто-нибудь не прибралъ...

— Такъ ты не взяла?

— Нѣтъ. Къ чему мнѣ твои подарки? Увидя ихъ у меня, люди не вѣсть что станутъ говорить обо мнѣ—засмѣютъ.

— Будто ужъ всѣ обо всемъ и знаютъ, — сладко возразилъ искуситель, закручивая усы и страстно поглядывая на дѣвушку.

— А Богъ?

— Такъ что жъ? Вѣдь Онъ не запрещаетъ брать подарки.

— Этого я не знаю, — сказала Маруся, подумавъ немного: — но дѣло въ томъ, что я никогда ничего не брала даромъ и — не возьму.

Не довѣряя бѣдной дѣвушкѣ, Ома оглянулся и увидѣлъ на завалящѣ платокъ съ лентами: ему досадно стало.

— Ну, какъ хочешь! — произнесъ онъ холодно: — не взяла ты — возьметъ другая.

— Вотъ такой и носи свой гостинецъ, хоть бы Катеринѣ, — съ язвительной улыбкой отвѣчала Маруся, припомнивъ рассказъ Ратая: — завидовать не стану.

„Плутовка! — подумалъ парень, кусая губы: — попала коса на камень... Да не одна она на свѣтѣ“...

Пріемъ дѣвушки не понравился молодому человѣку, привыкшему къ легкимъ побѣдамъ и гордящемуся своимъ шляхетствомъ и богатствомъ. Стараясь, однокожъ, казаться равнодушнымъ, онъ засвисталъ пѣсню, вскочилъ на коня, подѣхалъ къ избенкѣ, схватилъ платокъ съ лентами, сунулъ его за пазуху и, не взглянувъ даже на Марусю, умчался въ село.

Маруся старалась не глядѣть вслѣдъ вѣтрогону и уставила глаза на прялку, но она видѣла каждое его движеніе и сердце ея болѣзненно сжалось, когда онъ, не бросивъ даже взгляда, скрылся вдали.

Она заплакала.

Маруся не могла объяснить причины этихъ слезъ даже самой себѣ: а между тѣмъ бѣдняжкѣ было такъ грустно, какъ будто она лишилась одного изъ любимѣйшихъ существъ, дѣлившихъ съ нею одиночество и трудъ. И все какъ-то не шло ей на ладъ: веретено выпадало изъ рукъ, нитки рвались, пѣсня за-

мирала на устахъ; а когда наступила ночь, то сонъ ни на минуту не сомкнулъ ея усталыхъ вѣкъ. Ухо вслушивилось въ каждое малѣйшее движеніе воздуха и ждало, не услышитъ ли оно звуковъ пѣсти и топота ковы... Но на дорогѣ царствовала глубокая тишина.

УП.

Оомка подумалъ такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Не велька сердцю туга,
Колы нѣтъ у сердца друга...

и поскакалъ въ корчму на танцы. Тамъ собралось множество деревенскихъ дѣвокъ; оркестръ, составленный изъ скрипки, баса и бубна, игралъ такъ хорошо и увлекательно, что не было возможности усидѣть на мѣстѣ; ноги сами собою, кажется, безъ желанія и безъ участія своихъ хозяевъ, отплясывали трепака. Оома, окруженный толпою прекраснаго пола, былъ въ своей тарелкѣ,—любезничалъ, ухаживалъ, угощалъ, шепталъ, поилъ и плясалъ напропалую; казалось, онъ вовсе забылъ о Марусѣ. Но когда онъ воротился домой и легъ въ постель, прекрасное лицо цыганки долго мѣшало ему заснуть.

— Какъ она хороша!—думалъ Оомка, сердито ворочаясь съ боку на бокъ: — ну, да чертъ съ ней! Нищенка, а туда-же, какая гордая! Проживу и безъ тебя, голубушка! Вонъ изъ головы цыганку!.. Что проку въ ея красотѣ! Думаешь, стану ухаживать да ручки лизать?

Благодаря такой рѣшительности, купленной безсонною ночью, парень цѣлую недѣлю не являлся на дорогѣ, пролегавшей мимо хаты у кладбища.

Маруся грустила, а Оомка не переставалъ сердиться, и въ одинъ прекрасный день самъ не замѣтилъ, какъ саврасый примчалъ его къ ея избушкѣ.

Маруся, по обыкновенію, пряла, сидя у могилы матери. Парень, насвистывая какую-то пѣсню, пронесся какъ привидѣніе и тѣмъ кончилось ихъ свиданіе.

Прошло нѣсколько дней, и Оомка забылъ о своей рѣшимости

сти и, замѣтивъ, въ какое время она ходитъ за водою, пріѣхалъ пораньше, чтобъ остановить ее на дорогѣ.

— А! здравствуй, красавица! — произнесъ онъ.

— Здравствуйте.

— Что это? Неужто ты сама ходишь за водою?

— А кто жъ для меня станетъ носить ее? Мнѣ и самой не тяжело принести два ведра воды.

— Но мнѣ жаль твоихъ ручекъ; у тебя онѣ не такія, какъ у мужички.

— Такъ неужто для того, что онѣ хороши, надо сложить ихъ, да и сидѣть безъ дѣла? Этакъ можетъ жить развѣ только какая-нибудь барышня, а я умерла бы отъ скуки.

— Славная изъ тебя будетъ хозяйка! — сказалъ Өмка, стараясь польстить дѣвушкамъ.

— Почему — „будетъ“? вѣдь я и теперь хозяйка. Одна въ своей избѣ, сужу да ряжу...

— Слышалъ я, слышалъ... въ селѣ надивиться не могутъ твоему трудолюбію.

— Ну, да если бы я каждый день, какъ сегодня, стала бы болтать съ парнями среди дороги, то плохо бы пошло мое хозяйство! Солнце высоко и надо скорѣй идти за водой.

— Пойдемъ вмѣстѣ, — сказалъ Өмка, наскоро привязывая лошадь къ березѣ, — пойдемъ вмѣстѣ.

Маруся не отвѣчала; Өма, вѣроятно, принялъ молчаніе за знакъ согласія и медленно послѣдовалъ за дѣвушкой.

— Отчего ты, Маруся, никогда не придешь въ корчму поплясать? — произнесъ Өмка, стараясь завязать разговоръ.

— Некогда.

— А въ воскресенье?

— И въ воскресенье есть свои занятія: кормлю куръ, гусей, голубей, готовлю кушанье, хату прибираю, отдыхаю.

— И тебѣ не скучно въ этомъ пустырѣ?

— Нѣтъ, некогда скучать... прями столько, что всей не перепрядешь...

— Я удивляюсь тебѣ, Маруся; другая на твоёмъ мѣстѣ умерла бы отъ скуки. Тебѣ кто-нибудь помогаетъ?

— Кто жъ мнѣ станетъ помогать? Одна милость Божія... Маруся вздохнула.

А между тѣмъ Өомка пожиралъ ее глазами; въ первый разъ такъ долго случилось ему говорить съ Марусей; онъ наблюдалъ за нею и не упускалъ ни одного ея жеста, ни одного взгляда; съ каждой минутой онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что во всемъ околоткѣ нѣтъ, да, кажется, и не было никогда такой умной красавицы. Онъ сравнивалъ ее со всеми своими знакомыми и нашелъ, что даже бѣлокурая и бѣлолицая Петронелла, горничная съ сосѣдняго двора, и та въ подметку не годится цыганкѣ.

Өомка никакъ не могъ понять, отчего онъ, одержавшій много блистательныхъ побѣдъ надъ женщинами и умѣвшій завлечь ихъ веселой бесѣдой и подарками, вдругъ потерялъ въ присутствіи ея тѣ драгоценныя способности, которыя онъ пріобрѣлъ долгимъ опытомъ, сталъ робокъ, застѣнчивъ и почти лгунъ.

— Неужто мнѣ не сладить съ этимъ цыпленкомъ?—думалъ онъ.—Вѣдь она не королева, а сирота, цыганка, дрань!.. А какъ удобно знаться съ нею!.. Хата за селомъ... живетъ одна, пріѣзжай когда вздумается, и никто не увидитъ...

Между тѣмъ они подошли къ колодцу; Өомка рассчитывалъ помочь ей вытащить ведро и за эту услугу сорвать поцѣлуй. Но прежде, чѣмъ онъ собрался подойти къ колодцу, Маруся успѣла вытащить оба ведра, и такимъ образомъ задуманный планъ рушился. Маруся, поднявъ ведра на коромыслѣ, собралась въ обратный путь; Өомка пошелъ за ней; онъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось: куда дѣвалась его прежняя смѣлость и болтливость? Съ каждымъ шагомъ впередъ онъ становился молчаливѣе и задумчивѣе, а Маруся—веселѣе и смѣлѣе.

— Хорошо!—подумалъ Өомка:—теперь я найду въ избу и тамъ дѣло пойдетъ успѣшнѣе.

Но цыганка поставила ведра у порога и сѣла на завалинкѣ. Өомка проклиналъ въ душѣ смѣтливость цыганки. Однако, дѣлать было нечего. Онъ тоже усѣлся на завалинкѣ; но лишь вздумалъ придвинуться къ Марусѣ, какъ догадливая собака показала ему рядъ своихъ острыхъ бѣлыхъ зубовъ, готовыхъ защищать прекрасную владѣлицу заколдованной избы. Өомка, принявши на себя видъ печальнаго рыцаря, помолчалъ нѣсколько минутъ, и убѣдившись, что съ упрямой дѣвочкой не такъ-то легко слалитъ, сѣлъ на коня и выместилъ на немъ

досаду, при чемъ поклялся—обѣзжать хату за селомъ, хотя бы и представилась надобность проѣзжать по этой дорогѣ.

Маруся не тронулась съ мѣста; она призадумалась, и долго просидѣла бы на завалинкѣ, если бы не явилась Солодуха.

Сирота бросилась къ старухѣ на шею. Она нуждалась въ свѣтѣ опытной женщины и ей необходимо было рѣшить вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ Ѳомѣ, такъ внезапно открывшемъ предъ нею новый свѣтъ и новыя требованія жизни; притомъ ея сердце было преисполнено странными чувствами, которыхъ нельзя было скрыть отъ чужого взора. Не удивительно, что сирота обрадовалась въ такую трудную минуту приходу женщины, которая должна была замѣнить ей мать, отца, сестру...

— А! матушка! родная моя!—крикнула Маруся, повиснувъ на шеѣ старухи, — какъ я рада, что ты пришла ко мнѣ! А я хотѣла бѣжать къ тебѣ.

— Ну, что? Ужъ не напроказничалъ ли этотъ сорванецъ? Признайся!—съ улыбкой прибавила Солодуха.

— Не то...—отвѣчала дѣвушка, —я не знаю, что съ нимъ дѣлать; привязался и не отстаетъ.

Баба покачала головой.

— Что жъ ты думаешь?—спросила старуха.

— Сущую правду сказать, матушка?

— Да, да! сущую правду!

И старуха уставилась на нее пытливыми глазами.

— Вотъ, что я думаю,—смѣло сказала Маруся:—жениться на мнѣ—онъ не женится, и никто не согласится меня, сироту, взять въ свой домъ; повернется тутъ, да и укачетъ, какъ надобѣсть; тоску только на сердцѣ оставить...

Солодуха оскалила свои десны.

— Правда, правда!—сказала она,—этотъ негодяй не одну дѣвку одурачилъ... Пора косѣ попасть на камень. Ну, а понравился онъ тебѣ?—лукаво спросила старуха.

— Еще бы! —прошптала она, — онъ не дурень; одно только—панычъ! Да что говорить! Онъ не для меня.

Маруся вздохнула.

— Э! на свѣтѣ дѣлаются и не такія дѣла,—сказала старуха.—Не диво, если-бъ сынъ Хопинскаго женился на цыганкѣ.

Поглядѣла бы ты, на какихъ дѣвушкахъ подчасъ женятся великіе паны. Сумѣй только голубчика поводить за носъ — дѣло само уладится...

Старуха помолчала съ минуту.

— Коли ужъ на то пошло,—продолжала она, — такъ не лучше ли тебѣ на время перейти къ намъ? Оно какъ-то безопаснѣе; къ тому же еще эти проклятые бродяги пришли, —прибавила Солодуха, понизивъ голосъ.

— Кто?—спросила Маруся.

— Ну, да тѣ... съ ними когда-то твой отецъ зашелъ въ нашу сторону да и засѣлъ тутъ...

Дѣвушка вскочила съ мѣста. Слова старухи произвели на нее странное дѣйствіе: ея лицо поблѣднѣло, губы задрожали и слезы радости брызнули изъ глазъ. Намекъ о цыганахъ, сдѣланный Солодухой, открылъ сиротѣ многое, чего она до сихъ поръ не знала; въ бродягахъ она увидѣла родственное племя и подумала, что въ обществѣ этихъ пришельцевъ она найдетъ и приютъ, и сочувствіе. Мечта нарисовала ей въ одно мгновеніе цѣлый рядъ тихихъ наслажденій, которыя вкушаетъ человѣкъ только въ семейномъ кругу.

Солодуха не понимала, что сдѣлалось съ Марусей.

— Что съ тобой, голубушка?—спрашивала она.—Ты ихъ боишься? Ну, такъ ступай со мной, и я никому не позволю обидѣть тебя; бояться нечего!..

— Нѣтъ, не боюсь! вѣдь они мнѣ свои, свои!..

Солодуха мгновенно вскипѣла гнѣвомъ.

— Какіе они свои? Ты бредишь, что ли? Это бродяги! нехристи! Твоя мать была христіанка, а отецъ...

— Отцу они братья,—перебила дѣвушка.

— Полно, стыдись! плюнь на нихъ! какіе они братья? Покойникъ бѣжалъ отъ нихъ...

— А развѣ маменькины братья лучше ихъ?

Солодуха сдѣлала гримасу.

— Да ты знаешь, что это за народъ? — горячо спросила старуха.—Мать тебѣ ничего не говорила, а больше и сказать было некому; такъ я тебѣ скажу. Отъ этихъ бродягъ всѣ бѣгаютъ: они воры, разбойники, колдуны, нехристи! Понимаешь?

Маруся слушала и дрожала всѣмъ тѣломъ; непонятный

страхъ овладѣлъ ею; она сама не знала, что дѣлать; любопытство влекло ее къ табору цыганъ, а привычки—заставляли остаться дома. Въ головѣ ея все перепуталось; она заломила руки и посмотрѣла на могилу матери.

— Ну, что ты думаешь?—спросила Солодуха.

— Не знаю... но меня что-то останавливаетъ, — отвѣтила дѣвушка. — Что дѣлать съ хозяйствомъ? Ты думаешь, матушка, что мнѣ стоитъ только узелокъ съ лохмотьями взять — и сборамъ конецъ? А куда прикажешь дѣвать куръ, гусей, голубей, собаку, кошку? Вѣдь они безъ меня пропадутъ...

— Такъ ты изъ-за курицы погубить себя хочешь, что ли?

— Знаешь что, матушка? — приближаясь, произнесла дѣвушка. — Цыгане долго гостить у насъ не будутъ, а Ѳомка какъ-нибудь отвяжется... Посиди ты у меня нѣсколько дней!

Старуха задумалась. Спустя нѣсколько минутъ, она сказала:

— Пожалуй, коли старикъ мой потащится куда-нибудь на ярмарку или на праздникъ, такъ я приду и посижу денекъ другой.

Маруся поцѣловала ея руку.

VIII.

Дѣйствительно, за селомъ, на равнинѣ, уже расположилась та же шайка цыганъ, которая посѣтила Стависки много лѣтъ тому назадъ. Въ ней все перемѣнилось.

Дѣти Апаша выросли: самъ онъ отъ трудовъ и старости согнулся; прелестная Аза далеко ужъ не была такъ прекрасна. Въ послѣднее время она волей или неволей сдѣлалась женою Апаша, и, пользуясь упадкомъ его силъ, правила имъ и цѣлымъ таборомъ. Ея суровый взглядъ бросалъ старика въ ознобъ, а его дѣти боялись мачихи; остальные повиновались ей, какъ предводителю. Послѣ продолжительныхъ странствованій по міру, ей снова захотѣлось навѣстить село, въ которомъ она оставила по себѣ такъ много горькихъ воспоминаній. Кто знаетъ, быть можетъ, чья-либо могила привлекла ее сюда.

И вотъ, когда съ возвышенности открылась широкая и хорошо знакомая равнина съ зеленой могилой, съ свѣтымъ

прудомъ и пестрымъ лугомъ, глаза Азы засверкали неестественнымъ, дикимъ огнемъ и губы судорожно сжались.

Потерявъ прелесть молодости, Аза приобрѣла красоту, свойственную зрѣлому возрасту. Она попрежнему была стройна и черты лица нисколько не измѣнились, только глаза не горѣли ужъ прежнимъ блескомъ; не извѣстно, отчаяніе ли, слезы ли ихъ помрачили; зубы попрежнему были бѣлы, а курчавые волосы, какъ осенніе листья, какъ-то уныло падали на плечи... Цыганка, несмотря на свои лѣта и на тоску, снѣдавшую сердце, не переставала заботиться о своемъ нарядѣ, и въ то время, когда ея увядшія сверстницы едва прикрывали свои тѣла какими-нибудь одѣялами, она одѣвалась изящно и роскошно.

Впрочемъ, черты ея лица съ каждымъ годомъ принимали все болѣе суровый оттѣнокъ, углы губъ опускались и придавали улыбка презрительное выраженіе; глаза съ большимъ отвращеніемъ глядѣли на міръ. Казалось, она хотѣла мстить всѣмъ за свои страданія, не щадила никого и ничего. Апрашъ, любившій ее, дѣлалъ все, что ей было угодно.

Въ первую же ночь, послѣ прибытія въ Стависки, Аза исчезла. Апрашъ схватился за сѣдые волосы и побѣжалъ на барскій дворъ, но тамъ жены его не было. Нѣмая, задумчивая и страшная, какъ привидѣніе, она цѣлую ночь просидѣла на могилѣ Тумра. Но, вмѣстѣ съ ночью улетѣли и мрачныя думы. Она съ дикимъ смѣхомъ вскочила съ мѣста и, засунувъ горсть могильной земли за пазуху, побѣжала къ Адаму, чтобы насмѣшкой облегчить свое страданіе. Она пришла именно въ то время, когда старый грѣшникъ собирался куда-то уѣхать. Въ этотъ день кучеръ опоздалъ и, за неисправность, отведенъ былъ на гумно, гдѣ и получилъ приличное палочное возмездіе; а баринъ ждалъ, пока кончится его отеческое наставленіе и пока вразумленный парень подкатитъ къ крыльцу на маленькой тележкѣ. Въ это время явилась Аза.

Адамъ съ перваго взгляда узналъ цыганку. Взглянувъ на нее, онъ невольнымъ движеніемъ закрылъ лицо руками, а цыганка, не безъ труда узнавъ въ дрябломъ старикѣ своего поклонника, покатила со смѣху.

— А! это ты, голубчикъ? — произнесла она. — Здравствуй, мой милый! А!-а!-а! что съ тобой?

— Пошла вонъ, безстыдница! — закричалъ помѣщикъ, не отнимая рукъ отъ глазъ: — исчезни, дьяволъ! или я велю вы-сѣчь тебя! Вонъ, чтобъ и духу твоего здѣсь не было! Слышишь?

— Какъ ты вѣжливо принимаешь меня, — смѣясь, возразила цыганка. — Да ты посмотри на меня; вѣдь я еще не такъ стара и гадка, какъ ты! На-дняхъ два молокососа ухаживали за мной, такъ что я не знала, куда дѣваться; насилу отвязались!

Адамъ не слышалъ уже этихъ словъ; испуганный, онъ убѣжалъ въ комнаты.

Аза посмотрѣла ему вслѣдъ, плюнула и ушла. По дорогѣ она встрѣтила какую-то дѣвочку и спросила у ней, кто живетъ въ хатѣ за околицей, и, узнавъ о дочери Тумра, пошла далѣе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избы Маруси, собака съ пронзительнымъ лаемъ встрѣтила цыганку. Она остановилась, окинула взоромъ мазанку, взглянула на кладбище и увидѣла прекрасную дѣвушку. Черты лица Маруси живо напомнили ей Турма; сердце ея облилось кровью и горячая слеза скатилась на землю.

— Боже! какъ она хороша! — подумала она: — я никогда не была такой! Какъ жаль, что она заброшена въ глуши, терпитъ нужду и голодъ... Нужно приманить ее къ себѣ!..

Аза долго смотрѣла на Марусю и что-то ворчала; Маруся, съ своей стороны, съ любопытствомъ и страхомъ всматривалась въ прекрасное, но свирѣпое лицо незнакомки.

Между тѣмъ собака заливалась лаемъ и грызла землю отъ злости.

— Послушай, милая! — закричала Аза: — позови къ себѣ собаку: мнѣ надо поговорить съ тобой.

Маруся позвала своего вѣрнаго товарища, но тотъ повилялъ хвостомъ, кувыркнулся раза два и снова залаялъ.

Цыганка вошла на кладбище, сѣла подлѣ дѣвушки и впи-лась въ нее глазами; послѣ продолжительнаго молчанія, сирота тихимъ, ласковымъ голосомъ спросила:

— Что ты такъ смотришь на меня, добрая женщина?

Аза горько засмѣялась.

— Я? добрая!.. нѣтъ, я совсѣмъ не добрая! Но я знала твоего отца, ты мнѣ напомнила его...

— И мать?

Аза не отвѣтила.

— Давно умерла твоя мать?—отрывисто спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— О, давно!—печально отвѣтила Маруся.—Вотъ и могла ея... видишь, какъ зеленѣть.

Она указала на насыпь, у которой онѣ сидѣли. Аза вздрогнула и отодвинулась.

— Какъ же ты жила безъ отца и матери? Кто о тебѣ заботился?

— Одинъ Богъ!

— Кто же кормилъ тебя?

— Я сама работала и мнѣ платили за работу.

— И никто не пожалѣлъ тебя? никто не помогъ?

— Я ни на кого не жалуюсь,—возразила Маруся:—и я не нуждалась ни въ чьей помощи и состраданьи: я привыкла жить собственными трудами... Конечно, нельзя сказать, чтобъ у меня не было благодѣтелей.

— Кто-жъ эти благодѣтели?—съ любопытствомъ спросила цыганка.

— Солодуха и мужъ ея Ратай—они нищіе.

— Ну, воображаю, какъ тебѣ было хорошо подъ ихъ покровительствомъ. Брось ты эту гадкую жизнь; ты достойна лучшей участи. Ступай съ нами въ широкій свѣтъ. Какая тутъ жизнь? Живешь какъ собака и предъ глазами все одно да одно: вездѣ трудъ и горе; а вотъ, у насъ совсѣмъ другое дѣло: вся земля въ нашемъ владѣніи, никакихъ границъ мы не знаемъ. Худо здѣсь—идемъ дальше, въ Венгрію, къ морю, а тамъ цѣлый городъ плаваетъ на водѣ. И просторно намъ, и привольно; мы не знакомы съ тоской, потому что тосковать некогда: поемъ пѣсни... каждый день новые предметы... Брось свою землянку и иди къ намъ; тутъ тебя не любятъ, отталкиваютъ, а у насъ будешь королевой, какъ я.

Сердце Маруси дрогнуло; въ душѣ проснулись цыганскіе инстинкты и уста онѣмѣли. Аза, между тѣмъ, все болѣе и болѣе одушевлялась, рѣчь ея переливалась въ обольстительную пѣсню, въ которой звучали чудные звуки, готовые превратиться въ безконечный потокъ; на устахъ блуждала страшная улыбка,—и горькая, и бездомная; нищенская жизнь въ опи-

саніяхъ цыганки казалась раемъ, совмѣщавшимъ въ себѣ всѣ удовольствія, къ которымъ стремится душа, жаждущая свободы и любви.

Она кончила, а Маруся все еще слушала; картина незнакомой, бурной и дѣятельной жизни съ неотразимой силой манила къ себѣ невинное дитя; но, въ то же время, воспоминаніе о матери и привычки удерживали ее при могилѣ на печальномъ кладбищѣ.

— Нѣтъ, добрая женщина,—отвѣчала Маруся, послѣ продолжительнаго молчанія:—я не могу идти съ вами: не кинуть мнѣ могилы матери, не разстаться съ отцовской избой; я умерла бы съ тоски, если-бъ, проснувшись, не увидѣла черныхъ угловъ своей хатки и зеленой могилы. Что мнѣ свѣтъ? Я не хочу любоваться синимъ моремъ и чудесами земли... Куда кого забросила судьба, тамъ ему и проживать свой вѣкъ и умереть съ Богомъ! Не лучше вамъ отъ того, что вы бродите, да разбрасываете свои кости въ разныхъ концахъ свѣта.

— Ну, такъ сиди себѣ да кисни тутъ!—съ гнѣвомъ крикнула цыганка:—хочешь быть камнемъ—будь имъ. Я ошиблась, думая, что у тебя не остыла цыганская кровь, а ты...

Аза встала и готова была разразиться бранью; но, взглянувъ на печальное лицо Маруси, вспомнила образъ Тумра, замялась и, значительно понизивъ голосъ, сказала:

— Ну, какая твоя доля? Просидишь молодость на могилѣ... никто надъ тобой не сжалятся, и ты пойдешь съ сумой по міру... Щенки отъ твоей же собаки будутъ хватать тебя за ноги!

— Пусть такъ! Но жизнь не Богъ знаетъ какъ длинна.

— Жаль мнѣ тебя... не такъ бы тебѣ слѣдовало жить... О, если-бъ я одѣла тебя посвоему да научила плясать и пѣть наши пѣсни—не отвязалась бы ты отъ знатныхъ поклонниковъ и деньги сыпались бы къ тебѣ градомъ... Подчасъ цыганки одѣваются въ золото и горстями рассыпаютъ его.

Маруся не слушала этихъ соблазнительныхъ словъ: ея вниманіе было обращено совершенно къ другому предмету. Вдали по дорогѣ послышался топотъ; кровь прилила къ лицу и въ головѣ ея мелькнула мысль:

— Ёмка, увидѣвъ меня съ цыганкой, и говорить со мной не станетъ.

Аза не могла не замѣтить безпокойства Маруси и оглянулась. Увидавъ всадника, пожиравшаго сироту глазами, она отгадала все.

— А! теперь понимаю, — смѣясь, произнесла цыганка: — вотъ кто тебя здѣсь держитъ! Рано, моя милая, слишкомъ рано! Да ты и любить еще едва ли умѣешь? Ты думаешь, что этотъ молодецъ женится на тебѣ? Довольно взглянуть на него, чтобы пожалѣть о тебѣ! Теперь онъ ѣздитъ, а увидить слезу — поминай, какъ звали. Мужикъ тебя не возьметъ: и тотъ вѣдь захочетъ краснаго пояса и бутылки съ розовой лентой на свадьбѣ... У насъ, дѣло другое: только мы, цыганки, можемъ любить кого угодно: мы всегда свободны и не боимся ни пересудъ, ни сплетенъ; за нашу любовь никто не клеймитъ насъ презрѣніемъ.

Аза покачала головой и дожидалась только отвѣта, но Маруся упорно молчала; слезы навертывались на ея глазахъ.

— Что же, пойдешь съ нами? — спросила Аза.

— Нѣтъ, нѣтъ! — скороговоркой отвѣтила сирота. — Чему быть, того не миновать; отъ судьбы не уйдешь!

— Такъ пропадай, коли добраго совѣта не хочешь слушать!

Аза нерѣшительно пошла съ кладбища; собачка съ звонкимъ и сердитымъ лаемъ далеко проводила незнакомку.

IX.

Оомка, какъ и всѣ шляхтичи, успѣвшіе разориться до послѣдняго, питалъ высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, и лучше всего помнилъ пословицу объ огородѣ и воеводѣ.

Первый шагъ въ сношеніяхъ съ Марусей онъ сдѣлалъ съ цѣлью только обольстить бѣдную дѣвушку. Мало-по-малу, сближаясь съ нею, онъ знакомился и убѣждался, что не легко достигнуть цѣли; но это убѣжденіе составилось въ его головѣ ужъ слишкомъ поздно, когда возвратъ былъ невозможенъ: онъ почувствовалъ, что не сумѣетъ жить безъ той дѣвушки, глаза которой блестѣли и обѣщали райскія наслажденія.

Собственно говоря, эти мысли рѣдко когда приходили въ голову Оомки; онъ смѣялся надъ тоской и стремленіями сердца,

но въ то же время не могъ отдѣлаться отъ тоски и укротить сердце. Выѣхавъ изъ дому совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ лежать Стависки, онъ дѣлалъ брюкъ, загонялъ саврасаго и непремѣнно проѣзжалъ мимо Марусиной избы; а если ему не удавалось увидеть Маруси, то онъ чуть не плакалъ и даже волосы рвалъ съ досады и тоски.

Такимъ образомъ, Өомка, самъ того не замѣчая, забрелъ такъ далеко, что потомъ и самому было страшно подумать о возвращеніи къ прежнему образу жизни и о совершенномъ разрывѣ съ Марусей.

— Не первый разъ я люблю,—думалъ онъ:—но никогда еще мнѣ не приходилось такъ жутко... Ишь, дьяволенокъ какой! голышъ! туда же держится такъ, что и приступа нѣтъ! Охъ, цыганка, цыганка! Что-то недоброе дала ты мнѣ съ водою! И зачѣмъ я пилъ эту воду? Дуракъ!..

Такъ думалъ Өомка, но ничѣмъ не могъ пособить своему горю; онъ уже рѣшился было подчиниться произволу страсти, какъ вдругъ судьба еще разъ подшутила надъ нимъ: онъ увидалъ Марусю съ цыганкой и такъ разсердился, что далъ себѣ слово не глядѣть болѣе на дѣвушку.

Цѣлый день онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, хлесталъ немилосердно своего саврасаго и, наконецъ, излилъ весь свой гнѣвъ на цыганъ; по его настоянію, бродяги принуждены были снять шатеръ и идти въ сосѣднее село.

Прогнавъ цыганъ, Өомка поклялся изгнать изъ своей головы мысль о Марусѣ, и чтобы легче достигнуть цѣли, рѣшился ухаживать за Груней, дочерью сотника. Тутъ онъ могъ рассчитывать на полный успѣхъ, но, къ несчастію, планъ этотъ рухнулъ чрезъ двадцать четыре часа; притомъ же онъ нашелъ время шажкомъ проѣхать мимо мазанки и хотъ мелькомъ посмотрѣть на Марусю. На другой день онъ почувствовалъ, что связалъ себя по рукамъ и по ногамъ.

Нечего было дѣлать; онъ къ дочкѣ сотника. Груня—дѣвка здоровая, пригожая, молодая; сотникъ—вдовъ; въ избѣ вѣчно сидѣла ворчавшая служанка; дѣвушка равнодушна была къ нему; словомъ—при другихъ обстоятельствахъ, все шло бы какъ по маслу, да вотъ бѣда: она не выдержала сравненія съ Марусей—и Өомка воротился домой.

Оомка грустилъ и жаловался на скуку, неотступно преслѣдовавшую его. Нужно было развлечься и подѣлиться съ кѣм-нибудь своимъ горемъ. Тутъ онъ вспомнилъ, что уже давно не видѣлъ своихъ родителей и отправился къ нимъ.

Деревушка, въ которой жили Хоинскіе, находилась на самой границѣ, между землями Стависокъ и Рудни. Она состояла изъ десятка хатъ, разбросанныхъ среди лѣса, на гористой полянѣ, которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялась. Бѣленькіе, опрятные домики этой деревушки были залиты зеленью фруктовыхъ садовъ. Съ краю, на возвышеніи, стояла изба зажиточнѣйшаго въ деревнѣ хозяина—Хоинскаго, который имѣлъ до двадцати рабочихъ лошадей, много рогатаго скота, свиней, овецъ, торговалъ волами и свиньями и прослылъ Крезомъ между своими Новенькій, довольно высокій домикъ, съ трубой и крыльцомъ на двухъ столбахъ, окруженный множествомъ пристроекъ, привѣтливо улыбался проѣзжимъ и ясно говорилъ о смыслености и дѣятельности владѣльца.

Оомка, единственный сынъ богатаго шляхтича, былъ, что называется, матушкинымъ сыномъ; батюшка хоть и любилъ его, но не позволялъ сидѣть безъ дѣла и бить баклуши: старикъ намѣревался со временемъ пристроить его къ мѣсту въ губернскомъ городѣ, а пока онъ былъ лѣсничимъ въ Ставискахъ у Адама, жилъ не далеко и часто видѣлся съ родителями; а если не пріѣзжалъ въ опредѣленное время, то мать отправлялась навѣстить любимое дѣтище и у знать, что съ нимъ дѣлается.

Итакъ, Оомка поѣхалъ къ родителямъ. Онъ явился туда именно въ то время, когда отецъ готовъ былъ сѣсть въ телѣгу и ѣхать куда-то на ярмарку. Но, несмотря на хлопоты и сборы, заботливый родитель замѣтилъ въ немъ большую перемѣну; однакожь онъ промолчалъ, но мать не удержалась и спросила, не боленъ ли онъ? Отчего же такъ блѣденъ?

— Да такъ, — отвѣтилъ лѣсничій: — что-то тяжело на сердцѣ.

— Ну, ну, — отозвался отецъ, подслушавшій и вопросъ и отвѣтъ: — не диво, что поблѣднѣлъ; за дѣвками бѣгаетъ, потому и блѣденъ. Но ты выбей дурь изъ головы: *добра та бредня, но не день изъ дня...*

Надо замѣтить, что Оомка не только уважалъ, но и боялся отца.

— Мнѣ некогда заниматься подобными глупостями, — возразилъ замѣтно смущенный лѣсничій, — и безъ того трудно стеречь лѣсъ... каждый день приходится отнимать топоры... Владѣлецъ не шутитъ и самъ по дорогамъ спрашиваетъ, есть ли у мужиковъ квитанція; некогда перевести духъ.

— И хорошо! спасибо пану, что работать заставляетъ.

— Трудись, голубчикъ, трудись! Только и себя береги... не работай черезъ силу, — прибавила мать.

— Полно, баба! — прервалъ старикъ: — трудъ не повредитъ здоровью; если Өмка не вретъ, такъ бѣды тутъ нѣтъ: поѣсть, выспится и здоровъ будетъ.

Мать посмотрѣла, вздохнула и замолчала. Когда старикъ уѣхалъ, мать дала волю своимъ нѣжнымъ чувствамъ, накормила сына, приласкала и мало-по-малу у нихъ завязалась беседа. Впрочемъ, Өмка всегда платилъ матери за ласку откровенностью.

— Вотъ, матушка, что-то недоброе привязалось ко мнѣ, — началъ онъ, потупивъ глаза въ землю.

— Ну, ужъ вѣрно опять какая-нибудь проклятая дѣвчонка влѣзла въ голову. Говори же, говори скорѣе, — поспѣшно произнесла мать.

— Охъ, влѣзла, влѣзла! да такъ далеко, что выбить ее оттуда нѣтъ силъ, — стѣнилъ Өмка.

— Кто жъ такая? — спросила мать.

Өмка не заставилъ повторять вопроса; онъ началъ рассказъ о своихъ послѣднихъ похожденияхъ; мать слушала его, стараясь не проронить ни слова.

— Гм... гм... — сказала она, спустя нѣсколько времени. — Нѣтъ! ты лучше отдѣлайся отъ нея какъ-нибудь... Цыганка!.. Чортъ ее знаетъ, можетъ быть, она и точно подсыпала зелья. Объ ея отцѣ и матери рассказывали такія исторіи, что у меня волосы и теперь дыбомъ становятся... Вѣдь цыганъ повѣсился! И нужно тебѣ было совать туда носъ!..

— Что же дѣлать! Она такая красивая и скромная и такая умница...

— Э! плевать на нее! Откуда ей набраться ума и скромности?.. Дурачить народъ и только. Смотри, Өмка, будь остороженъ, не то Богъ вѣсть, что можетъ статься! Не гляди на

дѣвкѣ. У насъ много шляхтянокъ и выбирай между ними... всякая съ радостью пойдетъ за тебя... Лучше жениться, чѣмъ дурачиться и убиваться.

Долго еще мать говорила ему на эту тему; сынъ молча слушалъ, но легко можно было замѣтить, что увѣщанія не трогали его сердца, и напрасно мать истощала свое краснорѣчіе: сынъ все молчалъ и, наконецъ, уѣхалъ, не давъ никакого рѣшительнаго отвѣта.

Тутъ только нѣжная родительница поняла, какъ опасно положеніе Ѳомки, и слезы покатились ручьями.

Задумавшись надъ будущностью сына, она и не замѣтила, какъ наступилъ вечеръ и въ избѣ потемнѣло. Богъ знаетъ, какъ долго она просидѣла бы, если-бъ дверь не отворилась и сильный голосъ не произнесъ привѣтствіе:

— Добрый вечеръ, сударыня!

Хозяйка встрепенулась и спросила:

— Кто тамъ?

— Эхъ, неужто меня не узнаешь, матушка? — произнесла, улыбаясь, Солодуха. — Ратаева я старуха, изъ Стависокъ. Была у шляхтянки Мартыновой... ей Богъ сына далъ... а вотъ и къ твоей милости пришла съ *варомъ*.

Шляхтянка вскочила, кликнула слугу и велѣла зажечь лучину. Принявъ подарокъ и приказавъ замѣнить его подать *крупника*, т. е. водки, приправленной медомъ и пряными кореньями, шляхтянка усадила гостью за столъ и сама подѣла къ ней. Она обрадовалась приходу Солодухи: зная отношенія бабы къ Марусѣ, хозяйка надѣялась развѣдать всю подноготную. Чтобы развязать языкъ знахаркѣ, она заставила гостью выпить четыре или пять стаканчиковъ и достигнула наконецъ цѣли.

— Вотъ... — начала она, вздыхая: — бѣда! Ѳомка-то живетъ у васъ въ Ставискахъ; онъ парень молодой, а у васъ все такія срамныя дѣвки: изведутъ молодца!

— Эхъ, матушка! коли на то пойдетъ, чтобы испортился человѣкъ, ничто не поможетъ. Ну, да я не такъ дурно думаю о твоёмъ сынѣ, и дѣвки наши тоже не срамницы какія; теперь ужъ совсѣмъ не то, что было тогда, когда панъ былъ молодъ.

— Ну, и теперь найдется такая, что какъ разъ)))

парня, а можетъ быть и нашлась уже? — съ любопытствомъ спросила шляхтянка.

— Не знаю, не знаю, — отвѣчала баба. — Вѣстимо дѣло, улыбнется одной, другой — и все тутъ: на то онъ молодець!..

— Да тамъ, у васъ, — съ нетерпѣніемъ произнесла чадолюбивая мать, — есть какая-то цыганка и всѣ говорятъ о ней, будто она ужъ очень пригожая...

Языкъ Солодухи, послѣ радушнаго угощенія, приобрѣлъ замѣчательную гибкость.

— Какъ я вижу, сударыня, вы говорите о Марусѣ, — прервала Солодуха, быстро поднявшись съ мѣста. — Да, удалась дѣвка! Дай намъ, Господи, всѣмъ добрымъ людямъ такихъ дѣтей... другой такой не сыщешь, матушка, даромъ что цыганка. А вы, матушка, развѣ ничего не слышали объ ней?

— Почти ничего.

Солодуха только и ждала того. Краснорѣчивый рассказъ о жизни, трудахъ, красотѣ, добродѣтели, твердости цыганки, рѣкою лился изъ безобразныхъ устъ старухи. Шляхтянка по временамъ вздрагивала, ея сморщенный лобъ покрылся крупными каплями пота и сердцемъ овладѣло безпокойство; она заломила руки и, будучи не въ силахъ скрывать тайну, сказала:

— Да, мой Оомка безъ ума отъ нея; онъ былъ тутъ сейчасъ... самъ повинился предо мной... Что мнѣ дѣлать, Солодуха?

— Не знаю.

— О женитьбѣ на цыганкѣ, нищей, да еще крѣпостной вашего пана — и рѣчи быть не можетъ, — гордо прибавила шляхтянка, — а парню будто кто недобраго зелья подсунулъ.

— Дѣвушка скромная и дурачить его не станетъ, — перебила Солодуха, — но Оомка скоро забудетъ ее.

— А если тутъ колдовство?

— Какое колдовство! — отвѣчала баба, пожимая плечами въ знакъ удивленія: — черные глаза, румяное личико — вотъ вамъ и все колдовство....

— Э! Оомка чуть съ ума не сошелъ! Ему вѣдь этакъ впервой приходится...

Бутылка была уже пуста, а потому баба собиралась уйти; обезпеченная хозяйка открыла шкапъ, вынула монету и, сунувъ ее старухѣ, тихо произнесла:

— Послушай, родимая! помоги мнѣ; посматривай за сыномъ, я тебя въ обидѣ не оставлю.

— Что жъ, это я могу сдѣлать!—отвѣчала Солодуха, идя къ дверямъ:—будьте покойны, сударыня... я схожу къ Марусѣ, и что можно—сдѣлаю; Богъ милостивъ, бѣды не попуститъ...

Сказавъ это, баба поспѣшила уйдти, чтобъ спяна не разболтать лишняго. Выйдя за ворота, она съ торжествующимъ видомъ прибавила шагъ и махнула рукой.

— Вотъ оно что!—проворчала она.—Я думала, Ёмка хочетъ только одурачить дѣвушку, а онъ не на шутку врѣзался! Ну, славно! Можетъ быть, Господь пошлетъ ей счастье!

Довольная такимъ предположеніемъ, Солодуха пошла къ Мартиновой. Здѣсь ей нужно было бы просидѣть по крайней мѣрѣ дня два, но участь Маруси такъ безпокоила ее, что она на другой же день, не дождавшись телѣги, пѣшкомъ поплелась въ Стависки. Приближаясь къ кладбищу, Солодуха начала всматриваться, нѣтъ ли тамъ Маруси, но, несмотря на ясный день, никого не замѣтила. Вдали поднялась туча пыли и черезъ минуту промчался Ёмка на своемъ савраскѣ.

— Летай, летай,—подумала баба:—поймаемъ соколика; но куда дѣвалась моя голубка? гдѣ же Маруся?

Перейдя дорогу, она приблизилась къ дверямъ мазанки; на ея шаги откликнулась собака. Дверь была заперта; старуха постучалась и черезъ минуту на порогъ появилась Маруся. Солодуха подозрительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательнымъ взглядомъ окинула спокойную, но печальную дѣвушку.

— Отчего ты въ избѣ въ такую пору?

— Такъ,—отвѣчала Маруся:—жарко стало на солнцѣ...

— Вздоръ мелишь! Говори правду!

— Да Ёмка все тутъ таскается,—шепнула дѣвушка, покраснѣвъ:—пристаетъ... отбою нѣтъ! Я спряталась отъ него.

Солодуха подмигнула и улыбнулась.

— Опять цыганка приходила... чудеса такія рассказываетъ... Боюсь выйти на кладбище.

— И хорошо дѣлаешь,—отвѣчала Солодуха, садясь на заваинку:—вотъ и я прибѣжала изъ Рудни посмотрѣть, что ты тутъ дѣлаешь... Ты и носа не показывай ему! Ужъ я знаю, что говорю; ты слушай: я знаю...

— А что ты знаешь, бабушка?—перебила Маруся.

— Онъ до смерти полюбилъ тебя,—на ухо шепнула баба:—будь только умна, женится, непременно женится...

— Онъ? Нѣтъ!..—возразила Маруся, покраснѣвъ до ушей:—ты шутишь, бабушка?

— Нашла чѣмъ шутить!.. Я тебѣ толкомъ говорю, будь умна и носа ему не показывай... поймаетъ соколика и твой будетъ... Ты глупенькая еще, а я пожила, слава Богу, на свѣтѣ знаю, что коли мужчину поводишь за носъ, такъ онъ сильнѣй полюбитъ.

— Я не понимаю, что ты говоришь, бабушка...

— То-то же... не понимаешь, не пора еще! Слушай, что говорю... Увидишь, будетъ хорошо: пойдешь за шляхтича, на зло всѣмъ этимъ чертямъ, дядямъ-то... Порадуешь меня, старуху... Эхъ-ма! тогда-то Солодуха, взявшись подъ бока, скажетъ всему селу: „А что? Вотъ за кого вышла моя цыганочка. Не хотѣли глядѣть на нее, а теперь станете кланяться. А кому спасибо? Солодухѣ!“

И баба гордо уперлась въ бока и выпрямилась, будто желая сказать: „а что, каково?“ Она стала передъ Марусей; дѣвушка скорѣе была смущена, чѣмъ обрадована такимъ извѣстіемъ и обратилась къ собакамъ, которая, не узнавъ Солодухи, ворчала на нее.

— Ну, и что мнѣ прикажешь дѣлать?—сказала дѣвушка, помолчавъ немного.—Я ровно ничего не понимаю.

— Вотъ что дѣлать: сидѣть въ хатѣ и только! Яблоко само въ ротъ попадетъ, увидишь!

Сказавъ это, старуха опять присѣла и, отдохнувъ нѣсколько минутъ, начала такое объясненіе:

— Я ужъ вижу, что панычъ не на шутку влюбился: мать воетъ и стонетъ; я зашла къ ней, а она меня и ну упрашивать, расскажи, дескать, что за цыганка такая обворожила сына... Я и поразсказала, что надо... Теперь все готово—подуешь, загорится! Ты въ воскресенье одѣнься получше и ступай въ церковь; а какъ встрѣтитъ тебя молодецъ, да скажетъ слово какое, смотри, не отвѣчай, не гляди даже... Ёмка увидитъ, что ему остается жениться—и женится, безпремѣнно женится... ужъ я знаю, и на то у меня голова на плечахъ... Конечно: шума и крика

будетъ много; но что жъ? Отецъ съ матерью покричатъ, покричитъ, а послѣ и согласятся. А парень, нечего сказать, и пригожъ, и хорошъ; хата—сущій рай, а денегъ, хоть шапкой загребай... Тогда ты, пожалуй, забудешь Солодуху, — прибавила баба, пригорюнившись.

Слезы брызнули изъ глазъ дѣвушки; баба удивилась.

— Что съ тобой? чего ты?—крикнула она.

— Э, бабушка! хоть бы и случилось это, такъ не большое для меня счастье. Мнѣ среди шляхты житья не будетъ. Родители Оомки не согласятся признать меня своей невѣсткой. Слова добраго ни отъ кого не услышу.

— Что ты городишь? — возразила баба. — Старикамъ не вѣкъ вѣковать!

— Я не хочу ихъ смерти.

— Что жъ ты думаешь?

— Думаю, что мнѣ ни Оомки, ни его счастья не надо.

Баба остолебѣла и перекрестилась.

— Мнѣ и здѣсь хорошо; хлѣбъ и вода есть, и больше мнѣ ничего не нужно. Я привыкла къ своей избенкѣ и вѣкъ въ ней проживу... Выйди я замужъ, такъ послѣ глаза выболютъ; всѣ скажутъ: цыганка! отецъ—скажутъ—повѣсился... Нѣтъ, здѣсь мнѣ лучше!

Солодуха долго стояла молча, разинувъ ротъ отъ удивленія. Казалось, она употребляла всѣ усилія, чтобы понять дѣвушку, и не понимала ни слова.

— Вотъ-те и разумъ! — захрипѣла она наконецъ: — вотъ-те и доля! Счастье ей само дается, а она бѣжитъ отъ него. Тьфу!.. Подумаешь, чего подчасъ захочется человѣку!.. Я и слушать ничего не хочу; что знаю, то знаю, а что говорю, то и будетъ...

Говоря это, она вскочила съ мѣста и ушла съ полною увѣренностью, что Маруся бредитъ.

Маруся вошла въ избу и сѣла на скамѣ; глаза ея не высыхали отъ слезъ, грудь колебалась отъ безпокойства. Что ей дѣлать? Какъ согласить между собою противоположныя чувства?

Замѣтивъ печаль на лицѣ хозяйки, собачка тихо подошла къ ней и начала лизать ея руки.

Х.

Между тѣмъ Оомка, несмотря на клятвы и рѣшимость не видѣться съ Марусею, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поддавался своей страсти и, наконецъ, такъ свылся съ нею, что если-бъ она простыла, считалъ бы себя несчастнымъ. Онъ преслѣдовалъ бѣдную дѣвушку своей любовью.

И не мудрено! Мы одарены особенною способностью видѣть дурныя стороны въ своихъ братьяхъ; эта вѣковая истина подтверждалась настоящимъ случаемъ: скоро все село заговорило о волокитствѣ лѣсничаго; а Адамъ каждый день ловилъ крестьянъ, таскавшихъ дрова изъ лѣса. Оомка забылъ свои обязанности; нѣсколько разъ онъ выслушивалъ отъ Адама строжайшіе выговоры, упреки и угрозы, но дѣло отъ этого не выигрывало. Напрасно разгнѣванный владѣлецъ Стависокъ далъ слово уволить Оомку отъ должности, если еще разъ поймаетъ кого-нибудь въ лѣсу безъ квитанцій... На другой же день были пойманы крестьяне сосѣдняго селенія, обдиравшіе безъ позволенія древесную кору для кожевеннаго завода. Адамъ тотчасъ же исполнилъ обѣщаніе. Но потеря мѣста не слишкомъ опечалила Оомку; онъ только затруднялся тѣмъ, какъ объяснить это печальное событіе. Впрочемъ, до времени онъ считалъ нужнымъ ничего не говорить родителямъ и, чтобы ему было удобнѣе волокаться за Марусей, поселился у сотника.

Любовь юноши теперь уже глубоко вкоренилась и разрослась... Въ первыя минуты это была только игра воображенія, инстинктивное влеченіе къ хорошенькому личику, и Оомка хотѣлъ провести съ дѣвушкой нѣсколько пріятныхъ минутъ, а затѣмъ бросить ее; но на дѣлѣ вышло иначе: ему вздумалось жениться во что бы ни стало. Онъ зналъ, какъ не по сердцу придется родителямъ эта женитьба, видѣлъ ихъ отчаяніе, слышалъ отказъ; но воображеніе развертывало передъ его глазами прекрасную картину жизни въ скромномъ уголкѣ, наединѣ съ любимымъ существомъ, вдали отъ шума и людской суеты. Благодаря этому, страсть сильнѣе прежняго овладѣла имъ.

Правда, на него находили иногда минуты прозаическаго

благоразумія и стоицизма, и онъ смѣялся надъ собой, надъ своей любовью къ цыганкѣ, надъ глупостью и неразсчитливостью, надъ увлеченіемъ; но эти минуты были коротки: воображеніе направляло всѣ его мысли и расчеты въ противоположную сторону. Узнавъ какъ-то отъ ставичанъ, что Маруся находится подъ опекой Ратаевъ, онъ тотчасъ отправился къ нимъ.

Солодуха только этого и ждала. Завидѣвъ издали барченка, она толкнула старика за печь, чтобы гость не стѣснялся его присутствіемъ и былъ откровененъ. Дѣдъ не хотѣлъ уходить, но баба шепнула ему, что дѣло касается сироты, и зажала ему ротъ; старикъ спрятался и нарочно захрапѣлъ, но настояжилъ уши. Старуха, какъ ни въ чемъ не бывало, начала суетиться около печи и даже не замѣтила, какъ вошелъ Оомка.

— Здравствуй, матушка! — сказалъ шляхтичъ, немного смутясь.

— А! это вы, панычъ! какими судьбами?—съ удивленіемъ спросила старуха:—ужъ не заперты ли сельскія ворота? Сію минуту отворю...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! — сядь на скамью, произнесъ Оомка:—я пришелъ къ тебѣ по дѣлу, посоветоваться.

— Господи! ужъ не шутите ли вы? Э! да такъ и быть! говорите, что вамъ нужно; только напередъ скажу, — лукаво прибавила старуха:—травки любчика у меня не найдете... да и на что вамъ это зелье?.. Безъ него вамъ стоитъ мигнуть и—дѣвка ваша.

— Что много говорить,—вставая, сказалъ Оомка.—Скажи-ка лучше, матушка, родня ли тебѣта дѣвушка, что живетъ за селомъ?

— Не то, что родня, а такъ, все равно, что родная... Вотъ видите, мать ея передъ самою смертію просила меня присматривать за сиротой, и—только, а больше ничего!.. А вамъ на что это знать?

— На что?—произнесъ парень, глубоко вздохнувъ:—откровенно тебѣ скажу, что я съ ума схожу отъ нея.

Старуха выразила удивленіе, всплеснула руками, нахмурила брови, зачмокала и подѣла поближе къ нему.

— Къ чему это?—сказала она, подпирая дряблѣе лицо сухою, сморщенной рукою:—вы думаете обмануть сироту такъ же легко, какъ поднять грибокъ въ лѣсу? Ну, нѣтъ... вы не знаете Маруси

— Охъ, знаю, знаю! неприступная такая, что Боже упаси!

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?.. Бросьте ее. Изъ этого ничего не выйдетъ: одудачить вы ее не одудачите, а жениться вамъ на сиротѣ-цыганкѣ тоже не приходится.

— Я жить безъ нея не могу и ужъ лучше смерть!

— И, полно! Вамъ такъ только думается... Господи! развѣ она одна? Вамъ не трудно найти другую. Съ этой вамъ и связываться нечего: она хитра и ее не заманишь какимъ-нибудь подаркомъ; ничего не сдѣлаешь, панычъ, пока не поведешь въ церковь.

— Ну, такъ я женюсь!—смѣло и бойко произнесъ Оома:— что будетъ, то будетъ, а я женюсь!

— Э! Что вы? куда-жъ вамъ жениться на цыганкѣ? Будто не знаете своихъ? Родители прогонять васъ, въ домъ не пустятъ и сыномъ не признають...

Оомка повѣсилъ голову; Солодуха продолжала:

— Только кровь даромъ портите: дѣвка неприступна... бросьте. Правда, она въ самомъ дѣлѣ хороша и жалко бинуть, —продолжала старуха, раздувая огонь, и безъ того пожирившій Оому: — такой не то, что въ селѣ, а въ цѣломъ свѣтѣ не сыскать...

Лѣсничій глубоко вздохнулъ.

— Да,—горько произнесъ онъ: — а тутъ ни подойти, ни поговорить, ни наглядѣться не дастъ.

— То-то же, она такая трусливая и скромная и — чуть только услышитъ топотъ или шумъ какой на дорогѣ, тотчасъ спрячется въ избу...

— Неужто ты, матушка, ничего не можешь сдѣлать? Я вѣдь ничего особеннаго не прошу: поглядѣть бы мнѣ да поговорить — и только! Сдѣлай мнѣ такую милость... Вотъ тебѣ рубль, пособи только!

Старуха съ ужасомъ отскочила отъ Оомки.

— Что ты, что ты? одурѣлъ, что ли? Хочешь, чтобъ я изъ-за рубля погубила сироту? Хотя я бѣдна, но въ Бога вѣрую!

— Послушай, матушка,—умоляющимъ голосомъ произнесъ Оомка:—дурного я ничего не требую и не хочу; только какъ будешь тамъ, дай мнѣ знакъ ипусти въ дверь, позволь на своихъ глазахъ посидѣть съ нею, да поговорить.

— Нѣтъ, ни за что!

— Ради Бога, сдѣлай милость!

— А какъ твои родители узнають?

— Не узнають; ты только сдѣлай то, что я прошу, а тамъ что будетъ, то будетъ! Мнѣ хоть умирать: не могу жить безъ нея.

Все устроивалось по желанію Солодухи; но она прикинулась озабоченною, и только начмокавшись вдоволь, шепнула Ѳомкѣ на ухо что-то такое, отчего у него засверкали глаза; довольный результатомъ своего визита, онъ выскочилъ за дверь и исчезъ за избами.

Въ это время изъ-за печи вышелъ старикъ, подкрался къ столу и началъ искать цѣлковый; но такъ какъ старуха давно успѣла припрятать его, то дѣдъ не нашелъ ничего.

Поднялась буря. Солодуха утверждала, что не приняла подарка, а Ратай отчаянно размахивалъ палкой; къ счастью, на столѣ явилась косушка и уладила ссору почтенной четы.

Какъ только начало смеркаться, старуха отправилась къ Марусѣ. Дѣвушка, окруженная стадомъ домашнихъ птицъ, сидѣла на завалинкѣ. Завидѣвъ ее, Солодуха остановилась, чтобы приглядѣться къ этой картинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ было на что посмотреть. Прекрасная дѣвушка, въ бѣлой рубашкѣ, въ красномъ фартукѣ, сыпала во все стороны зерна, а голодные питомцы ея налету хватали пищу. Сѣрые и бѣлые гуси, пестрые голуби, хохлатые куры, собака и кошка окружили хозяйку; даже болѣе смѣлые воробьи по временамъ врываются въ чужое стадо и, схвативъ одно-другое зерно, прятались подъ крышу! Завистливая собака, желая узнать, надъ чѣмъ тамъ хлопочутъ пернатые, тоже пробиралась въ толпу, нюхала зерна и съ такимъ видомъ отошла въ сторону, какъ-будто хотѣла сказать: „фи, какую гадость ѣдятъ эти твари!“ Маруся смѣялась надъ причудами своего любимца, повторявшими почти каждый вечеръ.

При появленіи Солодухи, она вскочила съ мѣста, собака залаяла и птицы, схвативъ что попало, съ шумомъ и толкотней разсыпались въ разные стороны; мѣсто ихъ заняли воробьи.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали эту простую деревенскую картину. Скоро приблизилась Солодуха и, взявъ дѣвушку за руку, вошла въ избу.

— Послушай! — сказала она таинственно: — не будь глупа; Оомка безъ ума отъ тебя, значить, непременно женится на тебѣ. Сейчас онъ тутъ будетъ, пусти его въ хату, при мнѣ пусть поговоритъ немного... вѣдь, не съѣсть тебя.

Маруся зардѣлась, какъ піонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я не хочу! что скажутъ на селѣ? — отчаянно вскричала она.

— Да что они могутъ сказать, коли я тутъ! — сердито сказала баба: — я тебѣ зла не желаю; только слушай меня, все уладится. Ну, тише, тише!

Въ это время послышался знакомый топотъ. Маруся, растерявшись, бросилась было къ двери, но старуха усадила ее на скамью. Оомка, распахнувъ дверь, очутился въ мазанкѣ. Затѣмъ послѣдовала сцена самаго романческаго характера. Оомка прерывающимся голосомъ, какъ могъ, старался объяснить въ любви, говорилъ, что онъ всѣмъ готовъ пожертвовать для дѣвушки, что не можетъ жить безъ нея и что женится на ней.

Маруся краснѣла, закрывала лицо фартукомъ и, наконецъ, собравшись съ духомъ, сказала:

— Что вы говорите? Вы мнѣ не ровня; вы забываете отца и мать: они богаты, а я бѣдная сирота... Нѣтъ, пожалѣйте себя и меня. Въ вашемъ домѣ я буду лишняя. Родители, пожалуй, проклянутъ насъ; а знаете, какъ тяжело жить проклятому. Моя маменька, дай Богъ ей царствіе небесное, была добрая, работающая женщина, а ее проклялъ дѣдушка и потомъ житья ей не было...

— Такъ ты не любишь меня? — вдругъ спросилъ Оома.

Дѣвушка смотрѣла на него съ стыдливой улыбкой.

— Не любить васъ не за что. Вы первый заговорили со мной, не бѣгали отъ меня, какъ другіе. Если-бъ не вашъ шляхетскій родъ, я, — Маруся не договорила.

Оомка схватилъ ея руку и съ чувствомъ прижалъ къ губамъ. Маруся вырвала ее и заставила его успокоиться.

— Бросьте, — отозвалась она. — Лучше сядьте и говорите толкомъ.

Замѣтивъ, что старуха собирается уйти, Маруся загорочила ей дорогу.

— Ради Бога, оставайтесь, бабушка! — крикнула она: — пожалей меня! Я ни за что не останусь одна.

— Садись, матушка, — произнесъ Оомка, — и позволь мнѣ хоть издали поглядѣть на нее.

Маруся оперлась на руку и залилась слезами. Въ виду этого, сердце Оомки сжалось; онъ отошелъ къ дверямъ и сталъ у порога, словно вкопанный.

— Эхъ, дѣти, дѣти! — произнесла Солодуха: — глупенькіе вы! Въмѣсто того, чтобы поговорить толкомъ, какъ слѣдуетъ, вы смотрите другъ на друга, словно пѣтухи!.. Ну, что стали? Вамъ по сердцу Маруся, а вы ей не противны... Хотите жениться, такъ нечего медлить!.. Пляшите, радуйтесь!

— Не веселье у меня на умѣ, — отвѣтила Маруся. — Мнѣ страшно, бабушка!

— Да не бойся, Марусенька! — отозвался Оомка; — приказывай что хочешь, все сдѣлаю, только не гони меня.

— Э, полно! что вы говорите? Вотъ узнаютъ родители и пошлютъ васъ куда-нибудь далеко; а на селѣ меня срамить станутъ, и я безъ вины буду виновата...

Но трудно было успокоить сиротку, и напрасно Оомка и Солодуха увѣщевали ее. Разговоръ не клеился, а ночь приближалась. Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ, Солодуха сдѣлала знакъ Оомкѣ, и тотъ со вздохомъ вышелъ вонъ. Старуха послѣдовала за нимъ. Едва только она переступила порогъ, какъ мимо мазанки проѣхалъ Мартынь, шляхтичъ изъ руднинскаго посада. Оомка, занятый Марусей, не замѣтилъ его, но баба тотчасъ сообразила, что отъ этой встрѣчи дѣло ея можетъ принять нехорошій оборотъ, и она, схватившись за волосы, побѣжала въ село.

Она была коротко знакома съ Мартыномъ; еще недавно она ухаживала за его больною женою. Теперь она хотѣла догнать мужа своей паціентки и заставить его молчать; но это оказалось невозможнымъ.

Мартынь исчезъ въ тучѣ пыли; а Солодуха, опираясь на палку, поплелась къ корчмѣ. Она знала, что Мартынь краснбай, какихъ мало; знала также, что корчмы ему не миновать, и рассчитывала тамъ переговорить съ шляхтичемъ, но ошиблась въ расчетѣ. Пока она сошла съ горы, пока перешла

плотину, пока прибрела къ корчмѣ, Мартынъ успѣлъ уже осушить чарку, наговориться и ускакать въ Рудню. Раздосадованная баба вошла въ корчму съ цѣлью узнать, что говорилъ шляхтичъ. Шинкаръ Шумко, стоя среди корчмы, шептался съ крестьянами: они все такъ были заняты, что не замѣтили прихода старухи.

— Такъ-то,—говорилъ шинкаръ, вынувъ изъ кармана тав-
линку и поднося ее по очереди своимъ собесѣдникамъ: — онъ
тутъ гоняется за дѣвками, а батьки (родители) думаютъ, что
службу справляетъ. Посмотрѣли бы вы, какую рожу скорчилъ
Мартынъ, когда я сказалъ, что теперь ужъ не Ѳомка у насъ
лѣсничимъ, а Павелъ!.. Къ тому же еще вышла такая оказія!
Вчера старикъ Хоинскій хвасталъ, что онъ пристроилъ сына
только для того, чтобъ онъ къ службѣ привыкалъ, а „тамъ,—
говорить,—въ городъ отправлю!..“ Вотъ оно что!

— А подавиться бы вамъ, проклятые сплетники!—крикнула
остановившаяся за плечами Шумки, баба.—Кто просилъ васъ
болтать всякій вздоръ Мартыну?

— Тьфу! провались ты, вѣдьма! — крикнулъ испуганный
шинкаръ.—Ишь какъ напугала!

— Болтунъ! болтунъ!—кричала Солодуха, задыхаясь отъ
злости:—кто тебя просилъ разбалтывать, сплетникъ? Пропади
ты самъ, окаанный!

— И никто не просилъ молчать; Мартынъ спросилъ: „что
это, говорить, вашъ лѣсничій на кладбищѣ вербы-то сторо-
жить?“ Ну, а я ему и сказалъ всю правду; не лгать же мнѣ было.

— Эхъ ты, сплетникъ, сплетникъ!—гнѣвно кричала Соло-
духа, размахивая руками.—Ну, скорѣй давай водки! Чтобъ тебѣ
удавиться, проклятому!

Шумко пошелъ за стойку; компанія замолчала, а Солодуха,
опорожнивъ двѣ рюмки, потащилась домой.

Мартынъ, по праву сосѣдства, заѣхалъ къ Хоинскимъ; у
него такъ и чесался языкъ сообщить новость своему пріятелю.
Старикъ, съ трубкой въ рукахъ, сидѣлъ на завалинкѣ и
не безъ удовольствія посматривалъ на свое стадо, возвращав-
шееся съ поля.

— Добрый вечеръ, кумъ!—сказалъ Мартынъ, воткнувъ въ
телѣгу кнутовище.

— А! здорово, Мартынъ! Что слышно въ мѣстечкѣ? Что, продалъ рожь? Цѣна какова?

— Что цѣна?.. Низкая, больно низкая; да еще эти поганые жида хотять, чтобы мѣрить десятигарицевою мѣрой... Я назадъ везу рожь.

Старикъ Хоинскій улыбулся.

— Вѣдь я давалъ христіанскую цѣну, а ты мнѣ не захотѣлъ продать. Вотъ и пропалъ день даромъ, да еще коня измучилъ...

— Даромъ или нѣтъ, это для тебя еще темное дѣло,—лучаво улыбаясь, отвѣчалъ Мартынъ.—Ты, вотъ что, кумъ: дай мнѣ шесть золотыхъ за куль, а я, въ придачу къ товару, скажу тебѣ такую новость, что ты выше избы подскочишь.

— Пять съ половиной и больше ни гроша. Ба! Какая новость? Вишь плутъ! какъ онъ торгуешь! Новости выдумываетъ!

— Не хочешь покупать, твоя воля. Теперь ты ползлота жалѣешь, а придетъ пора—дашь вдесятеро больше, да будетъ поздно.—Съ этими словами Мартынъ подошелъ къ телѣгѣ.

Старика словно кто-нибудь кольнулъ, и онъ энергическимъ жестомъ остановилъ сосѣда:

— Послушай, кумъ, скажи по правдѣ, ты не надуваешь?

— Сохрани Господи! Я все бы сказалъ, да что-жъ, коли ты ползлота жалѣешь! Пусть будетъ то, что Богъ дастъ, а я лучше промолчу.

— А рожь-то у тебя, небось, сырая, только что собранная?—спросилъ старикъ вкрадчиво.

— Какая сырая? Прошлогонья, сосѣдушка, и какъ еще сушилась! Боялся, чтобы не пересохла.

— А вѣсовая?

— Тебѣ не первый разъ покупать—и безъ меня знаешь...

— Э! да въ ней всякой дряни на половинну.

— Ну, такъ не покупай!—сказалъ Мартынъ, снова подходя къ телѣгѣ:—тебя никто не неволить.

— Ну, не сердись, кумъ: какой горячій! Думаешь, что я барышникъ какой... Вотъ, пересышь рожь; а деньги отдамъ; да, скажи, что привезъ? Какую новость?

— Вотъ что...—оглядываясь, сказалъ Мартынъ:—какъ ты думаешь, кумъ, что твой сынокъ подѣлываетъ въ Ставискахъ?

— А что-жъ ему дѣлать?—произнесъ старикъ, отступивъ назадъ съ видимымъ неудовольствіемъ.—Вѣдь ты знаешь, что онъ служить тамъ.

— Такъ? А знаешь ли ты, что его прогнали со службы?

— Не правда?

— Правда, кумъ, ей-Богу, правда!

— Я третьяго дня самъ его спрашивалъ и онъ говорилъ...

— Вралъ, вралъ; не служить: выгнали голубчика, и онъ шатается, бѣдняжка...

— Оомку выгнали! Что это значитъ? Говори кумъ, да тише, чтобы Агафья не слыхала; говори... что онъ сдѣлалъ? За что?

— Да ничего особеннаго, обыкновенная вышла исторія,—сказалъ Мартынъ, наклоняясь къ уху Хоинскаго:—врѣзался въ какую-то дѣвчонку, цыганку, или не знаю ужъ въ какого чорта... со всѣмъ растерялся малый и не сталъ смотрѣть за дѣломъ... Адамъ осерчалъ и выгналъ молодца. Вотъ и все тутъ... Да еще, слышно, у сотника квартиру нанялъ, чтобы каждый вечеръ ходить къ дѣвкѣ, а тебя, старика, за носъ водить. Я самъ видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ мазанки, въ которой живетъ цыганка... Знаешь, у кладбища?

Старикъ схватился за голову.

— Наказаніе Господне!—простоналъ онъ.—Цыганка! что это за дьяволъ и зачѣмъ она ему?

— Да, именно дьяволъ, а не дѣвка,—сказалъ Мартынъ:—въ Ставискахъ только объ ней и говорятъ; къ тому же горда и очень плутовата! Она далеко заведетъ твоего сына. Она сирота, какъ есть, круглая, ни отца, ни матери! Сохрани Господи, бѣда какая случится, тогда Оомка не отвяжется. Говорятъ даже, что она знаетъ...

Набавленный за рожъ ползлотъ развязалъ языкъ словоохотливому шляхтичу; догадкамъ его не было конца; но Хоинскій больше ничего не слыхалъ—такъ сильно и неожиданно поразило его это извѣстіе! Опершись на ворота, онъ стоялъ какъ вкопанный. Голосъ жены привелъ въ себя огорченного отца.

— Пересыпь же рожъ, Мартынъ,—сказалъ Адамъ,—да гляди, не проболтайся передъ женой; а то съѣсть меня. Ужъ и такъ чуть глаза не выцарапала за то, что принекалъ сыну мѣсто лѣсничаго.

— Ну, а шесть злотыхъ дашь?

— И чарку водки.

Два сосѣда вошли въ избу.

Зоркій глазъ Агафьи, при первомъ взглядѣ на мужа, замѣтилъ въ немъ перемѣну, несмотря на то, что Хоинскій старался подавить въ себѣ горькое чувство.

— Что съ тобой, Адамъ?—спросила Агафья.

— Ничего... сивка что-то захворала.

Это была любимая кобыла Хоинскаго, произведшая на свѣтъ уже знакомаго читателю саврасаго скакуна. Агафья повѣрила мужу, и Мартынъ, выпивъ рюмки двѣ водки, отправился совершенно довольный домой.

На слѣдующій день, обманувъ еще разъ жену, Хоинскій сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Стависки. Много выстрадалъ бѣдный конь отъ гнѣва и нетерпѣнія своего всадника, который сжималъ кулаки, ворчалъ, ругался на всѣ стороны и немилосердно хлесталъ лошадь. Не доѣзжая до села, шляхтичъ остановился, подумалъ и круто повернулъ къ мазанкѣ.

По рассказамъ, дошедшимъ до него, онъ составилъ о Марусѣ слишкомъ невыгодное понятіе и собрался излить на нее весь запасъ желчи, скопившейся въ теченіе ночи.

Было утро. Маруся, по обыкновенію, сидѣла на могилѣ матери и работала. Услышавъ топотъ коня, она сначала подумала, что это ѣдетъ Өомка; но, вмѣсто него, передъ нею явился старикъ. Маруся испугалась.

Старикъ и не взглянулъ даже на кладбище; соскочивъ съ коня, онъ прямо бросился къ дверямъ. Маруся встала и пошла къ кладбищенскимъ воротамъ, предшествуемая собачкой, не покидавшей ее ни въ какихъ обстоятельствахъ.

— Что вамъ угодно?—ласково спросила дѣвушка, стоя на кладбищѣ.

Старикъ смѣрилъ ее взглядомъ.

— Ты здѣсь живешь?—спросилъ онъ гнѣвно.

Настала минута молчанія. Старикъ мрачно посмотрѣлъ на кладбище и позвалъ ее къ себѣ. Она повиновалась.

— Ты живешь въ этой мазанкѣ?—повторилъ Хоинскій.

— Я, а что вамъ угодно?

— Миѣ что? — сердито крикнулъ шляхтичъ: — миѣ что

угодно? Безстыдница! я нарочно прѣхалъ сказать тебѣ, что если ты еще разъ вступишь въ свою лачугу моего сына—Омку, такъ не видать тебѣ болѣе ни Стависокъ, ни мазанки, ни кладбища... Понимаешь!..

Слезы ручьемъ полились изъ глазъ дѣвушки, пораженной запальчивостью старика, который, однако же, былъ на половину обезоруженъ.

— Чортъ возьми! — произнесъ онъ нѣсколько спокойнѣе: — ну, чего хнычешь? Слезы тутъ не помогутъ...

— Я ни въ чемъ не виновата: я не принимала его, не говорила съ нимъ... Вчера первый разъ онъ былъ въ моей хатѣ и то при людяхъ...

Старикъ все пристальнѣе и пристальнѣе всматривался въ кроткое, прекрасное лицо сироты и, Богъ знаетъ почему, смягчался.

— Приказываю тебѣ, понимаешь? приказываю выбить изъ головы эту дурь... Онъ не женится на тебѣ.

Шляхтичъ хотѣлъ поддержать привытый тонъ, но, къ крайнему удивленію, замѣчалъ свою неудачу.

— И тебѣ нехорошо, — сказалъ онъ тономъ наставника: — изъ-за какого-нибудь сорванца наживешь себѣ дурную славу: онъ общается тебѣ чортъ знаетъ что, а дать ничего не дастъ... только погубить... Ты недурна, можешь выйти замужъ... а онъ — шляхтичъ, и я не позволю ему на какой-нибудь дѣвкѣ жениться.

— Вы бы сказали это своему сыну, да запретили ему ходить сюда.

— Не могу же я держать его на привязи? Хотя и привязалъ бы, такъ не усидитъ дома... молодъ... А тебѣ что? Пошла бы къ кому-нибудь въ услуженіе.

— Я?.. въ услуженіе? Кто меня возьметъ?.. Но къ чему мнѣ? У меня есть своя хата; хлѣбъ я зарабатываю своими руками, мнѣ и такъ хорошо.

— Кто тебѣ помогаетъ?

— Никто.

— Развѣ у тебя никого нѣтъ?

— Я сирота и живу одна!

— Какъ одна? Вотъ оно что! — проворчалъ старикъ. — Ахъ,

онъ окаянный! ишь, куда затесался! Вотъ я его! А ты не смѣй и носа показывать ему.

Маруся закрыла глаза передникомъ и ушла въ избу; шляхтичъ остался на дорогѣ, а собака, обойдя вокругъ незнакомца, послѣдовала за хозяйкой и, ставъ на порогѣ, принялась лаять.

Старикъ задумался.

— Знаетъ, озорникъ, гдѣ раки зимуютъ!—подумалъ шляхтичъ.—Дѣвушка—что яблочко наливное! Сирота только... и жаль ее! Вѣдь сгубить, бѣдную, этотъ дьяволъ. Эй!—крикнулъ старикъ, подумавъ минуту:—позови-ба собаку, еще слово нужно сказать!

Не извѣстно, слышала-ль Маруся это восклицаніе, но собака оставила свою позицію; Хоинскій вошелъ въ избу и онѣмѣлъ отъ удивленія, увидѣвъ порядокъ, царствовавшій въ мазанкѣ. Вѣроятно, въ головѣ его мелькнуло представленіе о всѣхъ ея усиліяхъ и жертвахъ, при помощи которыхъ она пріобрѣтала свое маленькое состояніе и пользовалось ими.

— Однако, дѣвчонка не глупа,—подумалъ онъ:—въ какомъ ладу все у нея... Богъ знаетъ! можетъ быть, и грѣшитъ, но все-таки умница.

Опомнившись, старикъ началъ совершенно другимъ тономъ:

— Послушай... я зла тебѣ не желаю; но ты сама можешь понять, что я не на то воспитывалъ своего сына, чтобы онъ женился на цыганкѣ. Берегись! Я не хочу такого срама!

Старикъ говорилъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Видитъ Богъ, я невиновата! — произнесла Маруся съ чувствомъ:—я все сдѣлаю, что вы приказываете, только не браните меня и запретите ему...

Ея слезы и эти слова, полныя неподдѣльнаго чувства, проникли въ сердце шляхтича; теперь онъ не думалъ ужъ наговорить ей побольше дерзостей, а только какъ бы убратъ ся скорѣе; онъ чувствовалъ, какъ тяжело сиротѣ выслушивать несправедливыя обвиненія, и въ душѣ упрекалъ себя за свою вспыльчивость.

— Чѣмъ она, въ самомъ дѣлѣ, виновата? — пробурчалъ онъ:—вотъ этому шалопаю стоило бы отсчитать палокъ сто. Правда, молодъ еще, кровь не вода и цыганка—заглядѣнье...

Чортъ ее принесъ сюда. Если-бъ зналъ, нашелъ бы для него другое мѣсто... Если-бъ не Мартынъ да не рождь его, этотъ сорванецъ надѣлалъ бы срама. Ну, да я надеру ему уши. Чтобъ и нога его тутъ больше не была!—кончилъ онъ громко и вышелъ.

Что происходило въ душѣ сироты, пойметъ тотъ, кто можетъ поставить себя въ ея положеніе; она бросилась на скамью и долго сидѣла, опершись на локоть и всхлипывая по временамъ. Не думайте, читатель, чтобъ Маруся обвиняла старика: совсѣмъ нѣтъ. Она сумѣла овладѣть своимъ оскорбленнымъ чувствомъ и войти въ положеніе родителей, заботившихся о счастьи единственного сына; она сама взглянула съ ихъ точки зрѣнія на неравный бракъ, живо представила себѣ скорбь и отчаяніе стариковъ, въ случаѣ, если-бъ этотъ бракъ состоялся, и рѣшилась, для устраненія такого несчастія, пожертвовать всѣмъ, что было для нея драгоцѣнно, что составляло ея радость и счастье, что она приобрѣла кровавымъ потомъ.

Невыносимая, глубокая тоска была слѣдствіемъ такой рѣшимости; ей стало и душно, и страшно; она выбѣжала на дворъ, чтобы перевести духъ, взглянуть на могилу матери, можетъ быть, въ послѣдній разъ. На дворѣ было совершенно тихо, и ничто не могло разсѣять ея мыслей, обременявшихъ ея разгоряченную голову.

Въ то время, когда она смотрѣла вдаль и думала о неизвѣстной будущности и о разлукѣ съ завѣтной могилой, изъ-за мазанки выдвинулась фигура Азы. Цыганка, качая головой, долго всматривалась въ неспокойное лицо цѣвущки и, казалось, читала на немъ все, что происходило въ страждущей душѣ; наконецъ она со смѣхомъ бросилась къ Марусѣ.

— А, это ты!—вскрикнула испуганная дѣвушка.

— Да, дитя мое, — отозвалась цыганка: — я пришла за тобой.

— За мной?—спросила удивленная сиротка.

— Не правда ли, теперь ты пойдешь съ нами? Сама видишь, можно ли ужиться съ этими людьми!

— Ты знаешь, что было?

— Все знаю... Я все видѣла; я наблюдала за старикомъ и знала, чѣмъ все это кончится. Оставаться тебѣ здѣсь нечего;

ты хоть и невинна, но тебя ужь осудили, потому что вчера видѣли въ мазанкѣ парня, и ничего знать не хотятъ...

Дѣвушка поблѣднѣла.

— Эхъ!—произнесла цыганка, выпрямляясь, — у всякаго своя доля и никому не убѣжать отъ нея: бѣги хоть въ адъ—и тамъ она найдетъ тебя... Зачѣмъ я пришла сюда, зачѣмъ именно теперь, когда Господь послалъ тебѣ несчастье и слезы? Значить, само собою все устроилось для того, чтобы ты, дитя ромовъ, пошла за своими... Въ твоихъ жилахъ наша кровь... Что тебѣ эта избенка, что эта могила? Для насъ свѣтъ—изба, небо—бровля, а могила—вся земля... Гдѣ ни ступишь, всюду топчешь кости своихъ праотцевъ.

Слушая это, Маруся дрожала; она видимо была тронута и ужь готова была произнести: «иду», но при каждомъ взглядѣ на избу огорченіе все сильнѣй и сильнѣй охватывало ея сердце.

— Какъ же мнѣ бросить все это?—сказала Маруся, вздыхая.—Ты не понимаешь, какъ горько мнѣ подумать о разлукѣ... даже съ ними...

И Маруся указала на птиць.

Аза оскалила рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Вздоръ! Кто безъ тебя не можетъ жить, тотъ пойдетъ за тобой, а кто не стоитъ твоей слезы—останется.

— Кости дѣда!.. кости матери!—произнесла дѣвушка.

— Дитя! душа твоихъ родителей пойдетъ за тобою.

— А изба? вѣдь это трудъ отца?

— Валится... того и гляди задавить кого-нибудь. Для насъ самъ Господь построилъ вѣчную избу. Въ дорогу! Мы уйдемъ сегодня ночью, ступай съ нами; завтра же все забудешь.

— Никогда!—прошептала сирота.

Аза улыбнулась.

— Мы только умѣемъ говорить *никогда*: а сердце — не камень, — и Аза съ дикой энергіей ударила себя въ изсохшую грудь.

— Нашъ таборъ въ руднинскомъ лѣсу... Собирайся! Завтра чуть свѣтъ отправляемся; я сама приду за тобой; только, смотри, никому ни слова!..

Сказавъ это, Аза ушла.

Теперь Маруся находила необходимымъ оставить Стависки; она смотрѣла на предполагаемое бѣгство, какъ на неизбежное

опредѣленіе судьбы и, вмѣсто того, чтобы замедлить минуту разлуки съ дорогими для сердца предметами, старалась ускорить ее. Она тотчасъ же отправилась къ Семеновой, отдала ей пряжу, попрощалась и, возвращаясь домой, встрѣтилась съ Солодухой.

— Знаешь что, бабушка?—сказала она.

— Что?..

Дѣвушка рассказала ей о своей встрѣчѣ съ старикомъ Хоинскимъ и обо всемъ, что было утромъ. Солодуха искусила губы до крови.

— Такъ я и думала, что Мартынъ все расскажетъ... Однако, что мы теперь станемъ дѣлать?

— Что дѣлать? Завтра я уйду отсюда... Вотъ, продать бы только свое хозяйство,—рѣшительно отвѣтила дѣвушка.

— Что ты, угорѣла?

— Говори, что хочешь, бабушка... Проѣздомъ мѣщанинъ изъ Таборжиска нанялъ меня въ служанки, и я согласилась, даже задатокъ взяла...

— Когда? Какимъ образомъ?

— Сегодня въ полдень.

Солодуха покачала головой.

— Гдѣ-жъ тебѣ такъ скоро все распродать?

— Что останется—ты возьмешь.

— Но зачѣмъ тебѣ идти, Богъ вѣсть, куда? Лучше такъ оставь свою мазанку и переходи ко мнѣ: у насъ никто тебя не увидитъ.. а тѣмъ временемъ въ селѣ все успокоится и забудутъ тебя... Потомъ ты опять вернешься въ свою хату.

Слезы навернулись на глазахъ дѣвушки, но она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, нельзя! Деньги взяла и слово дала... Мнѣ только хочется попрощаться съ дѣдушкой Ратаемъ и сказать ему за хлѣбъ-соль спасибо.

— Онъ ушелъ въ Березовую Горю на праздникъ.

— Жаль, жаль!

— Лучше не уходи: въ городѣ сгубитъ тебя твоя же красота.

— Бабушка!—прервала ее Маруся: — завтра утромъ приходи ко мнѣ и возьми все, что останется... возьми кота, голубей, куръ, чтобъ съ голоду не подошли.

Солодуха хотѣла еще что-то сказать, но Маруся быстро схватила ея руку и, поцѣловавъ ее, побѣжала на кладбище. Ей хотѣлось остаться одной и въ послѣдній разъ натѣшиться избушкой и своими вѣрными друзьями, въ обществѣ которыхъ она выросла и провела лучшіе дни своей жизни.

Очутившись на кладбищѣ, она прильнула къ могилѣ матери и какъ бы застыла...

Не знаю, какъ долго она находилась въ такомъ положеніи, но когда поднялась, мѣсяцъ всплылъ высоко, и задумчивая Аза стояла у воротъ кладбища.

— Пора, пора! — произнесла она, замѣтивъ движеніе дѣвухи. — Ступай за мной!

Маруся вздрогнула, вскрикнула, но тотчасъ бросилась въ избу, схватила приготовленный узелокъ и, словно боясь самое себя, безъ оглядки выбѣжала на широкую дорогу, которая вела въ невѣдомую даль...

Аза прикоснулась къ ней. Но сиротѣ еще разъ захотѣлось помолиться на могилѣ матери, и цыганка не осмѣлилась перешагнуть въ обитель мертвыхъ, гдѣ, какъ привидѣнія, стояли безчисленные кресты, охраняя вѣчный покой мертвецовъ. Маруся вошла одна и, упавъ на колѣни, долго молилась, обливаясь горькими слезами...

— Прощай, моя родная, — прошептала о а: — мнѣ нельзя тутъ оставаться... тутъ всё для меня чужіе; былъ одинъ...

Шепотъ замеръ на ея устахъ и дрожація руки обняли вербу, осѣнявшую могилу Мотруны. Въ эту минуту послышался нетерпѣливый голосъ цыганки и дѣвушка убѣжала съ кладбища.

Мѣсяцъ серебристымъ свѣтомъ освѣщалъ мазанку и Маруся могла видѣть на крышѣ голубей, гуся, дремавшего у порога, положивъ голову подъ крыло, и лѣниваго кота на завалянкѣ... Все оставляла Маруся, кромѣ собаки, которая неотступно послѣдовала за своей горемычной хозяйкой.

Дѣвушка бѣглымъ взглядомъ окинула эту картину и бросилась впередъ... Аза пошла за ней, приговаривая:

— Вишь! вся въ отца вышла!

Онѣ молча прошли мимо селенія и приблизились къ кургану, возвышавшемуся на перекресткѣ.

— Стой! — крикнула Аза. — И съ этой могилой надо про-

ститься; вѣдь тутъ лежитъ твой отецъ!.. Молилась на могилѣ матери, помолись и тутъ; и я помолюсь...

Дѣвушка остановилась; цыганка медленно взошла на курганъ, повернулась лицомъ къ мѣсяцу, вырвала горсть травы, собрала въ кучу нѣсколько вѣтвей хвороста, зажгла и совершила жертву. Бросивъ въ огонь благовонныхъ травъ и еще что-то, вынутое изъ узелка, она начала шептать непонятныя слова и какія-то заклинанья; ея рука простиралась къ селу, а взоръ какъ будто впился въ спокойный мѣсяцъ, освѣщавшій эту картину своимъ меланхолическимъ серебристымъ свѣтомъ. Тихій вѣтерокъ раздулъ пламя, и сухія вѣточки, треща, быстро сгорѣли; пламя поднялось вверхъ — и исчезло.

— Теперь въ дорогу! — сказала Аза, сходя съ могилы: — и далѣе, въ широкій свѣтъ, цыганская дочь! Только не забывай, что «гаджи» убили твоего отца! Не забывай!..

XI.

Спустя два дня, знакомый читателю Мартынь, возвращаясь изъ Стависко въ домъ, снова остановился предъ воротами Хонинскаго, который сидѣлъ на ступеняхъ крыльца и мрачно курилъ трубку.

— Добрый день, кумъ!

— Здорово, сосѣдь!.. Что, не съ рожью ли опять?..

— Откуда ея набрать? Въ Ставискахъ, на мельницѣ былъ...

— А дорого тамъ берутъ?

— Десятую часть съ лишкомъ, — отозвался Мартынь, вздыхая... Тяжелыя нынче времена!.. Да, да! кумъ, ржи-то ужъ нѣтъ, а новость привезъ...

— Чортъ бы тебя побралъ съ твоими новостями! Не продашь ли ихъ за ползлота?

— Какъ же! и злотъ не постыдился бы взять за нихъ.

— Ахъ ты, обирало! Ну, да теперь не попадусь тебѣ на удочку: сынъ дома! Правда, онъ хвораетъ что-то, но чортъ его не возьметъ; молодъ и выздоровѣетъ! Дурь пройдетъ...

— Прощай, кумъ! — произнесъ съ улыбкой Мартынь, выказывая рѣшительное намѣреніе уѣхать.

— А новость?

— Есть у меня для продажи четверть гороха: что бы ты, такъ примѣромъ сказать, далъ за нее?

— Тфу, жидище! на что мнѣ твой горохъ?

— А хотъ для свиней? Отдамъ недорого.

— Знаю я, какой у тебя горохъ: на половину источенъ червями... Да новость-то, новость?

— Что дашь за горохъ?

— Убирайся съ своимъ горохомъ! Глупо шутишь.

— Доброй ночи, кум!

Въ это самое время больной Оомка вышелъ въ сѣни, но, увидѣвъ отца, не осмѣлился идти далѣе, остановился и началъ вслушиваться въ разговоръ стариковъ. Мартынъ уже собрался было ѣхать, но Хонскій опять остановилъ его.

— Ну, Богъ съ тобой, — сказалъ онъ, — куплю горохъ, только скажи свою проклятую новость.

— Чудеса, братецъ! Ты такъ напугалъ намеренн дѣвушку, что она оставила всѣ свои пожитки и бѣжала...

Хонскій вскочилъ съ мѣста.

— Ужели правда?—радостно воскликнулъ онъ.

— Какъ Богъ святъ, правда...

— А! добрая, знать, дѣвка... Куда же она ушла?

— Богъ ее знаетъ... Одни говорятъ, что въ услуженіе, а другіе, что съ цыганами бѣжала.

— Жаль, жаль бѣдной! Ну, да къ лучшему...

— А когда горохъ привезть прикажешь? — спросилъ Мартынъ; но Адамъ, занятый бѣгствомъ сироты, ничего не слышалъ и поспѣшилъ къ женѣ сообщить новость.

Оомка, между тѣмъ, затаивъ дыханіе, только и ждалъ, пока пройдетъ отецъ. Какъ только старикъ скрылся за дверью, онъ бросился въ конюшню, осѣдлалъ саврасаго, судорожно сжалъ его колѣнями и выѣхалъ на дорогу. Мартына уже не было: настоявшись вдоволь, онъ убрался домой; ворота были отворены и никто не замѣтилъ бѣгства Оомки.

Старики не успѣли еще поговорить о благородномъ поступкѣ сироты, какъ сынокъ былъ уже въ лѣсу. Онъ прискакалъ къ полянѣ, находившейся въ дубовой рощѣ, и остановился, чтобы поправить сѣдло и подумать о томъ, гдѣ искать Марусю.

Вдругъ конь наострилъ уши, всхрапнулъ и бросился въ сторону. Ожидая погони, Ёмка испугался, но вскорѣ успокоился: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него показалась Солодуха.

— А, это вы, панычъ! — произнесла она. — Вы чуть не раздавили меня.

— Солодуха! чего тебя тутъ ночью черти носятъ?

— Я несу Мартыновой лѣкарство; а вы куда?

Ёмка вздохнулъ.

— Въ свѣтъ! — сказалъ онъ.

— Ишь, какъ далеко!.. — шути произнесла старуха. — Въ какую сторону? Коли увидите моихъ знакомыхъ, то не забудьте поклониться имъ.

— Я и самъ не знаю, куда ѣхать, а надо отыскать ее...

— А отецъ, а мать?

— На что я имъ? Не хотѣли моего счастья, ну и Богъ съ ними! А ты не знаешь, тетушка, куда она дѣвалась?

— Куда же ей дѣваться? Вѣрно, съ цыганами ушла... тамъ какая-то чертовка ее подговаривала; а тутъ еще батька твой погрозилъ... Что жъ ей было дѣлать?..

— А цыгане куда пошли?

— Ищи вѣтра въ полѣ!.. Третьяго дня еще были въ руднинскомъ лѣсу; ну, тамъ и спрашивай...

— Да, да! какой я дурень! Давно бы мнѣ ѣхать туда...

И Ёмка, не сказавъ даже спасибо старухѣ, скрылся въ лѣсу. Солодуха улыбулась и лукаво подмигнула глазомъ.

— Вотъ до чего доволочился молодецъ!.. Вотъ тебѣ, старикъ, и награда за то, что ты черезчуръ задиралъ свой носъ!.. Посмотримъ, какъ-то ты будешь теперь качать въ люлькѣ цыганкиныхъ дѣтей.

ХІІ.

На другой день въ домѣ Хоинскихъ поднялась страшная суматоха. Сынъ пропалъ безъ вѣсти, словно сквозь землю провалился; отецъ сваливалъ вину на мать, а мать на отца, и оба безутѣшно плакали. Весь посадъ собрался на дворъ Адама Хоинскаго: кто пришелъ съ совѣтомъ, кто съ утѣшеніемъ, а Мар-

тынъ съ горохомъ. Солодуха, прижавшись къ забору, съ самымъ невиннымъ видомъ только вздыхала.

Адамъ ломалъ руки, Агафья рвала волосы, слуги перешептывались и выводили самыя невѣроятныя заключенія о внезапномъ исчезновеніи паныча.

— Пусть бы себѣ женился, хоть на жидовкѣ! — вопила мать. — Но бѣжать, покинуть насъ! О, Боже, Боже!

— Неблагодарный! — кричалъ въ свою очередь Адамъ: — только бы онъ попался мнѣ въ руки. Ужъ я закатилъ бы ему, негодному, сто палокъ отцовскою рукою!

— Молчалъ бы ты! — отвѣтила Агафья: — на языкѣ-то у тебя вертится пятьдесятъ да сто, а на дѣлѣ и пяти не далъ бы...

— Но это не можетъ быть! — прервалъ Адамъ: — я его найду, хоть бы онъ сквозь землю провалился!

— А если ушелъ за границу? — отозвался кто-то изъ сосѣдей.

Въ отвѣтъ на это, Хоинскій глубоко вздохнулъ. Рудня находилась всего въ двадцати верстахъ отъ границы и предположеніе сосѣда поразило старика. Въ головѣ его все перепуталось. Между тѣмъ жена кричала ему:

— Бѣги! поѣзжай! догони! вороти его во что бы то ни стало.

— Куда бѣжать? кого догонять? — отвѣчалъ растерявшійся отецъ.

Въ этотъ моментъ Солодуха выдвинулась впередъ.

— Позвольте мнѣ слово молвить, — сказала она: — вчера я встрѣтила его въ лѣсу...

— Ты?.. его?.. встрѣтила?.. — крикнули въ одинъ голосъ отецъ и мать, бросившись къ ней. — Гдѣ, какъ, когда?

Всѣ окружили Солодуху и, довольная вниманіемъ многочисленнаго собранія, старуха принялась рассказывать все какъ было, — разумѣется, не безъ преувеличеній, необходимыхъ для того, чтобъ произвести впечатлѣніе на слушателей.

— Иду я вчера, иду, — начала она, — а ужъ смерклось; ну, иду дорогой, все той самой, что тянется мимо пасѣки, и молюсь себѣ... а тутъ — Матерь Божія и всѣ святые! — поднялся такой шумъ и трескъ, что мнѣ причудилось, будто дубъ валится на голову; еле-еле отскочила въ сторону: гляжу, крещусь,

жду лѣшаго, а тутъ предо мной Өомка — блѣдный, худой, страшный, безъ шапки, волоса взъерошены... Я крикнула, а онъ смотритъ: ухъ! какъ страшно смотреть!.. глаза такіе мутные! А послѣ мнѣ и говорить: „здорово, тетушка!“ — „Здравствуйте панычъ, — говорю, — а куда изволите спѣшить?“ Онъ только рукой махнулъ. „Въ свѣтъ, — говоритъ, — куда глаза глядятъ!“ А я ему: „Куда? зачѣмъ? что за причина?“ А онъ какъ вздохнетъ, такъ у меня мурашки заползали по спинѣ. „Не хотѣли, — говоритъ, — чтобы я былъ счастливъ, значить, я имъ не нуженъ: пойду за цыганами...“ Я его уговаривать и просить, но куда! еще на меня напалъ, ругать началъ... а потомъ поуспокоился и говорить: „Слышь, старуха! коли на то пошло, то я за ней хоть въ адъ пойду, и никто меня не удержитъ; умру, говоритъ, а съ ней не разстанусь!“ Вотъ такъ-таки и сказалъ, — заключила Солодуха.

Наступило общее молчаніе; мать посмотрѣла на старика-отца, который закусилъ губы и опустилъ голову. Мартынь не упустилъ случая спросить куда снести горохъ.

Адамъ не отвѣтилъ; слезы навертывались на его глазахъ. Приказавъ батраку запречь лошадь, онъ пригласилъ троиухъ сосѣдей, осмотрѣлъ свою телѣжку и, простившись съ женой, такъ сказалъ окружающимъ его друзьямъ:

— Ты, Викентій, поѣзжай по дорогѣ, что идетъ въ Стависки, туда хоть и не пошли цыгане, да я не хочу миновать ни одной большой дороги... Ты, кумъ Матвѣй, отправляйся къ границѣ, черезъ Порванцы, и гони, что есть мочи. Ты, Варео-ломей, поѣзжай мимо мехежинской корчмы; а я поразспрошу въ Руднѣ, гдѣ останавливались цыгане, и полетусь куда укажутъ. Если наткнетесь на цыганъ, хватайте Өомку и дѣвку. Скажите сыну, — прибавилъ старикъ запинаясь: — скажите, что я его прощаю... и благословляю, благословляю!.. Пусть будетъ такъ, какъ Богу угодно!

И махнувъ рукой, старый Адамъ взобрался на телѣгу. Услышавъ это, Солодуха чуть не захлопала въ ладоши.

Когда всѣ собрались въ дорогу, вдали показался Ратай, шедшій къ руднинскому посаду.

— Погодите! погодите! — закричала Солодуха: — вотъ и мой старикъ тащится; онъ знаетъ, что дѣлается на три мили кругомъ; у него разспросите, и онъ скажетъ, гдѣ цыгане.

Хоинскій прыгнулъ съ телѣги и засыпалъ слѣпца вопросами прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ остановиться.

— Погодите, дайте вздохнуть! — сказалъ нищій. — А на что вамъ цыгане? Лошадей, небось, накрали?

Солодуха подошла къ нему; старикъ узналъ ее по походкѣ.

— А! и ты тутъ! — крикнулъ онъ. — Ты что же избу не стережешь, а по свѣту таскаешься?

Но Солодуха не дала ему продолжать и шепнула что-то на ухо; старикъ покачалъ головой и снялъ шапку.

— Зачѣмъ васъ такъ много? Пусть панъ Адамъ возьметъ меня одного — и довольно! Я прямо приведу его къ табору.

— Да ты слѣпъ.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! Слепъ-то слѣпъ, да лучше вашего вижу. Садись, панъ Адамъ, да времени попусту не трать; тебя я не стану обманывать...

Какъ ни непріятно было Адаму сидѣть рука объ руку съ нищимъ, но дѣлать было нечего: онъ усадилъ Ратая въ свою колымагу и погналъ лошадей. Сосѣди, верхами, поѣхали за нимъ.

XXIII.

Отъ Рудни до галицкой границы тянутся темные, вѣковые лѣса, кой-гдѣ прерывающіеся полянами и лугами. Трудно было найти человѣка, который бы такъ хорошо зналъ эту мѣстность, какъ Ратай. Онъ исходилъ эти лѣса, поля и луга, по всемъ направленіямъ, пока не потерялъ зрѣнія; день и ночь таскалъ онъ тутъ контрабанду, да и теперь еще не разъ, между кусками черстваго хлѣба, въ грязной сумѣ можно было найти дорогую заграничную ткань безъ таможеннаго клейма. Онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, всѣхъ жидовъ, промышлявшихъ на границѣ однимъ ремесломъ; всѣ ихъ притоны ему такъ же хорошо были знакомы, какъ своя изба; онъ описывалъ каждую тропинку съ такимъ искусствомъ, что Адамъ не могъ надивиться, какимъ образомъ слѣпецъ такъ хорошо все помнить.

Они цѣлый день проблуждали по лѣсамъ; а когда настала ночь, то Ратай посоветовалъ оставить телѣгу въ кустахъ и идти пѣшкомъ, потому что дорога совсѣмъ пропала и нужно

было пробираться по узкой тропинкѣ. Тутъ-то Ратай и доказалъ на дѣлѣ, что можно иногда обойтись безъ глазъ: онъ велъ своего спутника съ такой увѣренностью, какъ-будто передъ нимъ шелъ огненный столбъ, и онъ ни разу не остановился и ни разу не сбился съ дороги.

Они молча пришли къ долинь, окруженной со всѣхъ сторонъ горами; въ глубинѣ ея Хонинскій первый замѣтилъ огонекъ. Цѣлый таборъ цыганъ копошился вокругъ огромнаго костра, расположеннаго подъ развѣсистымъ дупловатымъ дубомъ; тутъ же разбитъ былъ полотняный шатеръ; не вдалекѣ стояла телѣга и паслись спутанныя лошади.

Все это видѣлъ Адамъ: и котелъ, висѣвшій на трехъ козелкахъ, и Азу, сидѣвшую съ поникшей головой, и Апраша, лежавшаго у ногъ ея, и нѣсколько цыганенковъ, прыгавшихъ вокругъ какого-то парня, бренчавшаго на друмлѣ; только не замѣтилъ сына и Маруси.

— Ихъ нѣтъ здѣсь, — произнесъ онъ, заломавъ руки, и лицо его исказилось отчаяніемъ и бѣшенствомъ; но въ то же время Вареоломей указалъ на двѣ слабо-освѣщенныя вдали фигуры; старикъ легко узналъ Оомку и Марусю. Сиротка сидѣла на гниломъ пнѣ; у ногъ ея лежалъ узелокъ, а въ сторонѣ стоялъ Оомка; казалось, онъ говорилъ что-то и колотилъ себя въ грудь. Собака съ наостренными ушами сидѣла тутъ же, возлѣ хозяйки, и безпокойно поглядывала во всѣ стороны. Изрѣдка взглядъ Азы, преисполненный любопытства, останавливался на парѣ влюбленныхъ.

Разглядѣвъ все это, Хонинскій хотѣлъ броситься въ толпу бродягъ и схватить сына, но Ратай остановилъ его и, приказавъ спутникамъ спрятаться, одинъ пошелъ къ табору, придерживаясь направленія по дыму отъ костра.

Когда онъ приблизился, собака Маруси залаяла и вслѣдъ затѣмъ послышался звонкій лай цыганской собаки. Апрашъ вскочилъ съ мѣста, за нимъ поднялась вся ватага и бросилась навстрѣчу старику.

Увидѣвъ Ратая, Маруся вскрикнула отъ радости и у нея отлегло на сердцѣ.

— Здорово, дѣдѣшка, здорово!

— А! это ты, Маруся, — произнесъ старикъ, только и ждав-

пій того, чтобы сирота отозвалась. — Что это ты? Полюбила парня да и бѣжала съ нимъ? Славно! славно!

Маруся смутилась.

— Ужъ вѣрно мнѣ такъ на роду написано, дѣдушка! — отвѣтила она, — мнѣ и не снилось бросить избушку и могилу матери; а вотъ, ни съ того ни съ сего, привязался, погрозилъ проклятіемъ, и я бросила... Видно, ужъ на то была Божія воля! Я плакала, просила его и теперь прошу, чтобы онъ отсталъ отъ меня и воротился домой — не хочетъ и не слушается меня... Вотъ ты, дѣдушка, не упросишь ли его.

— Я сейчасъ изъ Рудни, — сказалъ Ратай: — тамъ такая кутерма, что Боже избави!.. Не слѣдовало вамъ, паничъ, заваривать каши; ваши родители такъ горюютъ, что жаль смотрѣть на нихъ. Стыдитесь!.. Сердца у васъ нѣтъ, что-ли?

Оумка упорно молчалъ.

— Такъ, такъ, дѣдушка! — воскликнула Маруся, — скажи ему, какъ они плачутъ, и пусть онъ воротится домой...

— Если ты воротишься, то и я вернусь, — отвѣтилъ Оумка, — а иначе не пойду.

— Ахъ, доль моя, доля несчастная! — произнесла Маруся.

Ратай вынулъ изъ сумы кусокъ черстваго хлѣба, сѣлъ на пенъ и началъ его жевать. Аза, прислушивавшаяся издали къ разговору, приблизилась къ нимъ и, всматриваясь въ лицо старика, съ язвительной улыбкой замѣтила.

— Пусть побѣсятся старики!.. Такъ имъ и надо! Не хотѣли, чтобы сынъ былъ счастливъ, такъ пусть себѣ другого ищутъ.

— Видно у тебя-то самой нѣтъ дѣтей! — строго возразилъ Ратай.

— Конечно, нѣтъ! Да и на что они? Только и утѣхи съ ними, пока у груди, а какъ спустишь на землю, то у тебя же вырвутъ хлѣбъ изо рта и не дадутъ покоя. Не такъ ли, старичекъ?

Старикъ покачалъ головой.

— Такъ-то, — продолжала Аза, — ни онъ, ни она не воротятся домой: они пойдутъ съ нами. Она наша, а онъ — ея мужъ. Для нея онъ отъ всего отказался — и хорошо сдѣлалъ, хорошо!.. Одинъ часъ нашей свободной жизни лучше десятковъ лѣтъ вашей сидячей въ неволѣ.

— Не совсѣмъ-то, моя милая, — отвѣчалъ Ратай: — что кому, разумѣется, по сердцу; а я такъ не промѣнялъ бы своей несчастной судьбы на вашу.

— Ну, врешь, старикъ! — сказала цыганка: — самъ знаешь, что нѣтъ жизни лучше цыганской. Мы плюемъ на судьбу, ибо она каждый день у насъ новая... и небо новое, и земля новая, и жизнь новая. Вотъ такъ, все дальше и дальше, лишь бы день къ вечеру!.. Намъ весело живется.

— Э! что ты, говоришь! — робко прервала Маруся: — я половину жизни отдала бѣ за могилу матери и за свою избушку... Недавно я оставила Стависки, а ужъ умирать съ тоски приходится.

— Не диво, не свыклась еще! — смѣясь, перебила Аза.

— Если тебѣ грустно, то воротись назадъ, — сказалъ Ратай Марусѣ. — На то у тебя воля и разумъ есть!

— Въ томъ-то и дѣло, что нельзя воротиться и глазъ показать: меня заѣдятъ, проклянутъ...

— Ну, это не бѣда!.. — произнесъ старикъ: — хочешь, я провожу тебя домой?

— Я и безъ тебя, дѣдушка, нашла бы туда дорогу, — возразила Маруся: — лучше уведи туда Оому.

— Не говори этого, Маруся, — сказалъ Оомка: — ты знаешь — я поклялся остаться съ тобою, и останусь.

— О, горе мое, горе! — вскричала бѣдная дѣвушка и закрыла лицо руками.

Ратай вскочилъ, выпрямился и обернулся назадъ: по этому знаку изъ кустовъ явилась фигура Хоинскаго и сосѣдей. Какъ только пламенемъ костра освѣтило лицо его и крикъ Оомки, подхваченный эхомъ, разнесся по лѣсу, весь таборъ встрепенулся, какъ стадо дикихъ птицъ отъ выстрѣла охотника. Аза тоже вскрикнула — и всѣ взялись за топоры и палки. Цыгане, вообразивъ, что это крестьяне на нихъ нападаютъ, приготовились къ защитѣ. Маруся упала на землю, Оомка хотѣлъ было бѣжать, но Ратай крѣпко держалъ его за полу и закричалъ во все горло:

— Эй вы, поганые нехристи! насъ немного и никакого зла вамъ не сдѣлаемъ... А ты, дурень, не бѣги отъ счастья! Въ ноги отцу и проси прощенья!..

— Я не возвращусь домой...

— Полно, дурень!—перебилъ слѣпецъ:—батъка простить тебя и ты женишься на Марусѣ... Въ ноги, въ ноги ему!

Молодой человѣкъ послушался и грохнулся къ ногамъ отца. Между тѣмъ Маруся встала и, дрожа отъ страха, скрылась за Азой въ толпѣ цыганъ.

Хонинскій не могъ выговорить ни слова; онъ молча обнялъ сына.

— Ну, хорошо, я прощаю тебя! — проговорилъ онъ наконецъ:—бери ее и возвращайся домой, только помни...

Слезы прервали его слова.

Омка вырвался изъ объятій отца и повернулся къ Марусѣ, которая шепталась съ цыганкой.

Вдругъ весь таборъ, какъ будто по мановенію волшебника, зашевелился и началъ собираться въ путь. Шатеръ былъ снятъ и уложенъ въ телѣгу и лошади быстро запряжены; бродяги толкали другъ друга и каждый несъ къ телѣгѣ свои нищенскіе пожитки.

Омка подошелъ къ дѣвушкамъ.

— Маруся!—сказалъ онъ. — Отецъ простилъ насъ, поѣдемъ къ нему!

Но Маруся залилась слезами и пряталась за плечами Азы.

— Она не хочетъ!—крикнула цыганка:—слышишь? не хочетъ!

— Почему?—спросилъ Омка.

— Она уйдетъ съ нами...

— Не можетъ быть! — отчаянно закричалъ молодой человѣкъ.

— Что? что такое?—спрашивалъ Ратай, пробираясь къ нимъ.

— Она не хочетъ?—отозвался Хонинскій:—но неужели мы должны еще просить?

И оба приблизились къ сиротѣ.

— Что ты, дитятко,—началъ нищій:—сдурѣла что ли, что отказываешься отъ такого счастья? Неужто цыгане научили тебя уму-разуму?

— Никто меня ничему не училъ!—сказала Маруся, подавляя слезы:—но сами вы скажите, какое будетъ мое счастье въ вашемъ домѣ? Любить вы меня не можете —я вамъ не ровня, я цыганка!—и на другой день вы прогоните меня или станете попрекать бѣдностью... Я боюсь!..

Хонинскій задумался.

— Слушай! — сказалъ онъ, помолчавъ, — я скажу тебѣ всю правду: прежде я считалъ тебя грѣховодницей, а теперь, какъ поразвѣдалъ и увидѣлъ собственными глазами, что ты дѣвушка честная — не хочу лучшей жены для сына. Денегъ у васъ будетъ довольно: и только бы онъ былъ счастливъ.

Маруся поцѣловала руку старика и тихо, прерывающимся голосомъ, отвѣтила:

— Награди васъ Богъ за доброе слово! Но что скажутъ ваши сосѣди, мать?..

— Э! полно вздоръ-то молоть! — крикнулъ Ратай, съ нетерпѣніемъ поднимая палку. — Ты еще глупа! Вернешься домой и будешь сидѣть въ родномъ уголкѣ, въ холѣ и въ счастьи, и чегожъ тебѣ больше? Кланяйся старику, и дѣлу конецъ!

Дѣвушка поклонилась.

Когда въ кружкѣ, составившемся изъ Хоинскихъ, Ратая, Вареоломея и Маруси происходила эта сцена, толпа цыганъ остановила свои сборы и молча ожидала конца; но когда Маруся бросилась къ ногамъ старика — раздался сатанинскій смѣхъ Азы.

— Глупая дѣвка! пропащая! прочь съ глазъ моихъ!..

И, обратясь къ табору, Аза прибавила:

— Маршъ, въ дорогу! въ Венгрію!

— Пора и намъ, — произнесъ Хоинскій: — тамъ ждетъ насъ старуха, которая, вѣрно, всѣ глаза выплакала...

Маруся хотѣла было попрощаться съ предводительницей цыганъ, но та съ презрѣніемъ ее оттолкнула.

— Прочь, поганая!.. прочь! — проворчала Аза сквозь зубы: — ты недостойна ни нашего очага, ни нашего сердца. Пропадай, поганая!

Спутники Хоинскаго схватили Марусю, усадили въ колымагу, вытащенную изъ кустовъ, и усакали съ такою поспѣшностью, что даже забыли взять съ собой Ратая и савраску.

Слѣпецъ, ворча, пѣшкомъ побрелъ домой, а саврасый поспѣдовалъ за цыганами въ Венгрію.

Спустя нѣсколько недѣль, Хоинскіе сыграли богатую, веселую, шумную свадьбу.

Чего же больше? Свадьба сыграна, молодые поцѣловались, гости выпили за ихъ здоровье, поужинали и разъѣхались по домамъ. Но только въ сказкахъ кончаютъ рассказъ шумною свадьбой. Въ дѣйствительности, сказанный конецъ — начало. Когда-нибудь, когда на душѣ будетъ легче, а на свѣтѣ веселѣе, я расскажу о томъ, что нашла молодая чета въ небольшомъ, опрятномъ дворикѣ, выросшемъ словно изъ земли возлѣ старухи-хаты, которая все еще стоитъ и напоминаетъ жителямъ Стависокъ о нашихъ герояхъ... и ждетъ новыхъ жильцовъ.

Чон

53326

11/10/00